

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ Г. МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Короленко Ольга Игоревна

**ЛЕГИТИМАЦИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В ДИСКУРСИВНЫХ
ПРАКТИКАХ XVII-XVIII ВЕКОВ: ФРАНЦУЗСКАЯ АКАДЕМИЯ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

**Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Л.Г. Викулова**

Москва – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ДИАХРОНИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ЛЕГИТИМАЦИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ: ОТ НАУЧНОГО КРУЖКА К АКАДЕМИИ.....	14
1.1. Лингвокультурные основания легитимации филологической науки	14
1.1.1. Научный кружок как предтеча академической речевой практики: тематический филологический кружок.....	21
1.1.2. Салоны как коммуникативное пространство трансляции научных знаний	26
1.1.3. Публичные лекции как новая форма речевой практики	29
1.1.4. Французская Академия как новая форма легитимации научного знания	32
1.2. Прагмалингвистические особенности регулятивных текстов Французской Академии XVII века	47
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.....	61
ГЛАВА II. ЭПИДЕЙКТИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКИ XVII–XVIII ВЕКОВ	63
2.1. Академический дискурс как основа коммуникативной практики в рамках Французской Академии	63
2.2. Торжественная вступительная речь как прототип научного дискурса	78
2.3. Ответное слово как жанр академического дискурса XVII–XVIII веков	88
2.4. Compliment и поздравительная речь как эпидейктические жанры академического дискурса XVII-XVIII веков	95

2.5. Панегирик как хвалебный жанр академического дискурса XVII века	101
2.6. Благодарственное слово как жанр академической речевой практики XVII века.....	111
2.7. Мемориальная (траурная) речь как жанр речевой практики.....	116
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II.....	123
ГЛАВА III. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ	125
3.1. У истоков Словаря Французской Академии	125
3.2. Лексикографический дискурс: <i>Словарь Французской академии</i>	130
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III.....	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	153
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	155
ПРИЛОЖЕНИЕ	184

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертационная работа посвящена проблеме легитимации филологической науки в дискурсивных практиках XVII–XVIII веков в Европе (во Франции в том числе), что связано с возникновением и формированием нового социального института – Французской Академии, сыгравшей важную роль в становлении национального письменно-литературного языка. Легитимация понимается как признание законности социального института, его статуса и полномочий, опирающиеся на принятые в данном обществе ценности. Интерес общества и власти к проблеме легитимации знания стал началом активного процесса социальной и научной коммуникации в рамках формировавшегося института. Процесс институционализации Академии предполагает создание стабильных образцов социального взаимодействия, основанного на формализованных правилах, законах и ритуалах.

Актуальность исследования обусловлена тенденциями развития современной науки, уделяющей большое внимание историографии лингвистики, которая освещает определенные этапы развития языкознания в свете изучения связей научного знания с социокультурной средой, в рамках которой оно формируется. Кроме того, современное гуманитарное знание направляет вектор своих исследований в сторону углубления интереса к языковым механизмам, обеспечивающим функционирование языка, к различным формам публичной речи, жанрам, реализующим социально ориентированное общение, в том числе в академической среде на начальном этапе ее становления в качестве нового научного института. Данное исследование органично вливается в русло современных аналитических научных разработок по осмыслению сущности академической (научной) коммуникации и методологических основ ее изучения.

Отметим, что обращение к заявленной теме ведет к решению таких теоретических проблем, как определение истоков и научно-исторический контекст формирования лингвистических идей на конкретном этапе развития

лингвистической науки (XVII–XVIII вв.). **Актуальность работы** также обусловлена важностью изучения классических, но востребованных и сегодня жанров риторических сочинений – *торжественных речевых жанров*, формировавшихся в официальной академической среде и отражавших этикетно-организованный строй речи.

При рассмотрении проблемы коммуникации, осуществляемой в рамках профессиональной (в том числе научной) деятельности и реализующейся в ситуации общения в рамках академического дискурса как институционального, ученые исследуют данный сложный феномен по следующим направлениям:

1) определение социокультурных оснований деятельности в рамках академического сообщества [Шародо 2002; Виала 2002; Карасик 2002; Рыжова 2007; Викулова 2017];

2) выявление речевых жанров академического дискурса как средства формализации социального взаимодействия [Бахтин 1979; Рождественский 1997; Дементьев 2010; Хутыз 2015];

3) описание ключевых стратегий коммуникативного поведения в профессионально значимых ситуациях общения академик vs академическое сообщество [Чернявская 2011; Иссерс 2015].

Актуальность исследования определяет и **научную новизну** работы. В работе анализируется политика легитимации филологического знания в XVII–XVIII вв. и ее влияние на статус национального языка в обществе. Работа Французской Академии, в рамках которой формировался «интеллектуальный дискурс» (термин О.А. Радченко), повлиявший на развитие светской интеллектуальности в Европе в целом в период Просвещения, *впервые* рассматривается с позиций лингвокультурного контекста. **Научная новизна** работы состоит в применении нарративного историографического подхода к изучению научного наследия Французской Академии, одного из важнейших институциональных лингвистических образований. Фактором новизны данной работы является изучение не

исследовавшегося ранее материала, разработка элементов лингвистического анализа текстов академического дискурса и коммуникативных стратегий, используемых в данном виде дискурса.

Объектом исследования является процесс легитимации филологической науки XVII–XVIII вв. Выбор данного объекта мотивирован актуальностью историографического анализа периода создания и развития Французской Академии как одного из европейских центров науки.

Предметом исследования выступают дискурсивные практики Французской Академии XVII–XVIII вв., способствовавшие формированию интеллектуальной культуры, представленной в частности, эпидейктическими жанрами в форме публичных и торжественных речей, репрезентирующих социально значимое академическое общение в данный период.

Методологическую основу настоящей диссертационной работы составляют теоретические положения, представленные в трудах специалистов по следующим направлениям:

- формирование институционального академического дискурса (В.И. Карасик, Р.С. Аликаев, В.Е. Чернявская, И.П. Хутыз, О.А. Сулейманова, Н.Д. Десяева, Ю.В. Щербинина; К. Хайланд);
- теории риторики и культуры речи (Н.И. Формановская, В.И. Аннушкин, Л.А. Введенская, Ю.В. Рождественский, Н.А. Безменова);
- жанров речевой практики (М.М. Бахтин, О.Б. Сиротинина, Н.Н. Семенюк, Н.С. Бабенко, В.В. Дементьев, Л.П. Рыжова, Т.В. Шмелева, Е.В. Быкова, Р.А. Газизов, Т.В. Ларина, М.И. Панов, Л.Е. Тумина, И.В. Шерстяных) – критический подход к понятию *жанр речи*, классификации различных жанров;
- теории текста (Н.Д. Арутюнова, Н.С. Валгина, И.Р. Гальперин, С.П. Кушнерук) – критический подход к понятиям *текст*, *дискурс*;
- теории коммуникации (Л.Г. Антонова, Г.Г. Почепцов, Л.Г. Викулова);

– прагмалингвистики (С.Н. Плотникова, Е.Ф. Серебренникова, Л.П. Рыжова, Дж. Л. Остин, Дж. Р. Серль, П. Шародо) – анализ новых речевых практик взаимодействия и воздействия;

– истории французского языка (Т.Б. Алисова, Н.Ю. Бокадорова, Р.А. Будагов, Л.М. Скредина, Л.А. Становая, Н.А. Катагощина, Н.М. Васильева, Е.Н. Михайлова, О.А. Турбина, А. Доза, Ж. Леклерк, Р.А. Лодж, Ж. Пикош, Т. Тирте, Ф. Йетс) – роль Французской Академии в становлении французского языка;

– языковой политики и истории Франции (Д.Ю. Гулинов, Н.Б. Мечковская, В.И. Беликов, Л. Бели, Э. Древийон) – определение роли деятельности Французской Академии в языковой политике государства;

– истории Французской Академии (Е.С. Кривушина, А. Виала, А.В. Голубков, Ю.Х. Копелевич, П. Пелиссон, П. Мейнард, П.-Ж. Э. Гасье, Ж.-П. Капю, Э. Каррер д'Анкосс) – рассмотрение истории становления Академии, ее структуры и развития;

– лексикографического дискурса (Л.В. Щерба, В.П. Берков, Р.А. Будагов, З.А. Харитончик, Ж. Маторе).

– элитарности науки (Г.К. Ашин, И.Т. Касавин, Н.С. Пряжников).

Материалом исследования выступают нормативные документы Французской Академии XVII–XVIII вв., иллюстрирующие процессы институционализации такие как *Патентное письмо* (Lettres Patentes) и *Устав Французской Академии* (Statuts et règlements), а также Словарь Французской Академии, общим объемом 1479 страниц (т. 1 – 761 с., т. 2 – 718 с.). Источниками **материала исследования** также послужили торжественные речи французских академиков, произнесенные на официальных заседаниях в XVII–XVIII вв., которые представлены на официальном сайте Французской Академии. Общий объем исследуемого материала – 272 речи, из которых: 135 – торжественные речи; комплиментарные речи – 14; поздравительные речи – 8; ответные речи – 101; панегирические речи – 6; благодарственное слово – 3; мемориальные /траурные речи – 5.

Цель работы – исследование процессов легитимации филологической науки в рамках Французской Академии на основе конвенциональных правил, сформулированных в регулятивных текстах (устав, патент на создание нового института); выявление путей создания трудов, регулирующих общественно-речевую практику (словарь, грамматика; вербализованные формы научной культуры – торжественные речи академиков) в рамках академического дискурса XVII–XVIII вв.

Поставленная цель обусловила необходимость постановки и решения следующих *исследовательских задач*:

- определить степень разработанности научных подходов в историографии к легитимации филологического знания в определенных культурно-исторических условиях;
- проанализировать основные аспекты изучения академического дискурса в отечественной и зарубежной лингвистике с целью обоснования особенностей формирования Французской Академии как объекта государственной и общественной оценки;
- выявить специфику доинституционального (существования) академического дискурса;
- проанализировать специфику публичных речевых жанров, используемых в академическом дискурсе XVII–XVIII вв. как основы коммуникативной институциональной практики;
- выявить такие коммуникативные стратегии, как похвала, самопрезентация, самоуничижение, используемые в официальной академической речевой практике XVII–XVIII вв., на основе торжественных речей академиков.

Методы исследования. Поставленные задачи и специфика изучаемого материала обусловили необходимость использования ведущего метода исследования – описательный метод, включающий в себя основные компоненты: наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию. В ходе исследования применены: метод дискурс-анализа, элементы статистической обработки материала, формализованные приемы и

представления результатов (таблицы и схемы). Использование компьютерной программы «Tropes VF8.4»¹ при проведении контент-анализа текстов *Патентного письма* и *Устава Французской Академии* позволяет, исходя из целей и задач работы, выделить необходимые элементы дискурсивного анализа регулятивных текстов.

Гипотеза исследования. Учитывая лингвистическую ситуацию формирования нового научного знания о языке, государство создает научное сообщество в рамках нового института – Французской Академии, обозначив ожидаемые научные результаты в регламентирующих документах. Можно предположить, что в пространстве нового научного учреждения формируется академический дискурс, который обнаруживает не только языковую, но и коммуникативную специфику академической речевой практики в ситуациях публичного общения.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что выявлена сущность процесса легитимации научного знания в аспекте развития лингвистической мысли в определенный период формирования научных институтов как объектов общественной оценки. Проанализированы этапы формирования доинституционального и институционального периодов академической речевой культуры. Выявлены особенности эпидейктических жанров в системе координат коммуникативного поведения языковой личности ученого в рамках формирующегося дискурсивного сообщества.

В работе намечены пути дальнейшего исследования академического дискурса на материале торжественных речей в диахронической перспективе, выявлении параметров анализа языковых коммуникативно-прагматических средств, используемых в академическом дискурсе. Данная работа может стать основой для дальнейших научных исследований, касающихся легитимации и нормирования национального языка с учетом деятельности академических структур в культурно-историческом контексте, а также

¹ Программа «Tropes VF8.4» является компьютерной программой, созданной П. Молеттом и А. Ландре (Pierre Molette, Agnès Landré) на основе разработок Р. Джильона (Rodolphe Ghiglione) (Copyright 1995-2011) [<http://www.tropes.fr/download.htm>].

исследования текстов, вербализующих научный результат и влияющих на научную коммуникацию.

Практическая значимость исследования состоит в том, что основные теоретические положения и выводы, полученные в результате исследования, могут быть использованы в учебных вузовских курсах для бакалавриата и магистратуры: «История языка», «Основы теории коммуникации», в элективных курсах «Основы языковой политики», «Стратегии аргументации в академическом дискурсе», для написания курсовых и выпускных квалификационных работ.

Положения, выносимые на защиту

1. Легитимация филологического знания предполагает процесс институционализации, который основан на регламентировании деятельности Французской Академии. Государственные регулятивные тексты устанавливают статус Академии, определяют цели и задачи ее работы. Регулятивные документы – Патентное письмо и Устав Академии – выступают обязательными нормирующими текстами в научной коммуникации власти, социума и академической общественности. При этом сами документы устанавливают границы деятельности ученых, степень значимости работы по нормированию французского языка в социокультурном контексте того времени.

2. Диахронический вектор легитимации научного учреждения отражает значимость речевой практики, способствовавшей становлению академического дискурса, тематических филологических кружков, салонов как коммуникативного пространства трансляции научных знаний, лекционных бюро как демократической формы 'массовизации' знаний в обществе.

3. На начальном этапе становления Французской Академии активно развивается академическая речевая практика, в основе которой торжественные речи, произносимые академиками XVII–XVIII вв. на официальных заседаниях. Коммуникативная практика академического

дискурса данного периода представлена такими эпидейктическими жанрами, как вступительная торжественная речь, ответное слово, комплимент и поздравительная речь, панегирик, благодарственное слово, мемориальная (траурная) речь.

4. Лексикографическая деятельность Французской Академии направлена на решение государственной задачи – создание словаря, соответствующего двум требованиям пуристических принципов к литературному языку – ясность и правильность. В словаре отражается стремление его создателей к очищению литературного языка от иноязычных заимствований, неологизмов, а также естественного проникновения в литературный язык ненормированных лексических и грамматических элементов.

Апробация работы. Основные положения работы были представлены в качестве научных докладов на **9** научно-практических конференциях:

- IX–X Научная сессия Института иностранных языков МГПУ (ГАОУ ВО МГПУ, Москва, март 2015 г., март 2016 г.);
- Межрегиональная научная конференция «Язык, коммуникация, речевая культура» (ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», Ярославль, декабрь 2015 г.);
- I международная конференция «Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик» (ГАОУ ВО МГПУ, Москва, апрель 2016 г.);
- II Международная научная конференция «Франция и Россия: от средневековой имперсональности к личности Нового времени» (НИУ ВШЭ, Нижний Новгород, сентябрь 2016 г.);
- XIII Международная научно-практическая конференция «Человек в информационном пространстве» (ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, Ярославль, 2016 г.);

- Научной конференции института иностранных языков ГАОУ ВО МГПУ «Научный старт – 2017: инвестиции в профессиональный потенциал» (ГАОУ ВО МГПУ, Москва, март 2017 г.);

- I Международная научная конференция «Наука в общественном диалоге: ценности, коммуникации, организация» (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет им. Петра Великого, апрель 2017 г.);

- Объединенная международная научная конференция «Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы» (ГАОУ ВО МГПУ, Москва, сентябрь 2017 г.)

Основные положения диссертационного исследования отражены в 12 публикациях, общим объемом 4,5 п.л. (из них 1,5 п.л. – в изданиях, рекомендованных ВАК).

Объем и содержание работы. Диссертация общим объемом 194 страницы (из них – 154 страницы основного текста), состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 247 наименований, в том числе 47 на иностранных языках, списка использованных словарей и энциклопедий (28 наименований), списка источников примеров (22 наименований), приложения.

Во **Введении** дается обоснование выбора объекта, предмета исследования, его актуальности и новизны, определяются цель, задачи работы, используемые в ходе анализа методы и подходы. Указывается теоретическая значимость и практическая ценность работы, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

Глава I «Диахронический вектор легитимации филологической науки: от научного кружка к академии» посвящена становлению Французской Академии как лингвистического института. Анализируются формы академической речевой практики доинституционального и институционального периодов.

В **Главе II** «Эпидейктические жанры академической речевой

практики XVII–XVIII веков» исследуются различные жанры торжественных вступительных речей, произнесенных академиками на официальных заседаниях на начальном этапе формирования Академии.

В **Главе III** «Лексикографическая работа Французской Академии» рассматриваются особенности лексикографического дискурса на материале первого издания Словаря Французской академии.

Заключение посвящено результатам исследовательской работы, где рассматривается выполнение задач, поставленных в начале исследования, намечаются перспективы дальнейшей работы.

Приложение содержит итоги анализа практического материала, а также материал иллюстративного содержания. В качестве иллюстративного образца в Приложении представлены список первых 40 академиков с момента создания Французской Академии, данные контент-анализа текстов *Патентного письма* и *Устава Французской Академии* на французском языке, (для которых была использована программа «Telechargement de tropes VF8.4»), оригинальные страницы из первого издания *Словаря Французской Академии*.

Теоретические аспекты рассмотрения академического дискурса, а также его практическое применение на материале торжественных речей позволяет обратиться к проблеме формирования академического коммуникативного пространства на современном этапе. Особый интерес для дальнейшего исследования могут представлять психолингвистические и социолингвистические особенности академического дискурса.

ГЛАВА I. ДИАХРОНИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ЛЕГИТИМАЦИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ: ОТ НАУЧНОГО КРУЖКА К АКАДЕМИИ

1.1. Лингвокультурные основания легитимации филологической науки

Легитимация филологической науки требует обращения к описанию языковой ситуации в период формирования письменно-литературной культуры, в рамках которой создавались труды, регулировавшие общественно-речевую практику (словари, грамматики, риторики, справочники речевого употребления). Необходимость создания и закрепления общих языковых норм осознавалась в Европе, в том числе и во Франции уже в XVI веке, когда доминировал латинский язык, который являлся деловым языком и безраздельно господствовал в научном общении, философии и высшей школе [Скрелина, Становая 2013: 299; *Nouvelle histoire de la langue française* 1999: 227].

К XVI веку соперничество французского и латинского языков достигает апогея, но французский уверенно завоевывает позиции не только в столице, но и за ее пределами. Но, как отмечают ученые [Скрелина, Становая 2013: 300], одним из наиболее чувствительных ударов по латыни становится королевский указ 1539 г., известный как Ордонанс Виллер-Котрэ (*Ordonnance de Villers-Cotterêts*), предписывавший исключительное использование французского языка в судопроизводстве на всей территории Франции. Это был по своей сути официальный лингвистический документ, узаконивший положение, сложившееся уже в XVI веке. Таким образом, данный документ положил конец билингвизму, царившему в административных сферах и судопроизводстве, установив тем самым статус французского языка как государственного.

В XVI веке появляются первые грамматики, авторы которых ставили своей целью описать правила французского языка и показать его

совершенство. Не только грамматисты, но и выдающиеся писатели данного периода направляют свои усилия на то, чтобы продемонстрировать богатство французского языка, его способность удовлетворять языковым потребностям нации и государства, а также на то, чтобы определить формы образцового французского языка [Турбина 1994: 71].

Уникальность ренессансной культуры во многом была обусловлена особой ролью гуманитарного знания и исключительной значимостью словесности в кристаллизации системы культуuroобразующих и культуuroопределяющих ценностей того времени. Важным в эпоху Ренессанса, как отмечает Е.Н. Михайлова, является *культ слова*, воспринимаемый в гуманистической среде исключительно через культуру письменного текста и достигший своего апогея благодаря изобретению книгопечатания, которое тогда воспринималось как олицетворение прогресса и силы человеческого гения [Михайлова 2017: 346-347]. Что касается академической практики XVII века, считаем, что культ слова также сыграет ключевое значение в институционализации филологического знания.

Для ренессансной системы знаний о языке характерна сфера языковой вариативности или того, что в то время принято было обозначать через термин *varietas* (разнообразие). В этом плане гуманисты впервые вводили в научный обиход такие аспекты теории языка, как языковые контакты и культурные влияния, соотношение понятий изменчивости и стабильности языков [Там же: 354-355].

Для ренессансной науки филологическое знание представляло собой фундамент и основной инструмент познания. Своеобразное отражение в сфере знания о языке получил и излюбленный в среде гуманистов жанр диалога, ставший главным жанром научной прозы в XVI веке [Там же: 359]. Однако окончательное формирование научной лингвистики, предполагающей доминирование описательного подхода к языковым фактам, отмежевание от искусства речи, будет происходить только в период Нового времени (начиная с XVII в.), для которого характерен переворот в познании

мира.

XVII век знаменуется для Франции множеством значимых событий как в политическом и экономическом, так в социальном и культурном планах. Это время формирования единого французского государства и французской нации. В данный период времени в научной жизни Европы, в том числе и во Франции, происходят важные изменения: ученые начинают ощущать потребность если не коллективной работы, то коллективного обсуждения научных проблем. Вместе с тем растет давление государства, осознавшего значение науки и пытающегося поставить ее под свой контроль, как и окажется впоследствии с новым социальным институтом – Французской Академией [Исторический лексикон. Европа XVII век 2008: <http>].

Рассуждая о проблеме нормативности в языке, Н.Н. Германова справедливо отмечает, что, «с одной стороны, язык в своем развитии дает стимулы для развития теории языка: история лингвистики показывает, что лингвистические теории нередко являются реакцией на культурные вызовы своего времени и попыткой разрешить возникающие конфликтные ситуации, связанные с функционированием языка в обществе. С другой стороны, филолог своей деятельностью и высказываниями о языке вмешивается в процесс развития языка, хотя это воздействие может носить косвенный и опосредованный характер» [Германова 2014: 8-9]. Регламентация языка всегда предполагала влияние на общественно-речевую практику.

Как пишет Ю.В. Рождественский [1996: 264-265], после выхода в свет грамматики Пор-Рояля изменилось соотношение между учениями о языке (грамматикой, риторикой, логикой и поэтикой) и видами речи. Если раньше каждое учение ведало своей областью речи, то теперь каждое речевое произведение – предмет комплексного применения всех искусств речи. Думается, в обществе создавался некий «идеал грамматической правильности, которую стали соотносить с требованием коммуникативной ясности» [Германова 2014: 22]. Закономерно, что власть сделает социальный

заказ филологическому сообществу в лице формируемой Академии на создание грамматики, риторики и поэтики.

Французский классический язык – это язык, который после долгой, завладевшей передовыми умами Франции и, пожалуй, всей Европы борьбы между «старыми» (приверженцами античных образцов языка и литературы) и «новыми» (признававшими преимущество французского языка над латынью), в конце XVII века одержал победу над древними языками, ознаменовав начало периода авторитетом французского языка как языка науки и международного общения [Турбина 1994: 3]. Прежде всего, французский классический – это язык французской классической литературы, но на протяжении почти столетия он был общенациональным языком: на нем говорил и писал королевский двор, аристократическая знать, ученые мужи, светские дамы и все население Франции.

К началу XVII века, в эпоху укрепления абсолютизма во Франции, французский язык стал уже достаточно значимым средством общения на территории страны, хотя местные диалекты и говоры еще сохраняли определенное влияние. Внутри литературного языка стали развиваться функциональные разновидности; были сделаны попытки фиксации норм, особенно в орфографии. Однако еще не все проблемы «языкового строительства» в этот период разрешены: латынь сохраняет свои позиции в науке, в школах преподается в основном латинский язык [Гак, Мурадова 2016: 134].

Вместе с тем отметим, что К. Вожла, который станет членом Французской Академии, в своих рассуждениях об образцовом узусе во Франции XVII века, призывал литераторов ориентироваться на речь королевского двора. Развивая идеи «аристократического» пуризма, автор обосновывает *теорию доброго обычая (Bon Usage)* или правильного употребления языка, понимая под этим термином «манеру говорить самой лучшей части придворного общества, в соответствии с манерой писать самой здоровой части современных писателей» (*c'est la façon de parler de la plus saine*

partie de la Cour, conformément à la façon d'écrire de la plus saine partie des Auteurs du temps) [Vaugelas 1969: 21]. Такой подход носил ярко выраженный социальный характер.

XVII век – это время, когда лингвистическая наука была представлена именно грамматиками. Ученые отмечают, что изменения происходят не только в самом понимании грамматической теории, но и в подходе к составлению грамматик. *Ars grammatica* (грамматическое искусство) противопоставляется *scientia grammatica* (грамматическая наука). Грамматическое искусство продолжает традиции античных греко-латинских грамматик и представляет собой практические и нормативные грамматики отдельных языков. В тоже время грамматическая наука становится первым шагом на пути к развитию лингвистической науки в целом и представляет собой описательную грамматику, объясняющую принципы построения конкретных языков и естественного языка в целом.

Справедливо отмечается, что первые грамматики возникали в связи с потребностью в нормализации речи, упорядочения систем отдельных языков. Однако постепенно возникает необходимость описания общих механизмов порождения речи. Подобная ситуация и характеризует XVII век в лингвистике: наряду с традиционными грамматиками, созданными по античному образцу, появляется новый тип грамматик – универсальная грамматика. Французская лингвистика в данный период предлагает новую грамматическую идею, представленную в Грамматике Пор-Рояля [Мохова 2016: 134].

Во Франции к XVII веку была создана не одна грамматика, наряду с грамматиками латинского языка, уже в XVI веке появляются грамматики французского языка как вспомогательного и необходимого для изучения латыни [Там же: 135]. Следует отметить, что в целом, в эпоху западноевропейского Возрождения грамматике уделяется большое внимание: «грамматика олицетворяла одну из конструктивных частей науки и знания вообще, а в языковой программе французского гуманизма ей отводилась

решающая роль в культивировании французского языка» [Михайлова 2008: 16].

Первая половина XVII века и в особенности 1630-1650-е годы, стали во французском сообществе периодом мощного подъема и развития альтернативных протонаучных организаций, стремившихся к культивированию именно французского языка: частные кружки, ассамблеи, академии, не имевшие институционального статуса, за исключением Французской Академии, созданной на основе одного из таких кружков (об этом речь пойдет в параграфе 1.1.1.). «Лингвистический скептицизм» образованной части социума в отношении родного языка, в терминологии Н.Н. Германовой [2014: 27], сменился рассуждениями о богатом креативном потенциале языка, при этом родной язык уже выступал адекватным инструментом общения. Актуальными становятся в XVII в. вопросы языкового употребления, особенно в среде писателей, философов.

Происходит внедрение новых моделей взаимоотношения науки и общества – к ним следует отнести, в первую очередь, возникновение частных и государственных академий. Французский историк Ф. Ваке пишет, что с появлением академий произошла подлинная революция в структуре знания в целом: Республика словесности стала «новой вселенной, устроенной по собственным законам; в основании ее лежало единство знания, литературы, философии, а Богом в ней был язык и все, что им порождено» [Waquet 1989; цит. по: Голубков 2012: 439].

Одним из главных достоинств академической схемы общения стало стирание сословных рамок и уравнивание в статусе входящих в организацию членов; равноправие приводило к апробации новых схем общения, которое выстраивалось не по принципу вертикального тоталитарного трансфера (ученик – учитель; победитель – побежденный), но по принципу горизонтальному (сосуществование в разговоре). Собственно, рождение академий в Италии в XV в. и их массовое распространение во Франции в XVI и XVII вв. были вызваны прежде всего попыткой выстроить альтернативную

модель получения и передачи знания [Голубков 2017а: 73]. Отмечается, что популярность обретают новые формы общественного поведения ученых – живое светское общение, в ходе которого обсуждаются вопросы науки; интенсивная научная переписка, и наконец, широкое обсуждение результатов исследований отдельных ученых в научной переписке, зарождающейся именно в это время [Голубков 2012: 439].

В XVII веке возникает идея академии как объединения специалистов различных областей знаний, предающихся совместным размышлениям. Европейские научные сообщества XVII–XVIII веков организовывались прежде всего с гуманитарной, филологической целью – установить общеупотребительные нормы в национальных языках, которые пришли на смену латинскому языку практически во всех сферах жизни общества (государственно-административной, политической, экономической), и во всех жанрах литературы [Захарова 2009: 13]. Отмечается, что образованные люди Европы стали объединяться в королевские академии, создаваемые под покровительством монархов. Академии обеспечивали своим членам более высокое общественное положение и более высокий престиж, нежели тот, на который можно было рассчитывать в приходских рамках традиционных религиозных институтов (монастырей и университетов) [Гудман 2003: 260].

Век XVII в истории науки – это период, когда развитие научной мысли выходит на принципиально новый уровень, это время новых открытий и новых процессов. Это «новое время» нашло свое отражение и в развитии лингвистической науки. Согласимся с мнением Л.К. Моховой, которая отмечает, что лингвистика начинается с грамматики, т.е. с появлением первых грамматических теорий [Мохова 2016: 134].

Историками науки отмечается, что в данный период времени возникают различные академии и научные сообщества, ставшие основными центрами развития науки Нового времени, когда ученые отказались от слепого следования авторитетам, провозгласив наблюдение и эксперимент главным методом исследования [Копелевич 1974: 2-3].

Академическое движение, отразившее все тенденции и потенциальные возможности Просвещения, положило начало официальному признанию науки. Оно коренным образом изменило статус ученого и способствовало объединению научного сообщества [Бедкер 2003: 267].

Таким образом, встал вопрос легитимации знания, прежде всего в сфере управления государством и науки. Ученые полагают [Голубков 2012: 439-440], что одним из главных достоинств новой (академической) системы стало стирание сословных рамок и уравнивание в статусе входящих в научные организации членов. Равноправие вело к утверждению новой схемы общения: на смену традиционной вертикали, характеризующей отношения между учеником и учителем, пришел «горизонтальный» принцип обязательного участия всех образованных людей в общем разговоре (дискуссии) по поводу вопросов науки в целом, литературы и языка в частности.

В XVII веке широкая гамма обществ, салонов, кафе и иных мест, где общались люди, отличалась от традиционных форм общения тем, что это были частные объединения индивидов, разделявших общие вкусы, ценности, идеи и мечты [Гудман 2003: 259]. Эти новые формы общения были весьма разнообразны. Вступая в новые отношения, подрывавшие устои господствующего строя, они стремились доказать, что свободный обмен идеями необходим для умственного и социального прогресса.

1.1.1. Научный кружок как предтече академической речевой практики: тематический филологически кружок

Предтечей академической жизни начала XVII века можно считать создание и функционирование *кружков* (франц. *cercle*). Лексема *кружок* обозначает «группу лиц с общими интересами, объединившихся для постоянных совместных занятий чем-нибудь» или «небольшую группу лиц, объединившихся для какой-нибудь интеллектуальной или политической

деятельности» [Ожегов, Шведова 2003: 309].

Французские словари определяют лексему *cercle* как «группу лиц, которые собираются для какой-нибудь деятельности» (*ensemble des personnes qu'on fréquente, des choses constituant un domaine d'activité ou de connaissance*) [<http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/cercle>]. Встает вопрос, с какой целью и кем создавались эти неофициальные структуры в эпоху абсолютизма.

Существовали разнообразные кружки, например, *кружок Мадлен де Скюдери* (Madeleine de Scudéry, 1607-1701), представительницы прециозной литературы. Ее кружок назывался *саббатыны* (*sabbatines*) по названию дня недели (суббота), в который проходили заседания кружка.

Известен также *кружок*, собиравшийся ежедневно в библиотеке историка и члена парламента *Ж.О. де Ту* (Jacques Auguste de Thou, 1553-1617). После смерти де Ту в 1617 г., согласно его завещанию, библиотека перешла к братьям де Пюи, поэтому данный кружок продолжил свою деятельность в более высоком статусе – Пюитанская Академия. Библиотека постоянно пополнялась, и ко времени, когда братья дю Пюи стали ее владельцами, она была лучшей библиотекой Парижа, превосходя даже Королевскую библиотеку. В Пюитанской академии ежедневно проходили не только дискуссии, но и ставились эксперименты, хотя математика и астрономия не привлекали столь пристального внимания ее членов, как философия и история [Исторический лексикон. Европа. XVII в. 2008: <http://>].

Другим важным местом собрания ученых людей был *кружок Мерсенна*. Монах-минорит М. Мерсен (M. Mersenne, 1588-1648) был большим любителем и знатоком точных наук, два раза в неделю в его келье в Пор-Руаяле собирались друзья, разделявшие его увлечения наукой, с 30-х гг. эти собрания стали еженедельными. Вскоре они приобрели большую известность благодаря научному авторитету участников, среди которых можно назвать ученого Э. Паскаля (E. Pascal), французского математика, литератора Б. Паскаля (B. Pascal, 1623-1662), французского философа Р.

Декарта (R. Descartes, 1596-1650) и др. ученых. Отмечается, что кружок состоял более чем из 100 человек [Там же].

Существовал *кружок* французского филолога Ж. Менажа (Gilles Ménage, 1613-1692), называемый *меркуриалы* (*mercuriales*), проводимый каждую среду. В 1650-е гг. вокруг Ж. Менажа начинает формироваться кружок литераторов, среди которых были будущие члены Французской Академии Ж. Шаплен (Jean Chapelain, 1595-1674) и П. Пелиссон (Paul Pellisson, 1624-1693). Существовали также *салонные кружки принцессы М. де Валуа* (Marguerite de Valois, 1553-1615), *кружок поэта Ф. Малерба* (François de Malherbe, 1555-1628).

Началом реального обращения к проблеме языкового обустройства страны стал небольшой *частный кружок литераторов*, который с 1629 г. собирался в доме писателя-любителя и королевского секретаря по книгоиздательским делам В. Конрапа (Valentin Conrart, 1603-1675) и вели беседы на различные темы. В этот кружок изначально входили такие известные мастера слова того времени, как литератор А. Годо (Antoine Godeau, 1605-1672), поэт и драматург Ж.О. де Гомбо (Jean Ogier de Gombauld, 1576-1666), поэт Ж. Шаплен (Jean Chapelain, 1595-1674), литератор В. Конрап (Valentin Conrart), поэт Ф. Аббер (Philippe Habert, 1604-1637), священник и поэт Г.А. де Серизи (Germain Habert de Cérisy, 1615-1654), литератор и поэт Ж. де Серизе (Jacques de Serizay, 1590-1653) и поэт К. Малевиль (Claude Malleville, 1597-1647), а также адвокат Л. Жири (Louis Giry, 1596-1665) [Pellisson-Fontanier, d'Olivet 1743: 8–9]. Активная позиция данных литераторов по достоинству будет оценена впоследствии, так как они будут приняты во Французскую Академию, о которой пойдет речь в параграфе 1.1.4.

Инициатор кружка понимал, что взглядам литераторов-любителей нужна государственная поддержка, прежде всего в лице первого министра Ришелье. Думается, что именно с этой целью организатор кружка В. Конрап пригласил на одно из заседаний секретаря премьер-министра, кардинала

Ришелье – Ф. Буаробера, поэта и драматурга (François Le Métel de Boisrobert, 1589-1662), видя в нем личность, способную донести до властных структур необходимость перестройки филологического знания и укрепления родного языка. Кардинал предлагает участникам кружка создать официальный орган, который будет заниматься вопросами языка и литературы под покровительством государства [Блюш 2006: [http](#)]. Ришелье осознавал всю значимость занятий изящной словесностью, видя в ней средство возвеличивания французской нации и важный инструмент для проведения государственной политики [Скрелина, Становая 2013: 408].

Считаем, что неофициальная сеть образованных людей, связанных салонными дискуссиями, была очень ценна для первого министра кардинала Ришелье, особенно как средство отслеживания общественного мнения в моменты политической напряженности во Франции. Ришелье стремился официально взять под свой личный контроль культурные интересы представителей буржуазии, приобретающей все большее влияние в обществе.

Полагаем, что кружки стали предтечей для создания различных Академий, потому что именно в рамках этих частных небольших кружков, которые объединяли литераторов, политиков, юристов, различных ученых, активно обменивались мнениями о новых литературных произведениях. А. Виала отмечает [2002: [http](#)], что эти группы были неформальными, проводившими свои заседания на частной территории.

В связи с функционированием кружков встает вопрос о роли *фактора паратопии* в их деятельности. Французский дискурсолог Д. Менгено определяет *паратопию* (*paratopie*) как прагматически и социокультурно значимое пространство [Maingueneau 1993: 28]. По мнению ученого, паратопия может принимать различные формы в зависимости от эпохи, общества и типа дискурса. Этимологически термин *паратопия* (греч. *para* возле, при + греч. *topos* место, местность) [СИС 1988: 360, 499] объясняет открытость коммуникативного пространства дискурса. Ученые указывают на то, что применительно не только к социокультурной коммуникации, но и

литературной XVII века, фактор паратопии стал важным для деятельности кружков и салонов. Они стали тем *внетерриториальным открытым пространством*, которое объединило людей, профессионально владевших книжным знанием [Михайлова 2012: 30; Загряжкина 2016: 108].

Интересным представляется замечание французского историографа о том, что как только частные лица начали устраивать заседания, посвященные вопросам языка и культуры, в обществе их стали называть 'академиями', что вызвано внутренним развитием образованных слоев общества. Кружки объединяли образованную часть общества, обсуждавшую вопросы языка и литературы [Виала 2002: <http>].

Французские ученые отмечают, что в XVII веке образованная мужская часть общества стремилась к объединению в так наз. «réunions littéraires entre amis» [Bely 2009: 390-392]. В частности, ученые (философы, литераторы, физики, математики), собирались в небольшие группы, создавали кружки, где после ужина в доме авторитетного любителя словесности можно было рассуждать на какую-нибудь серьезную тему (*converser sur les sujets d'érudition*). Вместе с тем, ученые круги в отличие от дамских салонов избегали публичности, так как считали ее [публичность] компрометирующей их статус [Bely 2009: 390-392; Викулова 2017: 47-48].

Фактически возникшие кружки можно назвать *протоакадемиями*, их участников интересовали проблемы *языкового обустройства* (*aménagement linguistique*), в терминологии французского лингвиста Ж.-К. Корбея, когда образованная часть общества инициировала процесс языкового развития страны [Corbeille 1980].

Думается, что новые импульсы к осмыслению языкового обустройства были заложены именно кружками. Фактически *донаучный опыт* частного кружка образованных аристократов послужил основой активизации новой общественной практики – изменения статуса научного филологического знания, его легитимации в форме официального органа, ведающего вопросами языка и литературы на государственном уровне.

Таким образом, во Франции возникла своеобразная «республика ученых», члены которой гордились своими познаниями в классической филологии, математике, астрономии и музыке [Исторический лексикон. Европа XVII в. 2008: <http>].

Следующим этапом перестройки филологического знания станут салоны, являвшиеся полифункциональным местом литературной коммуникации.

1.1.2. Салоны как коммуникативное пространство трансляции научных знаний

В среде европейских аристократов XVII века пробуждается активный интерес к науке, наблюдается отход от схоластических диспутов к новым 'салонным играм'. Популярность науки в атмосфере дворянских салонов – специфического способа высших сословий – стала предпосылкой ее теоретического развития [Касавин 2008: 323-324].

Салон как определенный вид социальной организации стал своеобразным открытием Нового времени, когда христианское мировоззрение начинало терять организующую силу. «Культурная элита, аристократизм своеобразно понимаемого ума, когда литераторы и артисты, ученые и философы, выходцы из нижних слоев, вставляли почти на одну ступень с великосветской знатью, – вот что выражало новые веяния времени» [Тарасов 2009: 79].

Салонная культура – это форма организации культурной жизни, имеющая свои специфические особенности, основные цели которой – камерное общение, приобщение к искусству. В этой связи салонная культура предстает как культура, характеризующаяся такими признаками, как специфика места проведения – гостиная частного дома влиятельного лица; особая роль хозяина (хозяйки) салона в организации его деятельности, декор гостиной, подбор гостей; соответствующие правила поведения, общения,

речи и специфические занятия, главные из которых – общение на темы, связанные, в первую очередь, с искусством, занятие искусствами, камерность [Палий 2008:16]. Один из самых знаменитых салонов – салон маркизы де Рамбуйе (La marquise de Rambouillet, née Catherine de Vivonne, 1588-1665). Госпожа де Рамбуйе в созданном ею салоне полностью поменяла систему ценностей, устраивая приемы, где на первый план выходила симпатия и утонченность разума, а не дворянское происхождение и военные доблести [Голубков 2017b: 88].

Салонная культура была ориентирована на высокие образцы элитарного искусства, отвечала развитому эстетическому вкусу и эстетическим идеалам. В салон приглашались философы, ученые, писатели, наряду с принцами крови постоянными посетителями были поэты Ж. Шаплен (Jean Chapelain), В. Вуатюр (Vincent Voiture), А. Годо (Antoine Godeau), Ж. Менаж (Gilles Ménage), молодой П. Корнель (Pierre Corneille), уплативший дань прециозности в своей комедии «Мелита» (Mélite), и создатель эпистолярной формы прециозниц Гез де Бальзак (J. L. Guez de Balzac). Здесь отшлифовался литературный аристократический язык с его изысканными перифразами, напыщенной риторикой и боязнью вульгаризмов. Салон стал полифункциональным местом литературной коммуникации: там обсуждались вопросы языка и литературы, стиль сочинений литераторов, знакомились с новыми литературными жанрами до их публикации, оценивая их совершенства, а также их филологическую и эстетическую значимость. Произведения читались вслух перед образованной публикой, одобрение которой давало возможность их издания большим для того времени тиражом [Викулова, Серебренникова, Михайлова 2017: 48].

Сама лексема *salon* может быть отнесена к разряду «культурно значимых» [Яковлева 1994: 12]. Учеными отмечается, что в салоне человек предстает прежде всего, как лицо *публичное*, а его приватная жизнь отступает на второй план [Croix, Quéniart 1997: 290; Михайлова 2012: 84].

С целью определения семантики этой лексемы, обратимся к

семиотрическому анализу слова *salon*, пришедшего к 1664 г. во французский язык из итальянской культуры, демонстрирует следующие значения:

1. Комната в доме или квартире, предназначенная для приема посетителей или собраний в семейном и дружеском кругу (*pièce d'un appartement, d'une maison destinée à recevoir les visiteurs, à se réunir en famille ou entre amis*).

2. Место для организации определенного вида деятельности, занятий: музыкальный, чайный, парикмахерский, выставочный и пр. салон (*lieu où l'on s'adonne à une occupation particulière: salon de musique, de thé, de coiffure, d'exposition etc.*).

3. Собрание писателей, художников, политиков, которое, особенно в XVII–XVIII веках, проходило в доме выдающейся дамы и определяло значительным образом воспитание хороших манер и литературных вкусов в XVII веке, распространение философских идей в XVIII веке (*réunion de personnalités des lettres, des arts et de la politique qui, particulièrement au XVIIe et XVIIIe siècles se tenait chez une femme 85 distinguée; les salons eurent une influence capitale, au XVIIe siècle, sur l'évolution des manières et du goût littéraire et, au XVIIIe, – sur la diffusion des idées philosophiques*); выражения *faire salon, tenir salon* употребляются в значении принимать гостей или собираться, чтобы побеседовать.

4. Светское общество (*société mondaine*); значение лексемы в качестве атрибутивного дополнения варьируется: предназначенный для светской публики (например, *œuvres de salon*), свойственный высшему обществу и, по расширению смысла, притворный (*conversation, mœurs de salon*), поверхностный, лишенный серьезности (*science de salon*) [Lexis 1994: 1683; CNRTL 2011: <http://>; Михайлова 2012: 84; Викулова, Серебренникова, Михайлова 2017: 48-49].

Таким образом, актуальная семиотрия слова *salon* показывает, что в своей семантике лексема включает следующие основные компоненты: идею

ограниченного и отграниченного от остального мира *пространства*, предназначенного для организации какого-либо рода деятельности, а также, вследствие метонимического переноса – *общество*, собирающееся в этом пространстве. Важно отметить приятную атмосферу, тесные межличностные отношения, поддерживаемые в рамках данного локуса.

Салоны как место встречи светской знати и просвещенной интеллигенции были не только местом для проведения приятного досуга, но и своего рода генератором новых идей: новые творческие произведения, обсуждение насущных проблем французского общества, идеи выхода из кризиса рождались и развивались на этой благодатной почве. У салона XVII века была единственная цель – развлечение хозяйки и ее гостей, что выражалось в тематике салонных бесед – литература, музыка и философия. Но вместе с тем салоны XVIII века приобретают более серьезное содержание. Здесь поднимаются важнейшие проблемы Просвещения, обсуждается политическая ситуация в стране и за ее пределами. Как отмечает Д. Гудман [2003: 261], расцвет салонов во второй половине XVIII в. способствовал тому, что Париж приобрел славу столицы просвещенной «литературной республики». Тем не менее не только во Франции, но и по всей Европе множество людей участвовали в новых формах социального общения, становясь гражданами бурно развивающейся «литературной республики».

1.1.3. Публичные лекции как новая форма речевой практики

Наряду с кружками и салонами зарождающаяся буржуазия нуждалась в новаторской форме общения в открытом просвещенческом пространстве. Таким ответом стали лекции как форма открытого научного диалога.

Параллельно с кружками и салонами появилась новаторская форма речевой практики ученых – *открытые публичные конференции* при так называемых *bureau de conférences*, организованных врачом и филантропом Т. Ренодо (Théophraste Renaudot, 1586-1653). В 1633 г. он открыл в Париже *адресное бюро* (bureau d'adresse), при котором была учреждена 'академия' (un

'sénacle' savant), где читались еженедельные *публичные лекции* научного характера (les conférences publiques et académiques) по важнейшим вопросам физики, математики, философии и другим наукам [Wellman 2003: 396; Викулова 2017: 48].

О популярности таких форм *открытого научного диалога* свидетельствует тот факт, что на лекции надо было записываться заблаговременно [Викулова 2017: 48]. Французский исследователь Л. Корруа считает, что филантроп Т. Ренодо ставил своей целью популяризацию науки посредством тех форм общения с обществом, в рамках которых можно было спорить, доказывать, обсуждать разные вопросы, кроме политических и религиозных. К примеру, вопросы, касавшиеся эпистемологии и герменевтики фемининности, затрагивались в четырнадцати конференциях в той или иной форме. В своих лекциях ораторы обращались к проверенным способам аргументации, опираясь на Библию, труды Аристотеля, Гиппократ, они использовали экземплификацию (цитирование), что придавало эвристический характер их дискурсу. В «Feuille du Bureau» заранее печаталась программа лекции, чтобы слушатели могли заблаговременно сформулировать вопросы. Затем публиковались *материалы-выводы* по итогам этих конференций [Corroy 2002: 35].

В течение десяти лет по понедельникам на 345 заседаниях лекторы затронули около 465 научных тем. Закономерно, что только сборник тем лекций составляет пять томов, включающих тематики циклов лекций под общим заголовком *Centuries*. Первый том включал 50 лекций, каждая из которых содержала две проблемы для обсуждения. Следовательно, всего было 100 тем, отсюда и название *Centuries* (лат. *centum* – сто) последующих томов. Вопреки университетской практике *лекции читались только на французском языке*, что уже было новаторским подходом, тогда как в то время лекции в университете читались на латинском языке. Лекции были бесплатны и на них допускались слушатели разных социальных слоев (в том числе буржуазия, что было новым) и женщины (что тоже было новым),

стремившиеся к самообразованию [Goldwin 1991: 256].

Публикация лекций имела огромный успех, они переиздавались, были опубликованы в Англии, где перевод *Bureau d'Adresse* на английский язык как *Office of Intelligence* [Wellman 2003: 396] более адекватно передает суть деятельности этой необычной структуры. Т. Ренодо организовал свою гуманистическую и просветительскую деятельность через так называемое *лекционное бюро*, которое фактически развивало свою деятельность путем 'массовизации' знаний.

Так через престижные конференции формировался статус *ученого-просветителя*, чей голос выражал социокультурные позиции посредством академического дискурса. Думается, что открытое научное общение, вне салонов и университетов, было новаторской формой диалога в процессе дискурсивной деятельности, где текстовый механизм направленности на образованную аудиторию, стремившуюся к знанию, представлял лектора как влиятельного медиатора в трансляции научных идей обществу. Справедливо отмечается, что группа интеллектуалов, приглашавшихся Т. Ренодо для чтения лекций, предложила культурно-специфическую систему трансляции знаний, в рамках которой образовательный и воспитательный процессы, интеллектуальная независимость не вписывались в ригидность политики Людовика XIV [Там же: 372].

Интерес общества к научным новинкам побуждал открывать *просветительские программы* в разных городах. Например, в 1655 г. был открыт *лекторий* при мэрии города Анжу (*le programme des Conférences de l'Hôtel d'Anjou*), где проходили своеобразные *коллоквиумы* (*des colloques*) по вопросам философии, литературы, географии и др. Американский исследователь этого периода становления науки во Франции Нового времени К. Вэллман в монографии под красноречивым заглавием «*Making science social*» отмечает, что для широкой публики читались академические лекции и выступали ораторы по проблемам литературы, поэзии, истории (*Les Conférences académiques et oratoires*) [Там же].

Фактически в обществе позиционировалась социальная роль знания, а инициаторы новых форм гуманитарной практики были создателями новых технологий научного познания, в том числе значимого по своим масштабам *публичного академического дискурса*, чей преобразовательный потенциал в области истории, философии, географии, литературы и других дисциплин предполагал и обновление национального языка, поскольку лекции читались на родном языке [Викулова, Короленко 2018: 159-160].

В эпоху укрепления абсолютистской власти требовалась институционализация науки, поскольку в ходе стихийного социального взаимодействия разные структуры стремились укрепить статус французского языка в обществе. На уровне власти происходило осознание необходимости создания некой организации для решения конкретных задач: выработать языковую норму для общего употребления и тем самым способствовать переходу науки с латинского языка на национальный французский язык. Возникает идея создания некоего института как формы объединения специалистов различных областей знаний, предающихся совместным размышлениям, на официальной основе.

Подводя итог отметим, что кружки, салоны, а также лекционное бюро стали новыми формами литературной коммуникации. Все это – предтеча создания различных академий, в частности Французской Академии, о которой пойдет речь в следующем параграфе.

1.1.4. Французская Академия как новая форма легитимации знания

Во Франции началом процесса легитимации филологического знания стало создание нового института – *Французской Академии (Académie Française)* – ведущего научного сообщества во Франции, специализирующегося в сфере французского языка и литературы, изначально и по настоящее время, состоящее из 40 академиков [Кривушина: <http://>].

Проявление повышенного интереса к истории лингвистических учений проявилось в формировании нового, *нарративного подхода* к

исследованию языковедения в исторической перспективе, который был предложен известным немецким специалистом в области гумбольдтианства П. Шмиттером в связи с изучением европейского языкознания XVII-XIX вв. Необходимым элементом нарративности, как отмечает О.А. Радченко [1999: 53-55], является привлечение широкого *исторического и личностного контекста* исследуемой теории. В этом плане значимыми становятся исторический, научный, личностный контексты того или иного события в истории лингвистики, метакритический анализ в оценке научного события или концепции [Радченко 2011: 82].

Что касается историографии, посвященной становлению Французской Академии, то в этом плане только во Франции опубликовано более 20 работ, анализировавших в положительном и критическом плане деятельность данного института. Отметим труд историографа Э. Гассье [Gassier 2012: 6], прежде всего его «История Французской Академии», где анализируется деятельность данного научного сообщества за период 1634–1906 гг. и дается оценка работы 500 академиком (*Les cinq cents immortels*). Историограф Ж.П. Капю отмечает, что Французская Академия изначально позиционировала себя как хранительница национального языка и культурных традиций [Caput 1986]. К анализу деятельности Академии обратилась Элен Каррер д' Анкосс, постоянный секретарь Французской Академии с 1999 г. [d'Encausse 2011]. Как действующий академик, она попыталась ответить на вопрос, в чем тайна существования этого института в течение почти 440 лет. В фундаментальном труде показано, что взлеты и падения в развитии научного учреждения были в значительной степени обусловлены заинтересованностью или равнодушием государственной власти к языковой политике.

Начало становления этой специфической научной организации в XVII веке отражает процессы институционализации данного института, а также нормативную деятельность государственного института в области укрепления статуса письменно-литературного французского языка как национального. Рассмотрение деятельности *Французской Академии*, как

государственного института, так и своеобразной «лингвистической лаборатории» (в терминологии И.Т. Касавина), позволяет обратиться к процессам развития научно-теоретического знания, формированию научного сообщества и коллективных форм организации научной работы в данный период, ее институционализации.

Институционализация определяется как «система стабильных образцов социального взаимодействия, основанного на формализованных правилах, законах, обычаях и ритуалах. Делает возможным прогнозирование социального поведения в определенных социальных ролях» [СТМК 2013: 138]. Рассмотрим с точки зрения *институционализации* процесс создания Французской Академии, в котором выделяется несколько этапов:

- формирование тематических филологических кружков и салонов;
- создание специальной системы знаков власти как кода нового институционального конструкта (Академия);
- укрепление позиций французского языка как национального и письменно-литературного через создание словарей;
- закладывание основ французской лингвистической традиции [Викулова 2015с: 68-69].

На первом этапе происходило осознание того, что было необходимо формирование некоей структуры, которая смогла бы решить конкретные задачи, стоявшие в данный период: очистить язык от всего, что нарушает его красоту и ясность; выработать языковую норму для общего употребления и тем самым способствовать переходу науки с латинского языка на национальный французский язык. На начальном этапе институционализации важную роль сыграли филологические тематические кружки и салоны, о которых речь шла в параграфах 1.1.1 и 1.1.2.

На втором этапе институционализации происходит постепенное формирование социальных норм и правил нового института на начальном этапе становления. Изучение научного наследия Французской Академии, как одного из важнейших институциональных лингвистических образований,

возможно на основе нарративного лингвоисторического подхода (О.А. Радченко), что предусматривает рассмотрение лингвистической концепции в тесной связи с историческим фоном, научным окружением и личностными характеристиками ученых [Викулова 2015с: 69].

Создание нового института датируется 1634 г., когда первый министр, кардинал Ришелье решил на основе авторитетного кружка В. Конрара организовать официальный орган, ведающий вопросами языка и литературы на государственном уровне – Французскую Академию. Такой институт был необходим королевской власти *официальный совещательный орган* в силу ряда причин. Подобное решение способствовало росту престижа и легитимности нового института в силу приближенности к королевской власти.

Для данного института встал вопрос выбора названия. Одни ученые предлагали назвать новый институт *Académie des beaux esprits* (*Академия великих умов*). Думается, что данное название не было принято, поскольку претендовало на привилегированное положение будущих академиков в обществе и элитарность научной культуры, ориентированной на узкую аристократическую среду. Другое название, предложенное французским писателем и переводчиком П. де Буасса (Pierre de Boissat, 1603-1662, кресло № 31), *Académie de l'éloquence* (*Академия красноречия*), предполагало изысканность, изящество, утонченность языка [Pellisson-Fontanier, Olivet 1743: [http](http://)], но не отражало государственного предназначения учреждения.

Название *Académie Française* было предложено кардиналом Ришелье 21 марта 1634 г. на официальном организационном заседании будущего учреждения, для которого ключевой стала форма организации – *Академия*. Определение *Française* к слову *Académie*, писавшееся с заглавной буквы, было предложено властью в лице кардинала Ришелье, что позволяло соотнести его с государственным предназначением Академии – служение Франции. Французская Академия подчеркнет позднее в своем Словаре (1694), что «согласно обиходу французского языка», термин *Académie*

первоначально предполагал как практическую, так и научную деятельность [Dictionnaire de l'Académie française 1694: [http](http://)].

Рассмотрим значение лексемы *académie*:

1) L'Académie Française: société de quarantante écrivain, savants, artistes, créée en 1636 par le Cardinal Richelieu, sous Louis XIII (Французская академия: сообщество, состоящее из 40 членов (писателей, ученых, художников), созданное в 1636 г. кардиналом Ришелье, при правлении Людовика XIII); 2) société d'écrivains (сообщество писателей); 3) société de savants (сообщество ученых); 4) région administrative d'une université française, dirigée par un recteur (административная единица французского университета, управляемый ректором) [ДН 2006: 6]. Первое значение лексемы актуально для данного исследования и однозначно соотносится с научным сообществом, которое и поныне состоит из 40 членов (писателей, ученых, юристов и других специалистов).

Идея академий как научных и учебных учреждений восходит корнями к Античности, а слово *академия* (греч. *akademeia*) соотносится с названием философской школы, которая была создана Платоном около 395 г. до н.э. [ДН 2006: 14–15]. История академий на Западе началась около 387 г. до н.э., когда по возвращении с Сицилии Платон приобрел вблизи Афин оливковую рощу, где, согласно преданию, был погребен мифологический герой Академ. Так появилось слово *академия*, которое использовалось на протяжении Античности обыкновенно в двух значениях: «место, где учил Платон» и «Философия Платона» [Голубков 2014: 267].

Отмечается, что на протяжении позднего Средневековья слово *académie* употреблялось почти исключительно как топоним. В середине XV в. на волне гуманистической культуры попытки воссоздания академического сообщества увенчались успехом: была создана академия при Неаполитанском дворе; а на XVI век приходится возникновение многочисленных академий, члены которых занимались как гуманитарными, так и естественными и точными науками [Там же: 268]. А.В. Голубков

подчеркивает, что применительно к ранним итальянским академиям XV-начала XVI в. еще нельзя говорить об определенном институциональном статусе.

Во французской культуре слово *académie* со значением «сообщество людей», как показала английский историк культуры Возрождения Ф. Йейтс [1996: 388], впервые упоминается в 1570 г. Такая точная датировка связана с тем, что именно в этом значении слово встречается в письме-патенте Карла IX, который учредил «Академию поэзии и музыки» во главе с известным поэтом Ж.-А. де Баифом (ее позднее стали называть «Придворной академией Генриха III») [Там же: 270]. В деятельности Придворной Академии после смерти Карла IX активное участие принимал Генрих III, который сам же и назначал членов; заседания проходили регулярно в Королевском кабинете в Лувре. В число академиков входили медики, юристы, чиновники-магистраты; круг обсуждаемых тем был весьма широк (математика, музыка, живопись), заметим, что проблемы языка при этом еще не занимали доминирующего положения [Там же: 270]. В итоге термин *академия* стал синонимом понятия *Королевская академия* (такой смысл вкладывал д'Аламбер в слово *Académie* в одноименной статье Энциклопедии) [Там же: 274].

Однако спустя 28 лет после создания Академии французский драматург, аббат д'Обиньяк (D'Aubignac) считал, что академия – это всего лишь содружество свободных людей, ничем не обязанных государству и обществу, оно не должно просвещать публику, которые желали объединять свои исследования и труды лишь для укрепления изящной речи (*des compagnies de personnes libres détachées d'obligation d'instruire la public qui voulussent joindre leur étude et leur travail pour réstauration des belle-lettres*) [D'Aubignac 1664: [http](#)].

Заметим, что даже спустя полвека после создания Французской Академии, авторитетный словарь Ришле (Richelet) (1680) по-прежнему утверждает, что академия – это сообщество «литераторов или лиц,

занимающихся каким-либо из свободных искусств», которые собираются, чтобы «порассуждать об изящной словесности или о предметах своего интереса» (endroit ou s'assemblent des personnes de lettres ou de quelque art pour y parler des belles-lettres ou de leur art) [Richelet 1732: <http>]. Из этого следует, что академики по-прежнему оставались вольнолюбивым собранием, которое не зависит от власти.

Рост престижа нового института и его легитимация были обусловлены участием в этом процессе элитной части социума: новая этическая ситуация в кругу образованной французской аристократии, основного контингента салонов (в том числе научных), отражает двойственность положения дворянства, которое сохраняло элементы аристократического ценностного знания и вовлекалось в науку [Зубец 2001: 151-168; Касавин 2008: 335-336]. Таким образом, важное значение приобретает наука и, в частности, *научная элита* как главный ее создатель [Кислицын 2013: 4].

Для того, чтобы научное образование как институт власти влиял на жизнь общества, надо было определить специфику этой интеллектуальной деятельности, ее потенциальные результаты, характер и механизмы влияния на языковую политику. При этом встал вопрос и о социально значимых привилегиях для потенциальных академиков. Со всей очевидностью встал вопрос о научно-организационной и административной деятельности создаваемой Академии, фактически о ее «административно-научной иерархии» [Чернявская 2011: 69].

Несмотря на то, что в 1634 г. Академия еще не была формально зарегистрирована, его члены (чуть более 30 человек) избрали своего директора Ж. де Серизэ (Jacques de Serizay), хранителя печати (канцлера) Ж. Демаре де Сен-Сорлена (Jean Desmarets de Saint-Sorlin) и пожизненного секретаря В. Конрара. Проанализируем состав академии на первом этапе ее формирования (**Приложение 1**). Проведенное исследование показало, что в 1634 г. академиков было 35 человек. А к 1639 году окончательный состав Академии – 40 человек (см. табл. 1).

Таблица 1

Год	Кол-во академиков
1634	35
1635	38
1636	39
1639	40

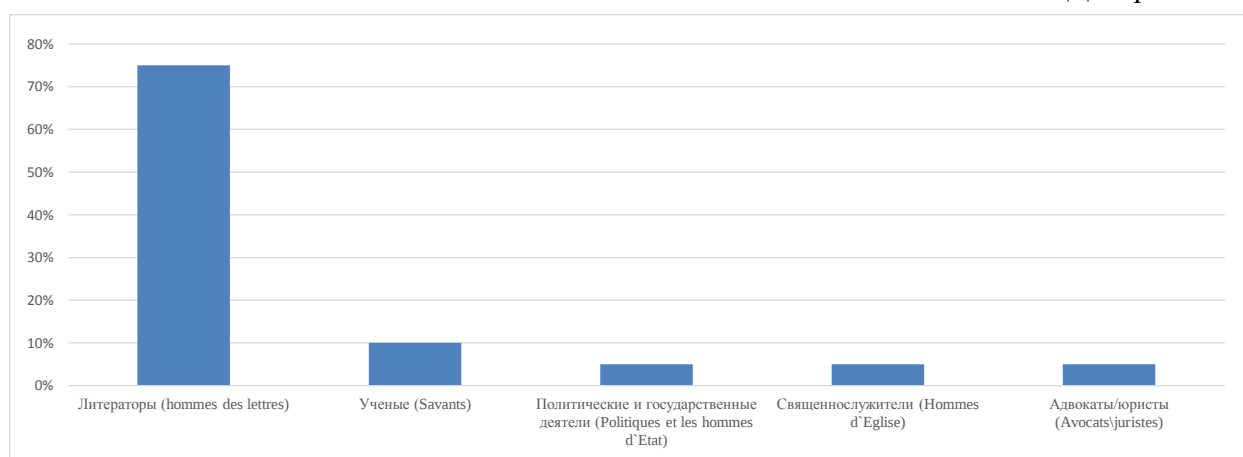
Количество первых 40 академиков, принятых во Французскую Академию

Из таблицы следует, что государство в течение четырех лет активно занималось пополнением состава Академии, доведя ее до цифры, обозначенной в официальном документе – жалованной грамоте, подписанной королем Людовиком XIII.

В составе Французской академии — драматурги, критики, философы, историки, а также представители точных наук, государственные деятели и даже военачальники. Главный критерий при выборах «бессмертных» — вклад, внесенный ими во французскую культуру [Гусев 2017: <http>].

Рассмотрим состав членов Академии в плане их интеллектуальной деятельности на начальном этапе формирования Французской Академии.

Диаграмма 1

Состав и сфера интеллектуальной деятельности академиков

Как показывает диаграмма, среди членов Французской Академии на начальном этапе ее формирования доминировали литераторы (75%), второе место занимали ученые (10%), священнослужители, политические и государственные деятели, адвокаты и юристы имеют равное количество – 5%

от общего числа академиков и занимают третье место. Думается, что формирование академического сообщества на первом этапе происходило по принципу социального престижа, когда гуманитарное знание выступало как объект общественной оценки, тогда как сама Академия еще не могла быть генератором новых идей на начальном этапе своего существования, поэтому «когнитивная деятельность переводится в плоскость коммуникативной» [Чернявская 2011: 71], что будет представлено в главе II (жанры речи).

Встает вопрос, случайно ли доминирование литераторов на начальном этапе формирования Академии. Проанализируем, что стоит за термином *литератор*. Толковый словарь русского языка показывает, что термин *литератор* – понятие шире, чем *писатель*. Литератор – писатель; человек, который занимается литературой [Ожегов, Шведова 2003: 328]. Такое понимание термина *литератор* (франц. *homme de lettres*) позволяет отнести к этой группе писателей (*écrivain*), поэтов (*poète*), гуманитариев (*homme des lettres*).

Обратимся к терминам *писатель* / *литератор* и *литература* в XVII–XVIII веков. Отмечается, что *литература* рассматривается в данный период как общий термин, обозначающий знание гуманитарных наук и изящной словесности. Термин *литература* в современном понимании датируется лишь 1730 г. До XVII в. эта область знаний называлась *Lettres* (Словесность), а владение этой наукой называлось *littérature* [Викулова 2016: 274]. В Словаре Фюретьера в 1690 г. читаем, что любую науку называют *Lettres*, а люди, разбирающиеся в этой науке, считаются потрясающими *эрудитами* (*des gens d’une grande érudition, d’une érudition surprenante*). Таким образом, термин *литература* синонимичен термину *эрудиция* и узуплен до 1770 г. Однако около 1660 г. начинает развиваться второе значение слова, близкое современному. В 1680 г. Ришле отмечает в своем словаре, что наряду со значением *эрудиция*, слово *littérature* означает светские знания человека высокого социального положения и, в частности, знания науки об изящной словесности (*la science des ‘belles lettres’*) [CNRTL: <http://>].

Анализ разных изданий словаря Французской Академии показал, что в XVII в. слово *littérature* еще не имело современного узкого значения «искусство создания книжных текстов», а скорее выступало синонимом «книжного знания», при этом термин *littérateur* в значении «автора собственно литературных текстов» закрепляется лишь в первой половине XVIII в. Позднее термин *littérature* стал обозначать индивидуальное произведение, в том числе литературно-художественное, где определяющими были ценности аксиологического плана, т.е. эстетические и нравственные, но не идеологические [Rohou 1996: 59–71]. Термин *littérateur* в значении *автор литературных текстов* отмечается лишь с четвертого издания Академического словаря (1762 г.), а до этого понятие *автор книги* передавалось лексемами *auteur, écrivain, croniqueur* [CNRTL: <http://>].

Мы разделяем мнение Ж. Роу, который считает, что в 60–80-е гг. XVII в. термин *littérateur*, в основном, имел применение в отношении авторов художественных произведений, композиция и стиль которых носили «стратегический» характер, вызывая в читателях эмоции и даруя им наслаждение (*producteurs d'émotions et de plaisir*). Представляется возможным отнести данный термин и к членам Французской Академии. В указанный период этот термин постепенно вытеснял свой синоним *lettré*, характеризующий тех авторов, кто «рационально формулируют исконные истины» (*qui énoncent rationnellement les traditionnelles vérités*). По мнению французского историка литературы, слово *littérature* понималось как светское знание человека высокого звания (*savoir mondain de l'homme de qualité*) [Rohou 2002: 392], представителя культурной аристократии, собиравшейся там, где был возможен диалог, – в салонах.

Среди первых сорока академиков литераторами были В. Конрап (1588-1672, кресло № 2), Ж. де Серизе (1590-1653, кресло № 3), Ж. Демаре де Сен-Сорлен (1595-1676, кресло № 4), Жан Ожье де Гомбо (1576-1666, кресло № 5), Франсуа Лё Метель де Буаробер (1589-1662, кресло № 6) и многие другие. Важно понять, за какие заслуги литераторов принимали во

Французскую Академию. *Литераторы* закономерно вошли во Французскую Академию в силу своей большой речевой практики. Так, В. Конрар, занимавший кресло № 2, был французским литератором и пожизненным секретарем Французской Академии. С 1629 г. в его доме проходили еженедельные собрания кружка, ставшего основой создания Французской Академии. Что касается его литературного творчества, отметим, что В. Конрар написал к тому времени немного, а именно стихотворения (басни, псалмы) и письма. Но его опыт в создании кружка был очень ценным на начальном этапе создания Французской Академии.

Ученые занимали второе место (10%), среди них математик К.Г. Баше де Мезиах (Claude-Gaspard Bachet dit de Méziriac, 1581-1638, кресло № 13), философ Ж. де Сильон (Jean de Silhon, 1596-1667, кресло № 24), грамматист, один из законодателей французского классицизма XVII века в области литературного языка К.Ф. де Вожла (Claude Favre, baron de Pérouges, seigneur de Vaugelas, 1585-1650, кресло № 32), философ М.К. де Ла Шамбр (Marin Cureau de La Chambre, 1594-1669, кресло № 36) и др. Так, К.Ф. де Вожла, французский грамматист, теоретик французского языка, развивал идеи пуризма в своих «Заметках о французском языке» (1647). Его труд пользовался большим авторитетом в течение всего XVII в. и был переиздан несколько раз. В свою очередь, К.Г. Баше де Мезиах был французским математиком и переводчиком, опубликовавший несколько работ, имевших важное значение для математиков XVII века. Например, в 1621 г. Баше опубликовал «Арифметику» Диофанта на греческом и в собственном переводе на латинский с обширными комментариями.

Во Французскую Академию. также вошли *политические и государственные деятели*, имевшие опыт организации государственной деятельности, что было важным для создания нового государственного института. Среди академиков такого статуса – политический деятель П. Сегье (Pierre Séguier, 1588-1672, кресло № 1), государственный деятель и дипломат А. Сервьен (Abel Servien, 1593-1659, кресло № 27). В частности,

закономерно избрание в академики П. Сегье, который в 1624-1633 гг. был президентом счетной палаты парижского Парламента. Позднее он становится активным организатором нового института в силу его большого административного опыта.

Подчеркивается, что большую роль в развитие науки играли *священнослужители*. Как отмечает американский историк Т. Вудс [2016: 107], значимый вклад в развитие науки внесло огромное количество *духовных лиц*, в том числе священников. Речь идет о людях, которые были посвящены в духовный сан, но их неумолимая любознательность и преданность науке позволили избрать их в Академию. Среди священнослужителей во Французскую Академию входили священнослужители А. де Бурзе (Amable de Bourzeis, 1606-1672, кресло № 26) и Д.А. дю Шатле (Daniel Hay du Chastelet, 1596-1671, кресло № 37). В частности, Шатле был деканом в соборной церкви Сен-Тугал де Лавал (la collégiale Saint-Tugal de Laval) с 1621 до 1671 и настоятелем Сан-Круа де Витре (Sainte-Croix de Vitré) и большим знатоком словесности.

Адвокаты и юристы составляли 5% от общего числа первых академиков. Думается, что для этой социальной прослойки характерна активная коммуникативная практика, которая предполагает владением словом, и одно из важных качеств – быть ораторами, произносить публичную речь [Канафина 2015: 154–155]. Среди адвокатов и юристов во Французскую Академию входили, в частности, Л. Жири (Louis Giry, 1596-1665, кресло № 39) и Д. де Приезак (Daniel de Priézac, 1590-1662, кресло № 40). Следует заметить, что именно адвокат О. Патрю (Olivier Patru, 1604-1681) станет инициатором вступительной торжественной речи как важного жанра речевой академической практики, существующего и поныне во Французской Академии (о чем пойдет речь в параграфе 2.2).

Формирование процедур, связанных с нормами нового учреждения, предполагало, как отмечает Л.Г. Викулова [2015a: [http](#)], создание кода нового института – специальной системы знаков власти. Процесс возникновения и

функционирования знаков власти в научной сфере обретает систему знаков-символов, по В.Э. Согомоняну, когда власть совершает публичные коммуникативные акты императивного характера при помощи знаков 'обычного' языка и специальной системы знаков 'языка' власти [Согомонян 2012: 47].

Специальная система знаков в научном сообществе уже на начальном этапе представлена внешними признаками процесса институционализации, что находит свое отражение в *эстетике власти*, которая проявляется в символике, атрибутике, ритуалах [Халипов 2002: 146]. Такие атрибуты государственного возвышения, как статус *Immortels* (Бессмертные), *номерное кресло* (fauteuil) и официальная *форма одежды* стали своеобразными репрезентантами эстетики абсолютной монархии.

Во Французской академии чтят многовековые традиции и устоявшийся дресс-код: на торжественных собраниях «бессмертные» стражи языковой нормы облачаются в зеленые расшитые камзолы (униформа была введена при Наполеоне) и опоясываются шпагами, которые вручаются каждому академику при вступлении в благородное собрание [Гусев 2017: [http](http://)].

Академики получили идентифицирующий знак – статус '*бессмертных*', чем обязаны девизу, предложенному кардиналом Ришелье для государственной печати Академии (*À l'immortalité! – К бессмертию!*). В статье II Устава прописано, что на одной стороне печати из голубого воска должен быть представлен портрет кардинала Ришелье с надписью по кругу «Арман, Кардинал, герцог де Ришелье, Попечитель Французской Академии, основанной в 1635 году» («Armand, Cardinal, duc de Richelieu, Protecteur e l'Académie françoise établie l'an 1635»). На оборотной стороне печати – корона из лавровых ветвей со словами «К бессмертию» (*À l'immortalité*).

Как приложение к патенту, жалованному королем, печать – репрезентант власти монарха, где отражен французский язык в качестве языка официальных коммуникаций. Печать, как «говорящая» вещь вступает

в потенциальный диалог с адресатом, в то время как, согласно С.Г. Проскурину, «создатель вещи и автор остаются за текстом» [Проскурин 2013: 126]. Печать служила знаком окончательного утверждения Академии верховной властью и ее бессмертной миссией нормировать французский язык.

Иллюстрация 1

Печать Французской Академии [<http://www.academie-francaise.fr>]

Процесс принятия французского языка в качестве языка официальных коммуникаций нашел свое выражение в письменном своде законов. Первым государственным документом стал *патент*, или *жалованная грамота* (*Lettres Patentes*) об учреждении Французской Академии, подписанная Людовиком XIII в январе 1635 г. Другим официальным документом является *Устав* (*Status et règlement*) Французской Академии от 22 февраля 1635 г., подписанный кардиналом Ришелье; он состоит из 50 статей. Данные документы будут рассмотрены в параграфе 1.2.

Следующими шагами по становлению института стало укрепление позиций французского языка как национального и письменно-литературного через создание Словаря Французской академии, о котором пойдет речь в главе III.

Укрепление позиций французского языка идет благодаря проведению языковой политики во Франции, на что будет направлена деятельность Французской Академии за все время ее существования. Исходя из понимания *языковой политики* как «совокупности идеологических и практических

мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [ЛЭС 2002: 616], можно говорить, что французское государство предприняло серьезные шаги, чтобы решать такие проблемы путем создания нового института.

Отечественные лингвисты В.И. Беликов и Л.П. Крысин [2016: 199] отмечают, что языковая политика рассматривается как практическая мера государства, касающаяся статуса государственного языка, его функций, защиты монопольного использования государственного языка в наиболее важных социальных сферах, регламентации применения 'местных' языков. В данном случае «основным инструментом языковой политики должны быть законы о языке, которые возможно создать лишь на основе всестороннего знания функциональных свойств языка, степени разработанности в нем тех или иных систем, более или менее детального представления о возможностях языка в разнообразных социальных и ситуативных условиях его применения» [Там же]. Для такой деятельности были нужны определенные регулятивные документы.

Что касается языковой политики Франции, она изначально характеризуется наличием прочной законодательной базы, а также функционированием целого ряда институтов, «призванных защищать и регулировать французский язык» [Гулинов 2015: 46]. Нормативные документы, в частности, *Патентное письмо* и *Устав*, о которых мы будем говорить в следующем параграфе, были необходимы Академии как новому институту.

Все этапы процесса институционализации Французской Академии как нового института представлены в Таблице 2, из которой следует, что Французская Академия должна иметь закрытую форму научного сообщества, обладать нормативными документами и такой характеристикой, как институциональность.

Таблица 2

Этапы институционализации	Форма научного сообщества	Нормативные документы	Институциональность
Тематические филологические кружки	Закрытая	-	-
Салоны	Закрытая	-	-
Публичные лекции / лекционное бюро	Открытая	-	-
Французская Академия	Закрытая	Устав Патентное письмо	+

Этапы институционализации и форма научного сообщества Франции XVII-XVIII вв.

Как отмечает И. Пуликан (Yves Pouliguen, 1931, кресло № 35), известный французский врач-офтальмолог, профессор, член Национальной академии медицинских наук, преимущество Французской Академии заключается в том, что она контролирует, определяет строгую и точную речь прекрасного французского языка [Гусев 2017: <http>].

Таким образом, можно сделать вывод, что в XVII-XVIII вв. появляются структуры, сыгравшие важную роль в становлении академической речевой практики, о чем пойдет речь в главе II. Такими структурами являются тематические филологические кружки, салоны, публичные лекции, а также Французская Академия. Одной из главных черт, такой как институциональность, обладает исключительно Французская Академия, играющая важную роль в обществе и в проведении государственной языковой политики.

1.2. Прагмалингвистические особенности регулятивных текстов

Французской Академии в XVII веке

На первом этапе формирования Академии потребовалось создание документов, которые бы эксплицитно маркировали по формальным признакам научную деятельность Академии в тот период, когда предстояло определить стандарты и критерии научной деятельности в сфере

филологического научного знания. Такими документами стали *Патентное письмо, или жалованная грамота (Lettres Pattentes pour l'établissement de l'Académie François)* и *Устав (Status et règlement de l'Académie Française)*. Данные документы являются регулятивными текстами, регулирующими деятельность Французской Академии.

Обратимся к определению *регулятивного текста*, который представляет собой регулирующий текст, определяющий направление, развитие чего-нибудь, вносящий порядок, плановость во что-нибудь [Ушаков: <http>].

Авторитетный специалист по документной лингвистике С.П. Кушнерук отмечает, что в XVI–XVII вв. наиболее частотными функциональными видами документных текстов являлись духовные, договорные, *жалованные грамоты*, указы, *уставы* [Кушнерук 2012: 44; курсив наш. – О.К.]. Рассматриваемые нами регулятивные тексты относятся к документным текстам.

Что касается Франции, подчеркнем, что страна уже имела опыт создания регламентирующих документов, в частности *ордонанс* (королевский указ) *Виллер-Компе* (Ordonnance de Villers-Cotterêts), подписанный в 1539 г., в эпоху правления Франциска I (1515-1540). Главная задача данного юридического документа заключалась в том, что на французском языке закрепился статус официального языка государства. В последующие годы французская языковая политика вышла на новый уровень своего развития. Так, в первой половине XVII века Людовик XIII вплотную приступил к «внутреннему обустройству» (*aménagement*) языка, которое предполагало его нормализацию, определение различных функциональных стилей. Для решения данных задач и была создана Французская Академия.

Рассмотрим особенности регулятивных текстов Французской Академии. Первым письменным государственным документом стало патентное письмо, или жалованная грамота (*Lettres Pattentes pour l'établissement de l'Académie Française*) об учреждении Французской

Академии, подписанная Людовиком XIII в январе 1635 г. Следует отметить, что жалованная грамота была зарегистрирована в парламенте только через два года после ее подписания королем, 10 июля 1637 г. Возможно, что парламент опасался создания органа, способного проводить политику культурного абсолютизма [Викулова 2015с: 71–72].

Следующим регламентирующим документом, регулирующим деятельность Французской Академии, является Устав Французской Академии (*Status et règlement de l'Académie Française*) из 50 статей от 22 февраля 1635 г., подписанный кардиналом Ришелье (**Приложение 3**). За исключением нескольких статей данный устав действует до сих пор. Его прагматическая составляющая, как отмечает Л.Г. Викулова, состоит в определении возможного адресата (научной общественности) коммуникативного акта, демонстрирующего легитимность Академии.

Представим сравнительный анализ данных регулятивных текстов в виде следующей таблицы:

Таблица 3

Характеристики	Патентное письмо	Устав
Институциональность	+	+
Ситуативность	+	+
Регулятивность	+	+
Терминированность текста	+	+
Монологический характер	+	+
Адресность	+	+
Композиционная структура	+	+
Ограничение употребления местоимения 1-го лица, ед. числа	+	+

Параметризация Патентного письма и Устава

Как видно из таблицы, перечисленные параметры документов присутствуют в обоих текстах. *Институциональность* проявляется в том, что функционирование данных документов происходит в рамках научного института – Французской Академии.

Ситуативность проявляется в содержательно обусловленной связи между событиями, сложившейся ситуацией и документом как реакцией на ситуацию [Кушнерук 2012: 34]. *Ситуативность* в тексте *Патентного письма* заключается в том, что данный документ был создан в определенной ситуации. Французская Академия родилась из небольшого кружка литераторов. Инициатором создания Академии был кардинал Ришелье, который предложил на основе этого сугубо частного кружка организовать официальный орган, ведающий вопросами языка и литературы. Таким образом, данная ситуация предполагала создание официальных регулятивных документов, одним из которых был *Патент на создание Французской Академии*.

Регулятивность предполагает модель поведения адресата посредством предписания ему определенной нормы поведения, которая складывается из смысловых элементов «цель действия» и «способ действия» [Руберт 1996: 4].

Регулятивность заключается в том, что в *Патентном письме* и *Уставе* обозначена цель деятельности Французской Академии – сделать язык (*la langue françoise*) не только элегантным (*non seulement élégant*), но и способным трактовать все искусства и науки (*mais capable de traiter tout les arts et toutes les sciences*). Обозначена главная задача (*la principale fonction*), которую поставило государство, – нормирование французского языка (*à donner des règles certaines à notre langue*), общего и понятного для всех, который в равной мере использовался бы в литературной практике и в разговорной речи (статья XXIV) [Викулова 2015: 72]:

(1) *La principale fonction de l'Académie sera de travailler avec tout le soin et toute la diligence possibles à donner des règles certaines à notre langue et à la rendre pure, éloquente et capable de traiter les arts et les sciences* [http://www.academie-francaise.fr/sites/academie-francaise.fr/files/statuts_af_0.pdf].

Такая задача отвечала глубинной потребности французского общества: чтобы нация осознавала себя как единое целое в рамках единого

государства, язык должен был стать цементирующим основанием этого единства.

В *Уставе* определено название учреждения – Французская Академия (*L'ACADÉMIE FRANÇOISE*), его местонахождение – город Париж (*ville de Paris*) и количество членов Французской Академии – 40 человек (*quarante personnes*), устанавливаются дни проведения заседаний Французской Академии, порядок выборов членов Французской Академии, директора и канцлера [<http://www.academie-francaise.fr/sites/academie-francaise.fr>]. Обратимся к ряду статей.

Статья III определяет структуру учреждения: три официальные должности – директор (*un directeur*), канцлер (*un chancelier*), секретарь (*un secrétaire*). Директор и канцлер будут избираться каждые два месяца (*de deux mois en deux mois*), в то же время секретарь остается в должности пожизненно:

(2) *Il y aura trois officiers, un directeur, un chancelier et un secrétaire, dont les deux premiers seront élus de deux mois en deux mois , et l'autre ne changera point* [http://www.academie-francaise.fr/sites/academie-francaise.fr/files/statuts_af_0.pdf].

Статья VI указывает, что канцлер будет хранителем печати (***sa garde les sceaux***) Академии, чтобы опечатывать все документы, которые будут издаваться:

(3) *Le chancelier aura en sa garde les sceaux de l'Académie, pour en sceller tous les actes qui s'expédieront* [http://www.academie-francaise.fr/sites/academie-francaise.fr/files/statuts_af_0.pdf].

Статья VII определяет наличие кворума для голосования (не менее двадцати присутствующих) и обязанности секретаря Академии, который обязан регистрировать все документы и предъявлять их кому-либо только с согласия общего собрания Академии:

(4) *Le secrétaire sera élu par les suffrages des académiciens assemblés **au nombre de vingt pour le moins (не менее двадцати присутствующих)**. Il recueillera les résolutions de toutes les assemblées et en tiendra registre. Il signera tous les actes (подписывать все документы) qui seront accordés par l'Académie, et gardera tous les titres et pièces concernant son*

institution, sa fonction et ses intérêts, dont il ne communiquera rien à personne sans la permission de la Compagnie [http://www.academie-francaise.fr/sites/academie-francaise.fr/files/statuts_af_0.pdf].

Статья XVII определяет дни и время, когда будут проходить заседания Французской Академии. Заседания будут проходить каждый понедельник (*tous les lundis*), в два часа (*à deux heures après midi*).

(5) *Les assemblées ordinaires se feront tous les lundis aux lieux qui seront jugés les plus commodes par les directeurs, jusqu'à ce qu'il ait plu au Roi d'en donner un, et commenceront à deux heures après midi précisément* [http://www.academie-francaise.fr/sites/academie-francaise.fr/files/statuts_af_0.pdf].

Отметим, что главной статьёй, определившей пути становления Академии, стала статья XXVI. Её суть заключалась в том, что для нормирования французского языка предписывалось создание словаря (*un dictionnaire*), грамматики (*une grammaire*), риторики и поэтики (*une rhétorique et une poétique*):

(6) *Il sera composé un dictionnaire, une grammaire, une rhétorique et une poétique sur les observations de l'Académie* [http://www.academie-francaise.fr/sites/academie-francaise.fr/files/statuts_af_0.pdf].

Относительно статьи XXVI академик и писатель М. Дрюон уточняет, что только Словарь (*Dictionnaire de l'Académie française*) в результате кропотливой работы стал реальным ответом на запрос власти. Обязанность ученых написать словарь была обусловлена тем, что значительную роль в унификации французского языка как средства общения играют такие прескриптивные труды, как словари, отражающие реальность своего времени [Викулова 2016: 269]. О словаре Академии речь пойдет в главе III.

Неслучайно постоянный секретарь Академии, Морис Дрюон в примечаниях к тексту Устава пишет в 1995 г., что статья XXIV является ключевой, поскольку определяет смысл существования (*la raison d'être*) Академии и обосновывает уровень ее власти: *Article essentiel qui formule la raison d'être de l'Académie, lui prescrit sa mission et fonde son autorité* [http://www.academie-francaise.fr/sites/academie-francaise.fr/files/statuts_af_0.pdf].

Однако словарь был написан лишь спустя 59 лет после основания Французской Академии (1694 г.). Грамматика Французской Академии, появившаяся в 1932 г., как подчеркивает М. Дрюон, не имела успеха у научной общественности [http://www.academie-francaise.fr/sites/academie-francaise.fr/files/statuts_af]. Однако, как подчеркивает Е.Н. Михайлова, французские грамматики «с одной стороны, дают панораму перехода от латинской к французской грамматической терминосистеме. С другой стороны, эти сочинения представляют собой интерес с точки зрения соотношения в них аксиологической и объективной нормы (т.е. декларируемых в них норм и норм, реально существующих) [Михайлова 2016: 231].

Согласимся с мнением М.Н. Михновой в том, что Французская Академия придерживалась пуристической позиции в языке, как показывает статья XXIII: запрет на использование технических терминов и двусмысленных выражений соответствует принципам чистоты и ясности, сформулированным Ф. Малербом, поэтом и литературным критиком:

(7) *L'on prendra garde qu'il ne soit employé dans les ouvrages qui seront publiés sous le nom de l'Académie ou d'un particulier, en **qualité d'académicien**, aucun **terme libertin ou licencieux** et qui puisse être équivoque ou **mal interprété**.*

Отмечается, что Ф. Малерб находит язык перенасыщенным лишними элементами и призывает очистить язык от них [Скрелина, Становая 2013: 407]. Нужно было предпринять следующие шаги:

- язык следует очистить от архаизмов в лексике и грамматике;
- из языка следует убрать заимствования.

Таким образом, задачи, которые ставил Ф. Малерб перед поэтами или писателями, заключаются в строгом отборе языковых средств. В следовании литературным образцам, в подчинении языка правилам [Скрелина, Становая 2013: 407].

В статье XXV отмечается новаторский подход власти к родному языку: в качестве источника нормы были предложены произведения лучших

авторов (*les meilleurs auteurs de la langue française*), которые могут служить примером, т.е. в практику входит *экземплификация* – примеры в словаре из произведений современных авторитетных авторов [Викулова 2016: 268]:

(8) *Les meilleurs auteurs de la langue française seront distribués aux académiciens pour observer tant les dictionnaires que les phrases qui peuvent servir de règles générales et en faire rapport à la Compagnie, qui jugera de leur travail et s'en servira aux occasions* [http://www.academie-francaise.fr/sites/academie-francaise.fr/files/statuts_af_0.pdf].

Следовательно, источником правильной речи становится язык писателей, как отмечает Н.А. Безменова [1991: 117], «отсюда все большая ориентация на языковые авторитеты в области философии, литературы, религии и т.д.»

Фактически впервые в данной статье Устава подчеркивается значимость современного обществу писателей, которые уже были известны в обществе. Н.А. Безменова [Там же] подчеркивает: «Отсюда все большая ориентация на языковые авторитеты в области философии, литературы, религии и т.д.». Ученые-пуристы также выводят на первый план практику чтения престижных авторов, тем самым французский язык становится своеобразным маркером социализации индивида через язык [Викулова 2016: 269-270].

Терминированность текстов – одна из принципиальных особенностей документных текстов [Кушнерук 2012: 35]. В тексте *Патентного письма* мы находим следующий правовой термин – *le droit de committimus*. Термин обозначает право судиться прямо в Парламенте, минуя низшие инстанции. Данная привилегия предоставлялась самим королем во Франции с конца XVI – начала XVII вв. Палата прошений (*Chambres des requêtes*) ведала в качестве первой инстанции, дела лиц, имевших привилегию *committimus*, которые подавались прямо королю и им же разрешались [Каринский: <http://>]. В тексте *Устава* представлены термины, которые определяют участников научного сообщества и форму их общения в официальной обстановке: *académicien* (академик); *la Compagnie*

(сообщество); *assemblée* (заседания).

Монологичность и косвенная форма изложения – текст, который является результатом фиксации речи одного лица, т.е. текст, в котором представлен один автор. Косвенная форма предполагает отсутствие цитат [Кушнерук 2012: 36]. В анализируемых регулятивных текстах какое-либо цитирование отсутствует.

Стабильность композиционных структур – каждый вид документа имеет собственную устойчивую композицию, состоящую из устойчивой схемы рубрикации, что всегда проявляется в текстах правовых документов, законов, уставов. Что касается *Устава* как документного текста, то *стабильность его композиционных структур* заключается в том, текст состоит из 50 статей, каждая из которых отражает содержание и основной предмет правового регулирования деятельности Французской Академии.

Каждая **статья Устава** является его структурной единицей, имеет порядковый номер, обозначаемый арабскими цифрами, например:

Иллюстрация 2

XII

Quand les avis se trouveront égaux, l'affaire sera remise en délibération en une autre assemblée.

XIII

Si un des académiciens fait quelque action indigne d'un homme d'honneur, il sera interdit ou destitué selon l'importance de sa faute¹.

XIV

Lorsque quelqu'un sera reçu dans la Compagnie, il sera exhorté par celui qui présidera d'observer tous les statuts de l'Académie, et signera l'acte de sa réception sur le registre du secrétaire.

Фрагмент статей из Устава Французской Академии

[<http://www.academie-francaise.fr/linstitution/statuts-et-reglements>]

Адресность – документный текст всегда адресован лицу или группе лиц (например, тексты законов, уставов, патентные письма) [Кушнерук 2012: 47]. В частности, адресантом *Патентного письма* адресность был король Людовик XIII (Louis XIII), подписавший документ (Signé: LOUIS) и скрепивший его печатью из зеленого воска (scellées du grand sceau de cire verte):

Иллюстрация 3

Signé : LOUIS

Et sur le repli : Par le Roi. DE LOMÉNIE.

Et scellées du grand sceau de cire verte sur lacs de soie rouge et verte.

Фрагмент Патентного письма

[<http://www.academie-francaise.fr/linstitution/statuts-et-reglements>]

Иллюстрация 4

Патентное письмо было адресовано Парламенту.

**LETTRES PATENTES
POUR L'ÉTABLISSEMENT
DE L'ACADÉMIE FRANÇOISE**

Paris, janvier 1635, registrées au Parlement
le 10 juillet 1637

Фрагмент Патентного письма

[<http://www.academie-francaise.fr/linstitution/statuts-et-reglements>]

Адресность в тексте *Устава* заключается в том, то адресант данного документа – кардинал Ришелье (*Le Cardinal de Richelieu*).

Иллюстрация 5

Signé : Le Cardinal de RICHELIEU.

Et scellé de ses armes.

Et plus bas : Par mondit Seigneur. CHARPENTIER.

Фрагмент Устава Французской Академии

[<http://www.academie-francaise.fr/linstitution/statuts-et-reglements>]

Тексты институциональных жанров юридического дискурса (к которому можно отнести как *Патентное письмо*, так и *Устав Французской Академии*), будучи продуктами дискурсивных практик, представляют собой среду, которая ограничивает употребление местоимения 1-го лица единственного числа. Институциональный субъект (король) не допускает позиционирования себя в ипостаси личности, проявления которой устраняет с помощью определенных языковых знаков [Крапивкина 2011: 9].

Проанализировав тексты *Патентного письма* и *Устава* с помощью компьютерной программы «Tropes VF8.4», мы выявили статистику употребления местоимений в данных документах. Результаты анализа представлены в следующей таблице (**Приложение 4**). Согласно данной таблице, личное местоимения *Я (JE)* не употребляется в данном документном тексте.

Наблюдается преобладание использования местоимения 1-го лица множественного числа *МЫ (NOUS)*, имеющего значительный прагматический потенциал. Употребление *NOUS / МЫ* с целью референции к единичному Субъекту (*мы = я*) для придания документу (законодательный текст монарха) торжественности и весомости:

(9) *Et quoique Nous ayons travaillé sans cesse à l'exécution de ce bon dessein, il Nous a été impossible jusqu'ici d'en voir l'entier accomplissement* [http://www.academie-francaise.fr/sites/academie-francaise.fr/files/statuts_af_0. pdf]. – И хотя Мы работали беспрестанно, чтобы реализовать этот удачный замысел, Нам не удалось до сих пор осуществить задуманное.

Наблюдается преобладание использования местоимения 3-го лица единственного числа *ОН/ОНА (IL/ELLE)*.

(10)

VII

Il signera tous les actes qui seront accordés par l'Académie, et gardera tous les titres et pièces concernant son institution, sa fonction et ses intérêts, dont il ne communiquera rien à personne sans la permission de la Compagnie [http://www.academie-francaise.fr/sites/academie-francaise.fr/files/statuts_af_0. pdf]. – **Он** [пожизненный секретарь] будет подписывать все акты, которые будут предоставлены в Академии, и сохранит все ценные бумаги, и

документы, связанные с учреждением Французской Академии, ее функциями и ее интересами, которые **он** [пожизненный секретарь] не сообщает никому ничего без разрешения Сообщества.

В Патентном письме и Уставе Французской Академии выделяются наречия как индикаторы времени [http://www.academie-francaise.fr/sites/academie-francaise.fr/files/statuts_af_0].

Наречия времени (*adverbes de temps*) располагают действия во времени относительно момента высказывания или других ориентиров [Grevisse 2007: 1257].

В представленном корпусе текстов имеют место наречия проспективного характера:

– *désormais* (отныне, начиная с момента высказывания),

(11) *Voulons qu'elles se continuent désormais en notre bonne ville de Paris, sous le nom de l'ACADÉMIE FRANÇOISE.*

– *aussitôt* (сразу же, немедленно) – наречия, обозначающие срочность выполнения предписанных действий в данных документах:

(12) *Aussitôt que Dieu Nous eut appelés à la conduite de cet État <...>*

(13) XXVIII

Aussitôt que chacun de ces discours aura été récité dans l'Académie, celui qui présidera nommera deux commissaires pour l'examiner.

– длительность действия – *longtemps* (долгое время),

(14) *Nous eûmes pour but non seulement de remédier aux désordres que les guerres civiles, dont il a été si longtemps affligé, y avoient introduits, mais aussi de l'enrichir de tous les ornements convenables à la plus illustre et la plus ancienne de toutes les monarchies qui soient aujourd'hui dans le monde.*

– повторяемость – *chaque jour* (каждый день)

(15) XXVII

Chaque jour d'assemblée ordinaire, un des académiciens, selon l'ordre du tableau, fera un discours en prose, dont le récit par cœur ou la lecture, à son choix, durera un quart d'heure, ou demi-heure au plus, sur tel sujet qu'il voudra prendre, et ne se commencera qu'à trois heures.

– *toujours* (всегда):

(16) *Et afin que ce soit chose ferme et stable à toujours, Nous y avons fait mettre notre scel, sauf*

en autres choses notre droit et l'autrui en toutes.

(17)

XXI

*<...> l'Académie soumettant **toujours** aux lois de l'Église <...> .*

Т.В. Сластникова [2017: 241] пишет, что существует ряд формальных маркеров, которые делают акцент на обобщающем значении высказываний. Такими маркерами являются наречия *toujours*, *souvent*, *parfois*, *jamais*, которые используются в документах Академии. Отмечается, что наличие данных наречий придает обобщающий характер высказыванию.

Важным свойством документов является их *актуальность*, которая подчеркивается введением в документные тексты календарно-хронологических данных. Текст актуален, так как он связан с определенным, вычленимым из действительности фрагментом действительности, с конкретной ситуацией, имеющей временные параметры [Кушнерук 2012: 47; Кожетева 2012: 113-114].

Формат даты в регламентирующих документах Академии выглядит следующим образом (месяц – год или число – месяц – год) и располагается в начале документа:

(18) *Donné à Paris **au mois de janvier**, l'an de grâce 1635 et de notre règne le vingt-cinquième.*

(19) *Paris, **janvier 1635**, registrées au Parlement **le 10 juillet 1637*** [http://www.academie-francaise.fr/sites/academie-francaise.fr/files/statuts_af_0.pdf].

Отметим также важное значение ряда других статей *Устава*. Статья XIII указывает на то, что если один из академиков совершит поступок (*fait quelque action*), который недостойн порядочного человека (*indigne d'un homme d'honneur*), он будет исключен или отстранен (*il sera interdit ou destitué*), в зависимости от степени его вины:

(20) *Si un des académiciens **fait quelque action** indigne d'un homme d'honneur, il sera interdit ou destitué selon l'importance de sa faute* [http://www.academie-francaise.fr/sites/academie-francaise.fr/files/statuts_af_0.pdf].

В примечании к Уставу Французской Академии, приведен пример А. Фюретьера (A. Furetière, 1619-1688, кресло № 31), который был обвинен в использовании работ Академии для написания «Эссе об универсальном

словаре» (Essai d'un dictionnaire universel), опубликованном в 1684 г. Он был исключен из членов Французской Академии в январе 1685 г., но умер прежде, чем этот вид наказания был ратифицирован Людовиком XIV. Отметим, что кресло № 31, которое занимал А. Фюретьер было вакантно до его смерти вплоть до 1688 г.

Статья XLV носит ограничительный характер. В ней указывается, что рассмотрению в Академии подлежат только произведения ее членов (*L'Académie ne jugera que des ouvrages de ceux dont elle est composée*). Таким образом изначально формируется *закрытое научное сообщество*. Вместе с тем допускается рассмотрение других трудов, по которым Академия лишь выскажет свое мнение, без всякого осуждения или одобрения (*elle donnera seulement ses avis sans en faire aucune censure et sans en donner aussi l'approbation*).

(21) *L'Académie ne jugera que des ouvrages de ceux dont elle est composée ; et si elle se trouve obligée par quelque considération importante d'en examiner d'autres, elle donnera seulement ses avis sans en faire aucune censure et sans en donner aussi l'approbation.*

Итак, в данном параграфе были рассмотрены прагмалингвистические особенности регулятивных текстов, играющих важную роль в формировании Французской Академии как нового института. В работе выделены некоторые характеристики, характерные для *Патентного письма* и *Устава*.

Таким образом, деятельность академиков в начале формирования института находилась в коммуникативной плоскости. Поэтому следующим этапом обращения к научным жанрам как вербализованному результату научного поиска является коммуникативный аспект речевой практики, который выражен торжественными речами, произносимыми французскими академиками, о которых пойдет речь в главе II.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Анализ языковой ситуации во Франции XVII века показал, что создание Французской Академии было направлено на укрепление позиции французского литературного языка. Легитимация филологического знания прошла процесс институционализации, который осуществлялся в несколько этапов и сопровождался созданием норм и правил деятельности французской Академии, придавая ей официальный статус. Показано, что создание Академии – сложный процесс институционализации, происходящий в несколько этапов.

Диахронический вектор легитимации научного учреждения отражает значимость предтечи академической речевой практики – тематических филологических кружков, салонов как коммуникативного пространства трансляции научных знаний, лекционных бюро как демократической формы 'массовизации' знаний в обществе. Таким образом, в XVII веке появляются новые формы общения.

Инициатива государства по созданию Французской Академии как новой формы легитимации научного знания заставила власть решать вопросы идентификации и делимитации академического сообщества как нового элитарного феномена. Французская Академия – научное сообщество, состоящее из 40 членов и занимающееся вопросами языка и литературы. Исследование показало, что на начальном этапе становления института в состав членов входили литераторы (*hommes des lettres*), ученые (*savants*), политические и государственные деятели (*politiques et les hommes d'Etat*), священнослужители (*hommes d'Eglise*), адвокаты / юристы (*avocats / juristes*). Литераторы занимали доминирующую позицию в силу своего владения литературным языком, второе место – священнослужители, также прекрасно владевшие словом в силу своего серьезного гуманитарного образования.

Такое решение нашло свое отражение в регулятивных документах – Уставе Академии и Патентном письме, которые выступили обязательными нормирующими текстами в научной коммуникации власти, социума и

академической общественности. При этом сами документы установили границы деятельности ученых, степень значимости той работы, которую им предстояло совершить по нормированию французского языка в социокультурном контексте того времени. Так, были созданы Устав, установлен статус Академии, определены цели и задачи ее работы, регламент вступления в Академию, который действует до настоящего времени.

Вышеназванные регулятивные тексты отмечаются такими характеристиками, как институциональность, ситуативность, регулятивность, терминированность текста, адресность, композиционная структура, функционирующие в рамках Французской Академии. Проанализировали тексты Патентного письма и Устава Французской Академии с помощью компьютерной программы «Tropes VF8.4» с целью выявления статистики употреблений местоимений в текстах. Результаты анализа показали, что личное местоимение *Я (JE)* не употребляется.

ГЛАВА II. ЭПИДЕЙКТИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКИ XVII-XVIII ВЕКОВ

2.1. Академический дискурс как основа коммуникативной практики в рамках Французской Академии

В настоящее время в лингвистике значительное количество работ посвящено дискурсивным исследованиям. Дискурс является одной из центральных категорий лингвистики. Как отмечают ученые (Н.Д. Арутюнова, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, И.Т. Касавин, В.Е. Чернявская, Ю.В. Щербина и др.), термин *дискурс* является многозначным и используется во многих гуманитарных науках, в частности лингвистике, семиотике, философии, литературоведении и других науках. Однако в настоящее время данный термин имеет разные трактовки и носит «поликонтекстный характер употребления» [Щербина 2010: 5]. Многозначность этого термина проявляется, как подчеркивает С.А. Герасимова [2015: 19] в частности, и в неустойчивом ударении: согласно французской традиции оно приходится на второй слог, однако ударение на первом слоге под влиянием англоязычной традиции также довольно часто.

Как справедливо отметила в свое время Е.С. Кубрякова, каких-либо единых установок в понимании дискурса еще не сложилось; точно так же не существует общепринятого определения термина *дискурс* или же термина *дискурсивный анализ*. Однако, по мнению авторитетного лингвиста, можно в наиболее общих чертах выделить существенные направления истолкования понятий [Кубрякова 2000: 8]. Так, термин *дискурс* соотносится с каким-либо одним аспектом языка — либо с системой языка в целом (ср. определение дискурса как *язык в языке*), либо с текстом как макрознаком (дискурс как *совокупность текстов*), либо с процессом порождения текста / высказывания, либо с формированием языковой / когнитивной картины мира [Чернявская 2009: 135].

Согласимся с утверждением Т.А. ван Дейка в том, что термин *дискурс* стал «размытой категорией» [ван Дейк 1989: 46]. В этой связи интересным, на наш взгляд, является подход, предложенный французским ученым Д. Менгено, к дискурсу именно как многозначному термину. Полагаем, что именно в связи с многозначностью ключевого термина *дискурс* лингвисты используют для обозначения направления дискурсивных исследований близкие, на наш взгляд, по значению термины *анализ дискурса* [Maingueneau 1991], *теория дискурса* [Макаров 2003], *лингвистика дискурса* [Барт 2004], *дискурсивный анализ* [ван Дейк 1989].

Согласно Д. Менгено [Maingueneau 1991: 15], в разработке принципов дискурсивного анализа в зависимости от исследовательской традиции делаются различные акценты в его понимании в лингвистических трудах как:

1) эквивалента понятия *речь* в сосюровском смысле, т.е. *дискурс* равен любому конкретному высказыванию;

2) единицы, по размеру превосходящей фразу, т.е. *дискурс* равен высказыванию в глобальном смысле;

3) в рамках прагматики *дискурс* равен речевому сообщению, предполагающему речевое воздействие на его получателя и его внесение в ‘высказывательную’ ситуацию, когда важен учет особенностей позиции потенциального получателя информации и коммуникативную компетенцию инициатора общения;

4) при специализации предыдущего значения *дискурс* равен *беседе*, рассматриваемой как основной тип высказывания;

5) система ограничений, которые накладываются на тексты в силу определенной социальной или идеологической позиции при высоком уровне потребности адресанта в установлении диалогических отношений с адресатом.

Применительно к академическому дискурсу, значим, с нашей точки зрения, пункт 3, когда рассматривается не отдельный частный корпус текстов, а определенный набор письменных жанров, который присущ

любому дискурсу, академическому в том числе.

Дискурсивный анализ получил широкое развитие во франкоязычной лингвистической традиции. В частности, французская школа дискурс-анализа нашла свое отражение в фундаментальном коллективном словаре дискурс-анализа – *Dictionnaire d'Analyse du Discours* [DAD 2002]. Известно, что у истоков проблемы дискурса стоит французский лингвист Э. Бенвенист, который один из первых придал слову *discours* (от латиноязычного слова *discursus* – рассуждение), имевшему во французской лингвистической традиции значение «речь вообще, текст» новое терминологическое значение, обозначив им динамическую речь, присваиваемую говорящим и отражающую его позицию, в отличие от объективированного повествования, которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания [Benveniste 1974: 296; Серио 1999: 26–29].

Таким образом, дискурс соотносится с конкретными участниками акта, т.е. говорящим (*locuteur*) и слушающим (*auditeur*), а также с коммуникативным намерением говорящего каким-либо образом воздействовать на адресата (*influencer son interlocuteur*).

Специалист по дискурс-анализу Л.П. Рыжова рассматривает дискурс «не просто как набор дискретных единиц языковой системы, но как функционально организованную динамическую систему контекстуализованных единиц употребления языка, как интенционально обусловленное гетерогенное единство, реализующееся либо в виде устной речи как результат процесса взаимодействия коммуникантов в некотором социокультурном контексте, либо *в письменном тексте* в разных его аспектах» [Рыжова 2007: 222; курсив наш. – О.К.]. Обратим внимание на то, что дискурс может, будучи именно динамическим образованием, реализоваться как в устной речи, так и в письменных текстах, представляющих определенные жанры. Думается, что это замечание актуально для академического дискурса, исследуемого в диссертации.

Обратим внимание на то, что центральным для дискурс-анализа

французской школы является понятие *contrat de communication* (‘контракт’ общения), которое представляет существенный практический интерес для анализа академического дискурса. Данный термин был введен в лингвистический обиход в 1983 году французским лингвистом П. Шародо [Charaudeau 2002: 138–141]. Являясь конститутивным для институционального типа дискурса, *contrat de communication* определяет сущность взаимоотношений между его участниками и предопределяет их роли, что важно для понимания значимых дискурсивных характеристик, в частности, по отношению к адресанту, который имеет свои коммуникативные намерения и проецирует определенным образом дальнейшее развитие общения с участниками коммуникации (в нашем случае, письменной и опосредованной коммуникации). Такой *контракт*, своеобразный «договор о правилах общения», репрезентирует некий «алгоритм взаимодействия», в терминологии Е.Г. Борисовой [2005], важный, по нашему мнению, для изучения любого вида дискурса, так как представляет интеракционный модуль, который включает:

- 1) знания, связанные с взаимодействием участников коммуникативного процесса в целом;
- 2) коммуникативную идентичность участников коммуникации;
- 3) место, время, цель и условия общения;
- 4) канал общения (письменный / устный);
- 5) тип взаимодействия, реализуемый в дискурсивных жанрах интервью, сообщение, реклама, новости и т.д.

Кроме того, определяющими являются понятия контекста и ситуации, когда контекст рассматривается как внутренняя характеристика акта речи, а ситуация, соответственно, — как внешняя характеристика [DAD 2002: 140–141; Рыжова 2007: 37, 144].

Существуют разнообразные типы дискурса, например, политический дискурс (О.Н. Паршина, П. Серио, В.А. Маслова, Ж. Дюбуа, А.В. Будаев, А.П. Чудинов, Е.Г. Борисова, И.В. Привалова и др.), научный дискурс (В.Е.

Чернявская, В.И. Карасик), издательский дискурс (Л.Г. Викулова), педагогический и учебно-дидактический дискурс (Ю.В. Щербинина, С.А. Герасимова), театральный дискурс (А.С. Шевченко, Л.А. Борботько) и др.

Следует отметить, что в последнее время появились работы, посвященные академическому дискурсу (В.Е Чернявская, И.П. Хутиз, О.А. Сулейманова, Н.Д. Десяева, Н.С. Шарафутдинова и др.). Анализ научной литературы свидетельствует о неоднозначности использования определения *академический* в рамках данного типа дискурса. Так, И.П. Хутиз определяет *академический дискурс* как «продукт *профессионального взаимодействия* в академической среде». Его можно охарактеризовать как институциональный, научный или дисциплинарный, а также специализованный [Хутиз 2015: 75; курсив наш. – О.К.]. В этом определении важным представляется профессиональное взаимодействие в рамках академической среды.

Рассмотрим понятие *академическая среда*. Академическая среда определяется как «совокупность норм и правил образовательной и научной деятельности, характерных для рассматриваемого сообщества». Выделяют два вида академической среды – *открытая* и *закрытая*. *Закрытая академическая среда* характеризуется «локальностью академических конвенций и замкнутостью соответствующего общества, воспроизводится в условиях низкой мобильности» [Сивак, Юдкевич 2008: 33-34]. Французскую Академию на начальном этапе ее формирования и становления можно отнести к закрытому типу академической среды, для которой была характерна *низкая мобильность*, а также *замкнутость*, поскольку в данное сообщество принимались не все ученые, а только те, кто внес значительный вклад в развитие французского языка, литературы, культуры. При этом *низкая мобильность* изначально была предопределена самим Уставом – пожизненным членством в Академии.

Как отмечает Л.Г. Викулова [2015b: 9], поставленные перед Академией задачи, а именно создание словаря, грамматики, риторики, требовали значительного времени на осуществление этих проектов. Между

тем, академики нуждались в формировании корпоративной культуры, произносили торжественные речи, упражнялись в красноречии. Отмечается, что в данном научном сообществе встал вопрос о формировании *административно-научной иерархии*, поскольку академики занимались в основном организационными вопросами, но не решали поставленные государством задачи [Чернявская 2011: 69; Викулова 2015b: 9].

Британский лингвист К. Хайланд (Ken Hyland) в работе «Academic Discourse» (2009), как указывает И.П. Хутыз, определяет академический дискурс через понятия *дисциплинарный* и *научный*. Автор использует определение *дисциплинарный*, подчеркивая, что данный вид дискурса интерпретирует реальность, используя разнообразные ресурсы, чтобы формировать специализированные знания. Что касается определения *научный*, автор считает, что изучение академического дискурса, транслирующего научное знание, связано с социальным контекстом, в котором грамотность становится социальной практикой, а не просто навыком [Hyland 2009; цит. по: Хутыз 2015: 77].

По верному замечанию К.М. Шилихиной [2013: 115], академический дискурс – сфера коммуникации связана со специфической сферой человеческой деятельности – получением и трансляцией научного знания. По мнению А.А. Болдыревой [2008: 90], «научный авторитет является сущностным свойством научного познания», а его становление происходит «в результате информационного взаимодействия субъектов научно-познавательной деятельности». Анализ торжественных речей, произнесенных академиками, подтверждает, что категория *авторитетности* имеет важное значение в академическом сообществе, где определяющим является особый авторитет и высокий социальный статус оратора.

В настоящей работе *академический дискурс* понимается как профессиональная коммуникация между членами академического сообщества, по векторам вертикального и горизонтального взаимодействия в рамках соответствующих коммуникативных жанров. По мнению В.И.

Карасика [1998: 187], академический дискурс является разновидностью институционального дискурса, представленный в качестве личностно-ориентированного общения, так как «коммуниканты реализуют себя только в ограниченном наборе ролевых характеристик, выступая в качестве представителей определенных групп людей».

Отмечается, что любой тип институционального дискурса, конструируется в структуре деятельности основных интересов и проблем представителей определенной профессиональной сферы. Институциональный дискурс, будучи результатом деятельности индивидов в рамках институтов общества, более строго следует коммуникативным нормам и традициям, формируемым на протяжении многих лет под влиянием социоэкономических, политических, культурных и других событий, происходящих в обществе [Хутиз 2016: 97–98].

При исследовании академического дискурса как институционального, вслед за В.И. Карасиком [2002: 299-300], определяем такие *базовые критерии институциональности*, как цель, состав участников, хронотоп, ценности, ответственность, стратегии и жанры.

Цель академического дискурса – социализация нового члена научного сообщества, в частности – объяснение устройства мира, норм и правил поведения, приобщение к ценностям и формам поведения [Там же: 304]. *Участниками* академического дискурса XVII–XVIII вв. являются академики и кандидаты в академики. В период становления Французской Академии формируется коммуникативная норма официального общения, выражаемая в торжественных речах, произносимых академиками, а также теми, кто вступает в это сообщество. Они представляют собой *академическое дискурсивное сообщество*. Рассмотрим данное определение, опираясь на подход Дж. Суэlsa [Swales1990: 21-27], а именно как группу лиц, объединенную общими целями, использующую устную или письменную коммуникацию для их достижения и представляющую следующие обязательные признаки:

- 1) общие цели (*common public goals*);
- 2) правила, регламентирующие поведение и деятельность в группе (*mechanisms of intercommunication*);
- 3) обмен информацией (*participatory mechanisms to provide information and feedback*);
- 4) собственная система жанров (*one or more genres in the communicative furtherance*);
- 5) узко специальная терминология (*some specific lexis*);
- 6) высокий уровень профессионализма (*threshold level of expertise*).

Думается, что знаковыми для Французской Академии являются признаки 1, 2, 3. На начальном этапе у академиков были общие цели: формирование Академии; создание правил, регламентирующих деятельность Французской Академии (вступительная речь, порядок избрания и т.д.); выработка собственной системы жанров (о которых речь пойдет в параграфах 2.2-2.7). Ввиду того, что сообщество академиков обнаруживает большинство из вышеуказанных признаков, полагаем правомерно применит термин *дискурсивное сообщество* в отношении к академикам, несмотря на то, что еще в XVII в. академики не были таковыми в современном понимании термина *академик*. Коллегиальным участником коммуникативной ситуации было сообщество, состоящее из 40 членов.

Термин *академик* определяется отечественными словарями как член академии [Ожегов, Шведова 2003: 20]. Словарь французского языка определяет термин *académicien* как член Французской Академии [Dictionnaire du français 2003: 6]. Исторический словарь французского языка относит данную лексему к 1550 г., когда она использовалась, чтобы указать на философа «Академии», затем в 1635 г. лексема обозначала члена Французской Академии (d'abord (1550) pour désigner un philosophe de l'«Académie» grecque de Platon, puis (1635) un membre de l'Académie française) [DH 2006: 6].

Согласимся с мнением Я.В. Зубковой в том, что *хронотопом*

академического дискурса является сочетание присущего этому дискурсу типового времени и места [Зубкова 2009: 29]. Рассмотрим роль хронотопа в рамках социального института Французская Академия.

Как отмечают французские литераторы XVII в. П. Пелиссон (Paul Pellisson) и П.-Ж. Тулье д'Оливе (Pierre-Joseph Thoulier d'Olivet), дни заседаний изначально не были фиксированы. Поскольку регламент не был установлен в течение двух лет, то дни заседаний часто менялись. Собрания проходили по понедельникам, как указано в Уставе Французской Академии (1634-1637). С 21 декабря 1637 г., день заседания фиксируется с понедельника на среду, однако в марте 1638 г. день снова переносится на понедельник. Но когда после смерти основателя и покровителя Французской Академии кардинала Ришелье, (1643 г.) канцлер П. Сегье становится новым покровителем Французской Академии, то по его просьбе, 14 декабря 1643 г., день заседания был перенесен на субботу. Но 19 декабря 1643 г. день собрания был опять изменен на среду [Pellisson 1858: 65]. В Уставе Французской Академии, мы встречаем упоминание о том, что начиная с 1675 г. академики собирались два или три дня в неделю (понедельник, четверг, суббота), но с 1816 г. по 1890 г. – только в среду и четверг. Следует отметить, что академики стали собираться один раз в неделю – только по четвергам с 1891 г. Следовательно, академики собирались в те дни, которые прописаны в Уставе Французской Академии.

Хронотоп академического дискурса четко ограничен определенным местом (топосом), где должна была заседать Французская Академия. На начальном этапе определяющим стал *фактор паратопии*. Французский лингвист Д. Менгено [Maingueneau 1993: 28] определяет фактор паратопии (*paratopie*) как прагматически и социокультурно значимое пространство. На первых порах формирования нового института заседания проходили на *частной территории*. Несмотря на то, что Французская Академия уже была под покровительством государства, как отмечает историограф Э. Гассье, официального места для деятельности академиков власть не предоставила

[Gassier 2012: 179]. Отметим, что Французская Академия, в рамках которой обсуждались различные вопросы языковой политики, не располагала до 1672 г. собственным зданием, только спустя 38 лет после своего основания, данный институт получает помещение в одном из залов Лувра.

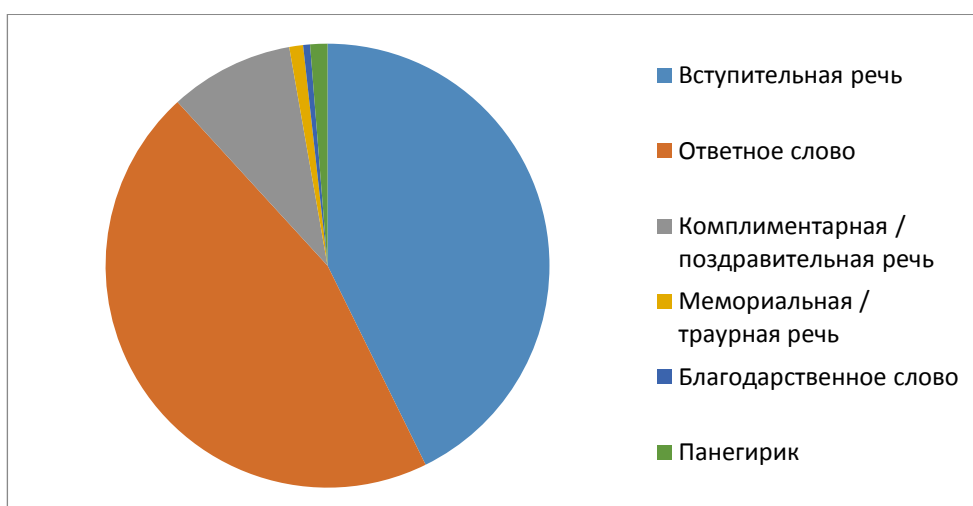
Таким образом, до 1672 г. Французская Академия не обладала собственным помещением. Возникает вопрос, влияло ли количество речей, которые произносили академики в XVII-XVIII веках на частной или официальной территории. Для ответа на данный вопрос, мы провели исследование, результаты показаны в следующих диаграммах:

Диаграмма 2

Количество речей по жанрам, произнесенных до 1672 г.

Диаграмма 3

Количество речей по жанрам, произнесенных с 1672 по 1799 гг.

В нашем исследовании мы выбрали два показательных периода. Первая диаграмма показывает количество речей, произнесенных

академиками, когда заседания проходила на частной территории. Вторая диаграмма показывает количество речей, которые академики произносили в официальном помещении (Лувр). Нижестоящая таблица показывает статистические данные по количеству произнесенных речей:

Таблица 4

	Количество речей по жанрам, произнесенных до 1672 г.	Количество речей по жанрам, произнесенных с 1672 по 1799 гг.
Вступительная речь	34	170
Ответное слово	4	181
Комплиментарная / поздравительная речь	5	36
Мемориальная / траурная речь	2	4
Благодарственное слово	1	2
Панегирик	1	5

Количество произнесенных речей на частной и официальной территории

Из таблицы следует, что количество речей, произнесенных академиками значительно возросло. Таким образом, можно предположить, что наличие официального помещения повлияло положительно на академическую речевую практику. Итак, фактор паратопии влияет на эффективность общения академического сообщества с социумом. Когда заседания проходили на частной территории, они были 'закрытыми', т.е. там могли присутствовать только члены академии. Позднее, когда Академия получила от власти официальное помещение, постепенно происходил отход от 'закрытости' к 'открытости' академического научного сообщества в его общении с социумом.

Ученые указывают на то, что применительно не только к социокультурной коммуникации, но и литературной коммуникации XVII века, роль фактора паратопии сыграли кружки и салоны, ставшие предтечей Французской Академии. Отметим, что встречи научного сообщества

изначально тоже проходили на частной территории. Таким образом, академики привыкли встречаться в доме у того или другого академика, ставшие так наз. *местами знания* (*lieux de savoir*), в терминологии Ш. Жакоба. Под «местами знания» подразумевают места хранения и производства знания (библиотеки, кабинеты, музеи и др.); научные сообщества, к которым можно отнести и Французскую Академию; инструменты политики – регистрирующие и законодательные органы; территории, связанные маршрутами распространения знаний [Les lieux de savoir 2011: 212; Загряжкина 2016: 212].

Проведенное исследование показало, что место проведения заседаний Французской Академии менялось часто, иногда несколько раз в год. Сначала заседания проходили на частной территории – в доме французского писателя В. Конрара на улице Сен-Мартен, так как его дом находился в удобном для всех центре Парижа, позже в домах французского драматурга Ж. Демаре де Сен-Сорлена, французского поэта Ж. Шаплена и других. Неслучайно заседания изначально проходили в доме В. Конрара, так как он уже имел опыт приема единомышленников в течение 5 лет (1629-1634 гг.), когда они собирались еще в рамках его кружка. Позже, в 1643 г., постоянное место заседания переносится в особняк П. Сегье, находившийся на улице Гренель-Сент-Оноре. Академики собирались в большом зале, за длинным столом, занимая места по желанию, так же как это происходило в салонах [Gassier 2012: 179].

В марте 1672 г., спустя 38 лет со дня основания Французской Академии, Людовик XIV, понимая значимость Французской Академии в осуществлении государственной языковой политики, предоставил институту один из залов Лувра, одновременно пожаловав 660 томов книг, составивших первый библиотечный фонд Академии [Официальный сайт Лувра: <http://>]. Встает вопрос, что находилось в Лувре в то время. В 1672 году Людовик XIII построил Версаль, и туда была перенесена королевская резиденция. Сначала Французская Академия заняла Старый зал Совета короля (*l'ancienne salle du*

Conseil du Roi), чуть позже Лувр стал официальной резиденцией Академии надписи и изящной словесности, Академии наук, Академии архитектуры, Академия живописи и скульптуры [Официальный сайт Лувра: [http](http://)].

В годы Французской революции декретом Конвента от 8 августа 1793 г. Французская Академия и другие академии были распущены как королевские учреждения. Через два года (25 октября 1795 г.) директория восстановила их деятельность, но в новом статусе – *Французский Институт* (L'Institut de France), состоявший из трех отделений: отделение физических и экономических наук, отделение литературы и изящных искусств и вновь созданное отделение моральных и политических наук. Таким образом, Французская Академия была восстановлена, хотя и под другим названием. Только спустя 131 год после основания Французской Академии, Наполеон предоставил Французскому Институту, включая Французскую Академию, дворец Мазарини или как его еще называют, Коллеж Четырех Наций (Collège des Quatre-Nations), в котором он находится и в настоящее время [Кривушина: [http](http://)].

Рассмотрим следующую характеристику академического дискурса – *коммуникативные стратегии*. Согласимся с мнением О.С. Иссерс, что стратегия речевого поведения охватывает всю сферу построения процесса коммуникации, когда ставится целью достижение определенных долговременных результатов [Иссерс 2015: 54].

В академическом дискурсе французские академики выступают с различными речами, используя в них следующие *коммуникативные стратегии*: стратегия похвалы, стратегия комплимента, стратегия самопрезентации, стратегия самоуничтожения. Об этом пойдет речь в параграфах 2.2-2.7.

Считаем необходимым выделить еще одну категорию академического дискурса – *ритуальность*. Данная категория уже на протяжении многих лет изучалась лингвистами, которые выделили основные толкования понятия *ритуал*: 1) ритуал – традиционный порядок проведения какой-либо

церемонии; 2) ритуал (в биологии) – стандартный сигнальный поведенческий акт, используемый животными при общении друг с другом (например, брачные ритуалы); 3) ритуал (в психологии, психосоматике и психиатрии) – навязчивое действие, движение [Овчарова 2016: 213–214].

Как отмечает М.Г. Извекова, исследовавшая прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса, выделяется два основных типа ритуального дискурса – жесткий и мягкий ритуалы [Извекова 2006: 5]. Жесткая формализация ритуального дискурса (например, ритуальные характеристики религиозного дискурса в жанре молитвы и обрядового действия, вербальные признаки юридического ритуала) и мягкая формализация (например, ритуальные характеристики политического, научного, педагогического, спортивного и других типов дискурса) приводят к мысли о том, что ритуальное действие разворачивается в рамках особой коммуникативной ситуации, все компоненты которой приобретают особый символический смысл и имеют тенденцию к закреплению в особых ритуальных законах [Овчарова 2016: 214–215; Извекова 2006: 7]. Что касается академического дискурса, функционировавшего в рамках Французской Академии можно отнести к *мягкой формализации*, которая заключается в произнесении вступительной речи при принятии нового члена Академии, о чем пойдет речь в следующем параграфе.

Ритуальный дискурс и аспект ритуальности как лингвистические категории представляют собой стереотипное, символически нагруженное вербальное общение, ориентированное на закрепление идентичности индивидуума как члена социума либо создание новой идентичности индивидуума. При этом задачей ученых становится комплексное рассмотрение языковых средств, используемых в определенном коммуникативном пространстве, в рамках которого протекает это явление [Овчарова 2016: 250].

Рассмотрим еще одну значимую категорию – *жанры* академического дискурса. В настоящее время существуют два подхода к определению

данного понятия: *литературоведческий жанр* и *лингвистический жанр* [Шерстяных 2014: 17].

В литературоведении под *жанром* понимается форма, в которой реализуются основные роды литературы (драма, лирика, эпос), характеризующаяся теми или иными общими сюжетными и стилистическими признаками [Белокурова 2006: 52]. В лингвистическом понимании под термином *жанр* отечественные языковеды Н.Н. Семенюк и Н.С. Бабенко [2009: 718] понимают «самостоятельную категорию текста, указывающую на типовые формы текста в их коммуникативном назначении» [Семенюк, Бабенко 2009: 718]. Значимым в этом ключе представляется мнение Е.С. Кубряковой, которая отмечает, что жанр текста конструируется признаком целенаправленности, который «выражает прагматическую ориентацию», содержащуюся в тексте «установку, исходящую от говорящего» [Кубрякова 2004: 512].

Во французском академическом дискурсе XVII–XVIII вв. используются торжественные речи, которые можно охарактеризовать как *эпидейктические*, т.е. речи, произносимые в торжественной обстановке по поводу какого-либо знаменательного события, речи на случай [Панов 2005: 339]. Эпидейктические жанры, как малая форма, были популярны в Европе в XVII веке, таковыми остаются и в наше время. Выделяются разнообразные жанры эпидейктической речи: похвала, благодарность, комплимент и др., которые практикуются на официальных мероприятиях и в быту. При обращении к вступительным речам академиков обозначенного периода отмечаем, что в них присутствует похвала отдельному лицу (например, кардиналу Ришелье), похвала целому государству (например, Франции) и похвала яркому событию (например, открытие памятников культуры) и похвала академическому сообществу.

При анализе торжественных речей, произнесенных академиками, выделим следующие жанры эпидейктической речи: торжественная речь при вступлении во Французскую Академию (*discours de réception*), ответное

слово (*réponse*), поздравительная речь (*compliment*), панегирик (*panégyrique*), надгробные / траурные речи) (*éloge / oraison funèbre*), благодарность (*remerciement*), которые практикуются академиками и в настоящее время.

Таким образом, академический дискурс составляет основу коммуникативной практики, функционирующий в рамках Французской Академии. В следующих параграфах рассмотрим данные жанры эпидейктической речи, которые были традиционными для академической речевой практики XVII–XVIII веков.

2.2. Торжественная вступительная речь как прототип научного дискурса XVII–XVIII веков

Обратимся к *торжественным вступительным речам* (*discours de réception*). Вслед за Л.Г. Викуловой, отмечаем, что торжественная речь, которая обозначалась как *harangue* во французской практике Нового времени, произносилась по следующим случаям: избрание в члены Академии, приветствие или ответ на приветствие члена Французской Академии; подведение итогов в начале декабря на ежегодном торжественном сеансе действующим директором о литературных премиях, председателем заседания о заслугах и достоинствах академиков, речь секретаря; речь по случаю ухода из жизни академика; речь при открытии памятников культуры, носящих имя деятелей культуры; речь по случаю праздников, торжества [Викулова 2015: <http>].

Первая вступительная торжественная речь в рамках Академии была произнесена О. Патрю (Olivier Patru, 1604–1681; кресло № 19), известным адвокатом того времени, 3 сентября 1640 года, по случаю его принятия во Французскую Академию. Что касается О. Патрю, французские ученые отмечают, что именно его речь стала образцом торжественной речи при вступлении в Академию. Именно он инициировал данный официальный ритуал, спустя шесть лет после основания Французской Академии. Наблюдается явный диссонанс между официальностью речи и

неофициальностью топоса, в рамках которого происходит принятие в академическое сообщество. Публичными заседания стали немного позже (1672 г.), когда членам академии предоставили один из залов Лувра.

Встает вопрос, почему данную речь произносил не писатель, которых было более 27 человек в числе первых академиков, не священнослужитель, которых было около 6 человек, а именно адвокат. Отвечая на данный вопрос, заметим, что адвокаты имеют активную коммуникативную практику. Их «речевой труд» (в терминологии Ю.В. Рождественского) предполагает владением словом, и одно из важных качеств – быть ораторами, произносить публичную речь [Канафина 2015: 154–155]. Как отмечает Л.Г. Антонова, «эффективная и продуктивная коммуникация возможна, если коммуникантами усвоены классические законы взаимодействия и приобретены умения грамотно воспринимать и оценивать новые информационные продукты, сочетающие в себе традиционные и специфические приемы коммуницирования» [Антонова 2009: 18].

Обращаясь к академикам, О. Патрю употребляет номинацию *compagnie*, который станет традиционным на публичных сеансах с 1672 г. [<http://www.academie-francaise.fr/discours-de-reception-de-olivier-patru>]:

(22) *Je vis, sans doute, avec joie de la naissance et établissement de cette illustre compagnie* <...>– Я живу, без сомнения, с радостью, от того, что появилось такое знаменитое общество.

(23) *C'est ainsi que je prétends justifier votre choix, et faire voir à toute la France que, si d'ailleurs tout me manque, vous ne pouviez pour le moins jeter les yeux sur une personne qui eût plus d'amour pour les lettres ou plus de respect ou de vénération pour cette illustre compagnie.*

– Таким образом, я надеюсь оправдать ваш выбор и показать всей Франции, что если я и не обладаю никакими достоинствами, то все же вы не найдете человека, который более, чем я, любил бы словесность или который испытывал бы большее уважение или благоговение по отношению к этому знаменитому (достойному) обществу.

Отметим, что лексема *compagnie* с XIII века обозначало содружество людей со схожими целями и одинаковым статусом, поэтому использование лексемы в данном контексте не случайно и подчеркивает равное статусное

положение академиков [ДН 2006: 820].

Оратор использует в своей речи номинацию *confrère* (собратья), обращаясь к своим коллегам, что свидетельствует о стремлении к интимизации отношений в академической среде:

(24) *J'apprends pourtant aujourd'hui qu'on peut être **confrère**, sans avoir votre mérite, et certainement cette obligeante condescendance, si elle n'était de votre bonté, elle serait de votre sagesse.* – И вот сегодня я узнаю, что могу стать вашим **собратом**, не имея ваших достоинств, и не сомневаюсь, что источник вашей необыкновенной снисходительности кроется, скорее всего, в вашей доброте, и, безусловно, в вашей мудрости.

Речь кандидата в академики изобилует мелиоративными эпитетами: *digne* (достойный), *illustre* (знаменитый), *sage* (мудрый), что отражает хвалебность речи.

(25) *Si je prétendais vous rendre ici **des remerciements dignes** de la grâce que vous me faites, je ne connaîtrais ni mes forces, ni le prix d'une si **haute faveur** et qui passe de bien loin mes plus **hautes espérances**.* – Если бы я дерзнул произнести здесь **благодарственную речь**, **достойную** той милости, которую вы мне оказываете, я не знал бы, в чем моя сила и обладаю ли я достоинствами для такой высокой благосклонности, которая превышает мои самые **смелые надежды**.

Вместе с тем, оратор использует стратегию самоуничижения, что было характерно для речевой культуры того времени. Как отмечает Л.Г. Викулова, формы уничижительности находят свое выражение в различных прилагательных пейоративной эмоционально-нормативной оценки, усиленных коннектором *très*. Возвеличивание адресата происходит за счет самоуничижения автора послания [Викулова 2001: 63].

В своей речи О. Патрю принижает свои достоинства, чтобы возвысить академиков. Он говорит, что вступает в Академию, чтобы следовать примеру академиков, которых он позиционирует как великие умы (*rare génies*) и великих тружеников (*ces grands ouvriers*):

(26) *Si j'admirais **ces rares génies, ces grands ouvriers** qui travaillent tous les jours à l'exaltation de la France <...>.* – Если бы мне выпало счастье восторгаться присутствием этих **великих умов**, **этих великих тружеников**, неустанно трудящихся на ниве прославления Франции...

Кроме того, оратор утверждает, что он вступает в Академию, чтобы учиться на достойных примерах:

(27) *Que je sens de confusion à paraître aux yeux de tant de grands personnages et de n'apporter ici à bien dire que de louables désirs et des inclinations raisonnables ! Aussi Messieurs, mon dessein n'est autre, en ce lieu, que de m'instruire, que de profiter de vos exemples et de vos enseignements.* – Необыкновенное смущение овладевает мной, ибо я являюсь пред очами великих людей, а сам не богат ничем, кроме похвальных желаний и благоразумных склонностей! И потому, господа, мое предназначение в этом месте – учиться, вдохновляться вашими примерами и пользоваться вашими наставлениями.

Одним из ярких примеров устоявшейся традиции является речь французского моралиста Ж. де Лабрюйера (Jean de La Bruyère, 1645-1696; кресло № 36), произнесенная 15 июня 1693 г. на торжественном заседании в здании Лувра. Спустя 51 год после смерти кардинала Ришелье продолжается традиция возносить ему хвалу как основателю. Неслучайно речь носит название *Portrait du cardinal de Richelieu* [<http://www.academie-francaise.fr/discours-de-reception-de-jean-de-la-bruyere-et-preface>]. Эта речь составлена очень искусно, согласно структуре составления портрета делового человека, каким, несомненно, являлся покровитель Французской Академии. Традиционно в таких портретах описание деятельности восхваляемого представлено в двух тематических планах: профессиональном и личностном, а для создания эффектного и торжественного изображения личности используется широкий набор образных языковых средств.

Начиная свою речь, Лабрюйер использует прием самоуничижения, показывая тем самым величие и высокий статус тех, к кому обращается и о ком говорит:

(28) *Il seroit difficile d'avoir l'honneur de se trouver au milieu de vous, d'avoir devant les yeux l'Académie Française, d'avoir lu l'histoire de son établissement <...>.* – Трудно было представить, что я буду иметь честь стоять перед вами, быть среди вас, лицезреть Французскую Академию, после того, как я прочитал историю ее создания <...>.

Возвышая фигуру кардинала де Ришелье, автор речи перечисляет его достижения в политической жизни Франции, восхваляя в изысканных

выражениях его ум (*esprit*), душу (*âme*) и красноречие, силу слова (*l'éloquence; la puissance de la parole*), богатство ума (*génie*), моральные качества: уважать (*respecter*), щадить (*ménager*) :

(29) *Ouvrez son testament politique, digérez cet ouvrage, c'est la peinture de son **esprit**, son **âme** toute entière s'y développe, l'on y découvre le secret de sa conduite et de ses actions <...>.-* Откройте его политическое завещание, вчитайтесь в это произведение, – это картина его **разума**, и в ней вы разглядите всю его **душу**, там вы раскроете секрет его поведения и его деяний.

(30) *Génie fort et supérieur, il a su tout le fond et tout le mystère du Gouvernement, il a connu le beau et le sublime du ministère ; il a respecté l'étranger, ménagé les Couronnes, connu le poids de leur alliance. Il a opposé des alliés à des ennemis, il a veillé aux intérêts du dehors, à ceux du dedans, il n'a oublié que les siens. Une vie laborieuse et languissante, souvent exposée, a été le prix d'une si haute vertu. –* **Сильный и всех превосходящий ум, он постиг всю глубину и все тайны управления страной**, все сложности работы Правительства, он был образцом красивого и возвышенного служения; **он уважал иностранцев, служил королям, знал всю тяжесть союза с ними**. Он различал союзников и врагов, он **соблюдал интересы внешние и внутренние**, забывая только себя. **Жизнь тяжелая и изматывающая**, часто полная опасностей, – все это было ценой, которую заплатила его высокая добродетель.

Создавая портрет кардинала Ришелье как основателя Французской Академии, оратор подробно и образно описывает литературные таланты герцога, которые позволили ему осознать культурную необходимость создания Академии:

(31) *le cardinal de Richelieu a su, qu'il a lu: je ne dis pas qu'il n'a point eu d'éloignement pour les gens de lettres, mais qu'il les a aimés, caressés, favorisés, qu'il leur a ménagé des privilèges, qu'il leur destinoit des pensions, qu'il les a réunis en une Compagnie célèbre, qu'il en a fait l'Académie Française. –* Кардинал Ришелье разбирался в том, что он читал: я не утверждаю, что он приблизил к себе литераторов, но он любил их, хвалил их, покровительствовал им, предоставил им привилегии, назначил пенсии, собрал их всех в одном знаменитом обществе и создал на его основе Французскую Академию.

Обращаясь к своим коллегам, членам Французской Академии, оратор не раз взывает к ним, чтобы отметить достоинства кардинала Ришелье. Таким образом, отдается дань уважения рассудительности и уму академиков, а

также принципам и традициям, чтимым научным сообществом:

(32) *Il n'ignoroit pas quels sont les fruits de l'Histoire et de la Poësie : quelle est la nécessité de la Grammaire, la base et le fondement des autres Sciences, et que pour conduire ces choses à un degré de perfection qui les rendit avantageuses à la république, il falloit dresser le plan d'une Compagnie où la **vertu** seule fût admise, le mérite placé, **l'esprit** et le **savoir** rassemblés par des suffrages. N'allons pas plus loin : **voilà vos principes**, Messieurs, et **votre règle**, dont je ne suis qu'une exception.* – Ему были ведомы плоды Истории и Поэзии, понятна роль Грамматики – базы и основы других Наук. Он хотел довести их до совершенства в такой степени, чтобы они стали полезными стране, для чего необходимо было создать план укрепления научного содружества, куда лишь **добродетель** имела бы вход, достоинство приглашено, **разум и знание** объединены под одной крышей с помощью голосования. Не надобно идти далее: вот **ваши принципы**, господа, и **ваши правила**, из которых лишь я являюсь исключением.

Этот хвалебный портрет, где много изысканных оборотов, метафор, эпитетов, призван показать исключительно важную роль Ришелье в становлении Французской Академии.

Обратим внимание на торжественные вступительные речи кандидатов в академики в XVIII веке. Проанализируем вступительную речь французского писателя и философа Ш.-Л. де Секонда, барона Ля Брэд и де Монтескье (Charles-Louis de Seconda, Baron de La Brède et de Montesquieu, 1689-1755; кресло № 2), произнесенную 24 января 1728 г. на торжественном заседании Французской Академии в одном из залов Лувра [<http://www.academie-francaise.fr/discours-de-reception-du-baron-de-montesquieu>].

Речь начинается традиционным обращением к академическому сообществу с употреблением вокатива *Messieurs*:

(33) *Messieurs,*

En m'accordant la place de M. de Sacy, vous avez moins appris au public ce que je suis, que ce que je dois être - **Господа!** Предоставляя мне место господина де Саси, вы, скорее открыли обществу то, чем я должен стать, чем то, что я есть.

Употребление стратегии самоуничижения, возвеличивание академического сообщества было характерно и для торжественных речей

XVIII века:

(34) *Vous n'avez pas voulu me comparer à lui, mais me **le donner pour modèle**.* – Вы не хотели сравнивать меня с ним, но указали мне его в качестве примера.

(35) *Vous m'avez, Messieurs, **associé à vos travaux**, vous m'avez **élevé jusqu'à vous**, et je vous rends grace de ce qu'il m'est permis de vous connoître mieux, et de **vous admirer de plus près**.* – Господа, вы приобщили меня к своим трудам, вы возвели меня до вашего ранга, и я благодарю вас за то, что мне позволено узнать вас лучше и восхищаться вами вблизи.

Как правило, в таких речах обязательной чертой являлась восхваление предыдущего академика, чье место занял новый кандидат в академики. Монтескье занял место французского литератора и французского адвоката Луи-Сильвестра де Саси (Louis-Silvestre de Sacy, 1758-1838). Обязательным по этикету было восхваление предыдущего академика находит свое отражение и в данной торжественной речи:

(36) *Fait pour la société, il y étoit **aimable**, il y étoit **utile**, il **mettoit la douceur dans les manières**, et **la sévérité dans les mœurs**.* – Созданный для общества, он был там всегда приятен, он был там всегда полезен, его отличали мягкость в обращении и строгость нравов.

(37) *Il joignoit à **un beau génie une ame plus belle** encore; les qualités de l'esprit n'étoient chez lui que dans le second ordre, elles ornoient **le mérite**, mais ne le faisoient pas.* – Он соединял в себе великий ум и еще более великую душу; высота разума была для него на втором месте, не представляя собой главное достоинство, зато являя его главное украшение.

(38) *Il écrivoit pour instruire, et en instruisant il **se faisoit toujours aimer**; tout respire dans ses ouvrages **la candeur et la probité**; le bon naturel s'y fait sentir, **le grand homme** ne s'y montre jamais qu'avec **l'honnête homme**.* – Он писал, чтобы наставлять, а наставляя, каждый раз добивался всеобщего почитания; в его сочинениях все дышит чистосердечием и честностью; в них чувствуется его возвышенная душа; великий человек в них всегда соседствует с порядочным человеком.

Обратим внимание на тот факт, что при описании Л.-С. де Саси, Монтескье употребляет выражение *l'honnête homme* и это неслучайно. С.В. Михайлова отмечает, что «ключевым для XVII–XVIII вв. стало понятие *порядочность (honnêteté)*», выражавшее идеал цивилизованного общества. Воплощением порядочности представлялся образованный и воспитанный аристократического происхождения – *порядочный* или *благородный человек*

(*l'honnête homme*), поведение которого было строго регламентировано и представляло собой упорядоченный свод правил» [Михайлова 2012: 64].

Российский специалист по зарубежной литературе Н.Т. Пахсарьян [2016: 93] подчеркивает, что исследование социокультурного понятия «благовоспитанный человек», являвшееся ключевым понятием для культурной истории французского общества XVII столетия, ведется давно и постоянно. Отмечается, что понятие «благовоспитанный человек», далеко не сразу обрело более или менее четкую семантику. Это произошло к 1630 г., когда Н. Фаре (Nicolas Faret, 1600–1646, кресло № 9) выпустил известный трактат «*L'honnête homme ou l'art de plaire à la cour*». По Н. Фаре, «благовоспитанный человек – это человек меры, в нем нет ничего, выходящего за рамки этой меры: так, автор трактата полагал, что лучше знать понемногу обо всем, чем углубленно заниматься только одним делом, интересоваться книгами по одному предмету. В противном случае «благовоспитанный человек» не сможет в большинстве случаев поддержать светский разговор» [Пахсарьян 2016: 93-95].

Отечественный литературовед и культуролог В.А. Луков [2006: <http>] подчеркивает, что «большое внимание этой проблеме было уделено именно во Франции». Одним из первых эту тему разработал литератор и философ П. Барден (Pierre Bardin, 1595-1635, кресло № 29) в двухтомном труде «Лицей» (1622–1634), в котором понятие благовоспитанности было связано с религиозными и этническими качествами личности [Пахсарьян 2016: 95]. Именно этот труд привлек пристальное внимание общественности, что позволило ему стать одним из первых академиков.

Характеристику 'порядочного человека' (*honnête homme*), довольно лаконичную, как отмечает В.А. Луков, дал в своих «Письмах» (*Correspondance*) Р. де Рабютен, граф де Бюсси: «*L'honneste homme est un homme poli et qui sait vivre*» – «Порядочный человек – это человек вежливый и умеющий жить» [Ibid]. Таким образом, образ *honnête homme* в известной мере определяет стиль жизни в XVII веке.

Кроме того, в речи оратор подчеркивает и восхваляет достоинства академического сообщества:

(39) *Vous aimez, Messieurs, **les hommes vertueux** <...>. – Господа, вы чтите достойных людей <...>.*

(40) *Bien des orateurs et des poètes les ont célébrés, mais il n'y a que **vous** qui **ayez été établis** pour leur rendre, pour ainsi dire, **un culte réglé**. – Немало ораторов и поэтов воздали им [покровителям] почести, но лишь вы смогли создать их подлинный культ.*

(41) *Vos **chants** sont **continuels**, et ils nous paraissent toujours **nouveaux**. – Ваши речи основательны и всегда кажутся нам новыми.*

В заключение оратор выражает, согласно традиции, благопожелания королю Людовику XV, подчеркивая, что несмотря на молодость он несет ношу ответственности за всех, за нацию, поэтому все народы его любят, а подданные обожают:

(42) *Je vous rends graces de ce que vous m'avez donné un droit particulier d'écrire la vie et les actions de notre jeune monarque ; **puisse-t-il aimer à entendre les éloges que l'on donne aux Princes pacifiques ; que le pouvoir immense que Dieu a mis entre ses mains soit le gage du bonheur de tous ; que toute la terre repose sur son trône ; qu'il soit le Roi d'une nation et le protecteur de toutes les autres ; que tous les peuples l'aiment, que ses sujets l'adorent, et qu'il n'y ait pas un seul homme dans l'univers qui s'afflige de son bonheur et craigne ses prospérités** <...>.*

Обратим внимание еще на одну вступительную торжественную речь, отличающуюся от других подобных речей. Это вступительная торжественная речь прославленного естествоиспытателя и французского писателя Ж.-Л. Леклерка, графа де Бюффона (Georges-Louis Leclerc, comte de Buffon, 1707-1788, натуралист и французский писатель, кресло № 1), произнесенная 25 августа 1753 г. [<http://www.academie-francaise.fr/discours-de-reception-du-comte-de-buffon>]. Граф де Бюффон занял кресло № 1 после смерти архиепископа Санского.

По традиции, заложенной О. Патрю, эстетический канон вступительной речи должен состоять из определенных правил: обращение к академическому сообществу, употребив вокатив *compagnie*; подчеркивание особой чести, которую оказали академики, выбрав его. Затем следовало

оценить достоинства покровителя Академии – короля, ее основателя Ришелье и, наконец, своего предшественника – усопшего академика.

Впервые мы наблюдаем нарушение канона вступительной речи у Бюффона [Мильчина 1995: <http>]. Как естествоиспытатель, Бюффон подчеркивает важные для него как для ученого определенные слова: опыт (*l'expérience*), красноречие (*éloquence*), стиль (*le style*).

Оратор традиционно подчеркивает и благодарит за особую честь стать членом Французской Академии:

(43) *Vous m'avez comblé d'honneur en m'appelant à vous.* – Вы мне оказываете большую честь, принимая меня в ваши ряды.

Большую часть своей речи, Бюффон посвятил стилю (*le style*), красноречию (*éloquence*), разуму (*l'esprit*):

(44) *Le style n'est que l'ordre et le mouvement qu'on met dans ses pensées.* – Стиль – это порядок и движение мыслей.

(45) *L'esprit humain ne peut rien créer, il ne produira qu'après avoir été fécondé par l'expérience et la méditation.* – Разум человеческий неспособен ничего создать сам, он начинает творить, лишь оплодотворенный опытом и размышлениями.

(46) *Or, un beau style n'est tel, en effet, que par le nombre infini des vérités qu'il présente.* – Прекрасный стиль становится таковым лишь благодаря бесконечному числу воплощаемых им истин.

Бюффон традиционно использует стратегию похвалы в отношении академического сообщества, которая выражается в употреблении различных эпитетов мелиоративной семантики:

(47) *Mais pour le petit nombre de ceux dont la tête est ferme, le goût délicat et le sens exquis, et qui, comme vous, Messieurs, comptent pour peu le ton, les gestes et le vain son des mots.*

Речь завершается упоминанием о предшественнике графа дю Бюффона, архиепископе Санском. Это соответствует канону, согласно которому каждая речь принимаемого в академики должна была содержать похвалу Людовику XIV, похвалу кардиналу Ришелье, первому канцлеру Сегье, похвалу предшествующему академику и всей Академии (*Le Plan du compliment de Patru fut le modèle qui «adopté par l'Académie est resté*

invariable. Chaque discours a toujours été composé de l'éloge de Louis XIV, de ceux du cardinal Richelieu, du chancelier Séguier, de l'académicien remplacé et de l'Académie») [Choix de Discours de réception à l'Académie Française 1808 : XXIII].

Со временем речи, произносимые на публичных сеансах, наскучили публике, а лексема *harangue* приобрела негативную окраску и стала обозначать *скучную длинную речь*. На торжественных церемониях во Французской Академии произносились довольно высокопарные и пафосные речи, зачастую призванные только отдать дань традициям и показать красноречие оратора (**Приложение 2**). Такие речи стали публиковать в специальных сборниках *Recueil des harangues prononcées par Messieurs de l'Académie française, dans leurs receptions, & en d'autres occasions différentes, depuis l'establissement de l'Académie jusqu'à présent* [Викулова 2015с: <http>].

В заключение можно отметить, что *вступительная речь* академиков стала формой «социально-культурного взаимодействия» и «коммуникативным продуктом» своего времени [Антонова 2009: 4]. Речи академиков и по сегодняшний день сохраняют традиционные дух, тональность, тематику первых речей, несмотря на то, что все реже можно встретить обращения *Compagnie* или *génie*. Вместе с тем, академик всегда обращается к своим коллегам *mes confrères (собратья)*, не отделяя себя ни от истории Французской Академии, ни от своих предшественников, ни от аудитории.

Перейдем к характеристике других видов торжественных речей, которые использовались в XVII–XVIII вв. в академической практике.

2.3. Ответное слово как жанр академического дискурса

Обратимся к жанру *réponse (ответное слово)*, который тоже сформировался на начальном этапе становления речевой практики Французской Академии. Этот жанр определяется как один из видов публичной речи, в котором могут быть такие смысловые части, как этикетное

вступление, обращенное к присутствующим, слова благодарности, «самохарактеристика», характеристика коллектива в общественной значимости своей профессии и т.д. [Тумина 2005: 910-911]. Ответное слово могло быть произнесено по случаю награждения, присвоения почетного звания, ответное слово юбиляра и т.д.

Следует отметить, что *ответное слово* – специфический жанр, имеющий интертекстуальный характер. Т.И. Литвиненко определяет интертекстуальность как соотнесенность текста с его типом или другим текстом (текстами), устанавливаемая на основе критериев, очевидных для участников коммуникации [Литвиненко 2008: 32]. Интертекстуальность проявляется в ответных речах французских академиков, которые они произносят, например, в ответ на вступительную речь кандидата в академики. Необходимо указать на то, что жанр ответных речей – двухвекторный: для речи характерны как ретроспекция (отсылка к предыдущему тексту), так и проспекция (отсылка к планам на будущее).

Отечественный лингвист И.Р. Гальперин выделяет *ретроспекцию* и *проспекцию* как текстовые категории. *Ретроспекция* определяется как «прагматическая категория текста, объединяющая формы языкового выражения, относящие читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации» [Гальперин 2016: 106]. Жанр *réponse* (*ответное слово*) носит ретроспективный характер.

Во французской академической речевой практике лексема *réponse* определяется как «ответ на вопрос или на просьбу» (*le fait de répondre à une question, à une demande*) [Dictionnaire du français 2003: 883]. Статистическая обработка материала показала, что общее количество *ответных речей*, произнесенных академиками за период 1640-1690 гг. и 1740-1790 гг. составило 101 текст. В проанализированных торжественных речах отмечаем, что ответное слово произносилось в двух ситуациях: ответное слово на торжественную речь по поводу вступления во Французскую Академию и ответное слово на благодарность.

Первым среди французских академиков ответное слово произнес аббат П.К. де Ла Шамбр (Pierre Cureau de la Chambre, 1631-1693, священнослужитель, кресло № 36) 24 марта 1670 г. Это был ответ на торжественную вступительную речь французского поэта Филиппа Кино (Philippe Quinault, 1635-1688, кресло № 29). Для того, чтобы проанализировать *ответное слово*, произнесенное французским аббатом П.К. де Ла Шамбром, соотнесем данную речь со вступительной торжественной речью французского поэта Ф. Кино [<http://www.academie-francaise.fr/reponse-au-discours-de-reception-de-philippe-quinault>], так как именно в данных речах проявляется интертекстуальность.

Речь поэта начинается обращением к академическому сообществу с употребления вокатива MESSIEURS. В свою очередь, речь аббата начинается с употребления классического вокатива MONSIEUR, используемого при обращении к конкретному лицу. В начале речи Филипп Кино употребляет *стратегию похвалы*, хвалит академическое сообщество, используя мелиоративный эпитет *célèbre* (знаменитый):

(48) MESSIEURS, *Vous ne devez pas être surpris de l'étonnement qui me saisit en entrant dans une Compagnie si célèbre <...> .*

В этом же предложении поэт в своей речи использует также *стратегию самоуничижения*, которая была характерна для речевой практики XVII-XVIII веков:

(49) <...> *il est difficile que j'occupe sans quelque trouble la place que vous me faites l'honneur de me donner ; et je crains bien que vous ne remarquiez encore plus de désordre dans mes paroles qu'il ne vous en paraît sur mon visage.*

В ответ на эти слова академическое сообщество в лице аббата Ла Шамбра [<http://www.academie-francaise.fr/reponse-au-discours-de-reception-de-philippe-quinault>] оказывает моральную поддержку новому члену их сообщества, выражая радость того, что Ф. Кино будет среди них:

(50) «*Vous lisez assez dans les yeux de tout le monde la joie que nous avons de vous pouvoir compter parmi les nôtres, sans qu'il soit besoin que je m'étende bien au long sur ce sujet.*»

Аббат в своей речи также использует стратегию похвалы. Оратор

отмечает репутацию Ф. Кино как писателя, подчеркивает значимость его работ:

(51) *La réputation que vous vous êtes si légitimement **acquise par vos Ouvrages**, qui, pour tout dire, ont mérité **l'estime et les libéralités** du plus grand et du plus sage des Rois <...>.*

Такая похвала творчеству Филиппа Кино – французскому поэту, драматургу, члена Французской Академии с 1670 г. закономерна, поскольку к данному времени он был автором большого количества комедий и трагикомедий.

Отметим, что аббат в своем ответном слове хвалит речь Филиппа Кино, употребляя эпитет мелиоративной семантики *éloquent* (красноречивый):

(52) *jointe à **l'éloquent Discours** que vous venez de prononcer <...>.*

Аббат подчеркивает, что Французская Академия сделала правильный выбор, пригласив Ф. Кино вступить в их академическое сообщество, что подтверждается следующим примером:

(53) *nous **confirment** tous dans l'opinion avantageuse que l'**Académie** avait conçue de votre **Personne**, et que nous ne pouvions pas faire une élection plus judicieuse.*

Далее в своей вступительной речи Ф. Кино по традиции восхваляет Французскую Академию, короля, основателя Академии – кардинала Ришелье, покровителя Французской Академии – Пьера Сегье:

(54) *Ne doutez pas, MESSIEURS, que je ne sois instruit parfaitement de l'excellence de votre **illustre Académie**.*

(55) *Elle fut formée sous **les auspices de Louis le Juste**, dont le **Règne** commença de rendre notre siècle **si fécond en merveilles**.*

(56) *Elle fut l'ouvrage de **l'admirable Cardinal de Richelieu**, qui la voulut établir comme la dépositaire de l'Immortalité qu'il avait si bien méritée.*

(57) *Elle est aujourd'hui sous **la protection du grand Séguier**, qui prend soin de l'appuyer de la même main, dont il soutient si hautement la majesté des Lois.*

В ответной речи Пьер Ла Шамбр отмечает, что драматург соблюдает устав Академии и обычай, установленный во вступительной речи:

(58) *Il ne me resterait donc plus qu'à vous exhorter suivant la coutume établie en pareille rencontre, d'observer fidèlement les statuts de cette Compagnie <...>.*

В конце речи Пьер Кюро де Ла Шамбр выражает благопожелания будущих успехов новому члену Французской Академии:

(59) *C'est ce que l'Académie française espère, MONSIEUR, que nous éprouverons particulièrement en votre Personne ; et que bien loin de ralentir tant soit peu l'ardeur que vous avez témoignée de paraître ici, votre zèle se ranimant tous les jours de plus en plus, nous produira de temps en temps de nouvelles clartés et de nouvelles lumières.*

Во всех приведенных примерах наблюдаем оценочность и оценочные характеристики тех, кто вложил свои силы в создание научного академического сообщества. Налицо «вектор достижения – consensus omnium (И. Кант)» в координатах определенного хронотопа [Лингвистика и аксиология 2011: 5]. Вместе с тем в речи обозначены знаковые ориентиры говорящего в его соотношении с предшествующими событиями, в его стремлении как можно глубже постигать природу социального бытия человека и общества.

Приведем в качестве примера речь, произнесенную Ж. Дужа (Jean Doujat, 1609-1688, кресло № 38) известным адвокатом, в ответ на торжественную речь при вступлении во Французскую Академию адвоката и французского литератора Ж. Барбье д'Окура (Jean Barbier d'Aucour, 1641-1694, кресло № 33) 29 ноября 1683 г. [<http://www.academie-francaise.fr/reponse-au-discours-de-reception-de-jean-barbier-daucour>].

Речь начинается с обращения к академику Жану Барбье д'Окуру, с использованием традиционного вокатива **MONSIEUR**:

(60) **MONSIEUR**,

*L'ACADEMIE Françoisise aura toûjours des sentimens de veneration & de reconnoiffance pour la memoire du grand Ministre dont la perte ne luy est pas moins sensible qu'à vous.*²

Ж.Б. д'Окур в своей вступительной торжественной речи также восхваляет кардинала Ришелье. Хотя прошел уже 41 год со дня смерти основателя Французской Академии, данная традиция остается еще актуальной. В ответной речи Ж. Дужа указывает на то, что утрата основателя Академии (*la perte* – смерть кардинала) является несчастьем для всех членов

² Зд. и далее сохранена орфография оригинала текста XVII века.

Французской Академии, объединившим сообщество:

(61) *Comme c'est **un malheur** qui nous **est commun**, il me feroit difficile de trouver des termes propres pour vous donner la consolation, dont nous avons nous-mêmes besoin.*

Такой ретроспективный взгляд отражает отношение академического сообщества к кардиналу Ришелье как харизматическому лидеру, чья лидирующая роль признается Академией как врожденная, богомданная, даже после его ухода из жизни.

Ж.Б. д'Окур вступил во Французскую Академию на место французского историка Ф.Э. де Мезере (François Eudes, sieur de Mézeray, 1610-1683, кресло № 33). В ответной речи отметим похвалу предшественнику, который уделял много внимания языкам (*une étude particulière des langues*):

(62) *La Compagnie se tenoit honorée de sa profonde érudition & de la beauté de son esprit ; tout le monde sçait ce que luy doit nôtre hïstoire, & nous sommes tefmoins de la grande part qu'il a eue à nos travaux ordinaires par une continuelle application & par une étude particuliere des Langues qui peuvent fervir à rendre la nôtre plus parfaite.*

В речи оратор использует стратегию похвалы также и в адрес Ж. Барбье д' Окура:

(63) *Elle a confideré **vos talents**, qui malgré le soin que vous avez pris de les cacher ne peuvent être inconnus qu'à ceux qui n'ont aucune connoissance du monde. Comme elle a beaucoup de **satisfaction** de vous voir entrer dans ses **exercices**, elle espere que par **vôtre assiduité** vous **respondrez à son attente** & que vous contribuerez beaucoup par les lumieres de **vôtre esprit à la perfection** des Ouvrages qu'elle a voulu entreprendre.*

В речи подчеркнуты такие черты характера адресата, как его таланты (*vos talents*), известные в обществе; его трудолюбие (*vôtre assiduité*), его стремление к совершенству при написании трудов (*vôtre esprit à la perfection des Ouvrages*). Такой подход оратора закономерен. Думается, что он исходит из того, что «два вектора жизненного мира, ретроспективность и проспективность, крепятся на одном остоле – оценочная деятельность человека». Из речи оратора можно сделать вывод, что именно оценочность определяет жизненный спектр человека, наполненного верой в его силы креативности

[Лингвистика и аксиология 2011: 9].

Рассмотрим еще одну речь, которая также является образцом данного жанра. Ответное слово произнес Ж.-Л. Леклерк, граф де Бюффон 19 января 1761 г. в ответ на вступительную торжественную речь писателя К.-А. Ватле (Claude-Henri Watelet, 1718-1786, кресло № 7) [<http://www.academie-francaise.fr/reponse-au-discours-de-reception-de-claude-henri-watelet>].

В начале речи оратор упоминает личные и профессиональные качества академика, место которого занял оратор, – писателя и переводчика Ж.-Б. де Мирабо (Jean-Baptiste de Mirabaud, 1675-1760, кресло № 7):

(64) *M. de Mirabaud auquel **vous succédez**, Monsieur, n'avoit ici que des amis, quelque digne qu'il fût d'y avoir des rivaux.*

(65) *<...> il étoit plus qu' **un membre de notre corps**, il en étoit **le principal organe** ; occupé tout entier **du service & de la gloire de l'Académie**, il lui avoit consacré & les jours & ses veilles ; il étoit, **dans votre cercle** <...>.*

(66) *Ses ouvrages portent l'empreinte de son caractère ; plus un homme est honnête, & plus ses écrits lui ressemblent.*

Автор речи называет Мирабо собратом (*confrère*) и другом (*ami*) членов Французской Академии, который более 20 лет трудился в Академии:

(67) *M. de Mirabaud, **votre confrère & votre ami**, Messieurs, a tenu pendant près de vingt ans la plume sous vos yeux <...>.*

В конце речи подчеркивается потеря, с которой столкнулось данное сообщество:

(68) *Toute grande qu'est notre perte, vous pouvez donc, Monsieur, plus que la réparer.*

Таким образом, отмечаем, что жанр *ответное слово* является одним из самых употребляемых во французской речевой практике XVII-XVIII вв. Ответное слово является одной из форм коммуникативного взаимодействия в рамках научного сообщества, для которого характерна диалогичность, полифония и эмпатия. В ответном слове присутствует понимание социальной предназначенности и ответственности каждого из академиков, как тех, кто ушел из жизни, так и тех, кто вступает в академическое сообщество. Именно в таком жанре проявляется речевое поведение, основанное на максимах

такта, скромности и симпатии. В таких речах отмечаются процессы личностной сопричастности и сохранения культурной памяти, устойчивость информационного поля национальной культуры.

2.4. Комплимент и поздравительная речь как эпидейктические жанры академического дискурса XVII–XVIII вв.

Обратимся к рассмотрению таких эпидейктических жанров речи, как *комплимент* и *поздравительная речь*, которые можно отнести к этикетным речевым жанрам. Э.Г. Азимов и А.Н. Щукин [2009: 358] определяют *этикетные речевые жанры* как тип речевых жанров (приветствие, благодарность, извинение, поздравление, комплимент и др.), коммуникативная цель которых – осуществить определенное социальное действие, предусмотренное этикетом данного языкового коллектива.

Отметим, что речевые жанры *комплимент* и *поздравительная речь*, вписываются в этикетный дискурс, в котором коммуникативное поведение или коммуникативный этикет связан с устойчивыми, клишированными формулами общения в стандартных этикетных ситуациях и регламентирующего основные способы вербального и невербального взаимодействия коммуникантов. В связи с этим коммуникативный этикет представляет собой нормативную рамку коммуникативного поведения, определяющую нормы и правила взаимодействия коммуникантов [Газизов 2014: 313]. Этикетный дискурс в рамках Французской Академии представлен в комплиментарных и поздравительных речах на этапе становления этого института.

«Под комплиментом, – пишет Т.В. Ларина, – мы понимаем любые оценочные и одобрительные реплики, направленные на адресата и содержащие элементы преувеличения» [Ларина 2009: 360]. В первом функциональном контексте *комплимент* представляет собой оценочное суждение о собеседнике, но с преувеличением его качеств, действий, поступков и т.п. Подчеркнем мнение О.С. Иссерс, которая отмечает, что

«основная функция искреннего комплимента – установление контакта и поддержание добрых отношений. Стратегическая задача говорящего – вызвать симпатию, расположить к себе собеседника» [Иссерс 2015: 178]. Подчеркивается ритуализованность этого дискурсивного жанра: «Комплимент принадлежит к тактикам, относящимся к области ритуальных речевых действий. Ритуал обычно строится на основе определенных речевых стереотипов, клише, которые воспроизводятся в типовых коммуникативных ситуациях» [Там же: 188].

Большинство исследователей, как отмечает Н.В. Барышников [2014: 251], единодушны в том, что комплимент – это одна из стратегий позитивной вежливости. Похвала, высказанная собеседнику, преследует одну цель – сделать ему приятное. Но вместе с тем, комплимент как речевой акт оценочного характера в межкультурной коммуникации бифункционален. С одной стороны, комплимент – это традиционное средство проявления вежливости к собеседнику, а с другой – комплимент является скрытым коммуникативным орудием достижения потаенных целей [Там же].

Согласимся с утверждением Н.В. Барышникова, который отмечает, что аксиологическое значение стратегии *комплимент* в различных культурах различно [Там же: 252]. Во французском коммуникативном поведении комплименты занимают значительное место, они в любой момент готовы слететь с уст обращающегося француза и с благодарностью будут восприняты собеседником [Там же]. Стратегия комплимента во французской культуре в значительной мере ритуализована. В свою очередь, для представителей русской этнической общности *комплимент* – это отчасти средство, обеспечивающее достижение личной выгоды [Зыкова 2016: 266-267].

Приведем еще одну характеристику данного жанра торжественной речи – его актуальность только при контактном общении. Н.И. Формановская [2007: 35] определяет *контактное общение* так: «собеседники рядом, адресант конкретен, высказывания строятся и интерпретируются с опорой на

непосредственно наблюдаемую ситуацию, позволяющую выпускать словесные фрагменты высказываний, с опорой на мимику и жесты, интонационные модуляции партнера, которые могут сказать больше, чем слова».

Обратимся к определению данных понятий во французской и русской лингвокультурах. В русской эпидейктической речи подразделяют *комплимент* и *поздравительную речь*. В частности, Л.Е. Тумина [2005: 917] выделяет *комплимент* как жанр эпидейктического красноречия; лестное замечание, краткая похвала. В то же время Т.В. Аннушкина [2012: 449] рассматривает этот жанр как поздравительную речь, создаваемую в ситуациях праздника или торжества, содержащую похвалу и благопожелания по поводу адресата или предмета данного торжества. Отметим, что теория поздравительной речи активно развивается и другими современными специалистами по риторике.

Во французской риторической традиции *compliment* – гибридный жанр, который в зависимости от коммуникативной ситуации может рассматриваться как *комплимент* или как *поздравительная речь*. Во французских словарях указывается на многозначность данной лексемы.

Поздравительная речь по своему содержанию определяется обстановкой, в которой произносится речь; в нашем случае официальной обстановкой в рамках Французской Академии. Как правило, это – устная, прозаическая речь – выступление. Общее количество комплиментов, по нашим наблюдениям, произнесенных за XVII–XVIII вв., составляет 14 речей. Проанализируем некоторые из них.

Рассмотрим комплиментарную речь священнослужителя Ж.-Ф. дю Белле дю Ренеля (Jean-François du Bellay du Resnel, 1692-1761, кресло № 39) [<http://www.academie-francaise.fr/compliment-m-de-machault-controleur-general-des-finances>]. Речь была произнесена 16 декабря 1745 г. и адресована Главному контролеру финансов Франции, Ж.-Б. де Машо (Jean-Baptiste de Machault d'Arnouville, contrôleur général des Finances, 1745–1754). Оратор

произносит эту речь по случаю избрания адресата на официальную должность.

Оратор отмечает, что назначение произведено самим королем:

(69) *En discernement du Roi toujours heureux dans **le choix des personnes** qu' il rend dépositaires de **son autorité**.* – По пронительности Короля, не знающего ошибок в выборе особ, которые становятся хранителями его власти.

Речь начинается с традиционного обращения *Monsieur*. Композиция речи довольна проста и состоит из двух частей. В первой части оратор перечисляет высокие личные качества, которыми обладает Ж.-Б. де Машо:

(70) *la reputation que **des talents** également solides & brillants (**маланты** серьезные и блестящие) vous on tacquise dans le Conseil, & dans une place où vous avez trouvé **l'art de concilier les interest du Souverain** avec ceux des **Peuples** (**искусство завоевывать уважение как Государя, так и Народа**).*

Отметим, что текст поздравления персонифицирован. Автор активно использует стратегию похвалы, что было характерно для поздравительного жанра эпидейктической речи.

Во второй, перспективной части комплимента представлены пожелания будущих жизненных успехов:

(71) *Nous espérons, MONSIEUR, que les objets importants qui vont désormais vous occuper, ne vous feront point perdre de vue une Compagnie (**не забывать наше сообщество**), qui par son attention à conserver dans sa pureté le goût de la Littérature Françoisie (**сохранять свое внимательное отношение к Французской Литературе**), peut se flatter de contribuer à la gloire (**способствовать славе**), & par conséquent à la prospérité de l'État (**процветанию государства**).*

Явно аксиологическим в данном комплименте, адресованном, казалось бы, человеку, далекому от филологии, является пожелание помогать отечественной литературе и Академии. «Потаенной целью» в данной речи (по Н.В. Барышникову), выступает в имплицитной форме ожидаемое социальное действие адресата – финансовая поддержка формирующегося института.

Обратимся еще к одному комплименту, который также может служить образцом комплиментарной академической речи – комплимент,

произнесенный французским писателем Ш. Перро (Charles Perrault, 1628-1703, кресло № 23), 1 мая 1672 г. в адрес хозяйки дома Сегье (*Compliment à Madame la chancelière*) [<http://www.academie-francaise.fr/compliment-madame-la-chanceliere>]. Данную комплиментарную речь писатель произнес в тот год, когда члены Французской Академии наконец покидали частную территорию (дом канцлера Сегье), в котором они собирались с 1643 г. по 1672 г., до того, как королевская власть предоставила им один из залов Лувра.

Автор речи подчеркивает, какое большое значение имел Дом Сегье для членов Французской Академии, используя такие средства, как сравнение, стратегию похвалы. Ш. Перро сравнивает Дом Сегье с родной страной и сожалеет, что сообществу приходится покидать этот гостеприимный дом, но они запомнят навсегда горячо любимые места, где они провели первые годы создания Академии:

(72) *Il luy arrive, MADAME, comme à ceux qui **quittent leur pays natal**, pour **passer** en d'autres **pays plus riches & plus abondans**, & où la fortune leur offre un établissement considerable.*

(73) *Quelque **beaux & délicieux** que ces pays puissent être, ils ne leur ôtent point **le regret de la patrie**, & jamais ils ne forment dans leur esprit une idée aussi agreable que celle des **lieux bien-aimés** où ils ont **passé les premières années de leur vie**.*

(74) *Je diray seulement que pour bien connoître la grandeur de la perte que nous faisons.*

Оратор использует также стратегию самоуничижения, которая была традиционной для того времени:

(75) <...> *vos tres-humbles & très-obéissants Serviteurs*» [<http://www.academie-francaise.fr/compliment-madame-la-chanceliere>]. – <...> ваши очень покорные и очень послушные слуги.

В данной речи необычны два фактора. Во-первых, оратор обращается к даме – частному лицу, не являвшемуся напрямую членом академического сообщества. Но как терциарный участник становления Академии, помогавший своему мужу, будущему канцлеру Академии, она удостоивается искренней похвалы со стороны мужского сообщества. Во-вторых, комплимент произносится на частной территории, в полуофициальной обстановке. Однако при этом сохраняются все каноны жанра, в рамках

которого выражена квинтэссенция ценностного отношения научного сообщества к тем, кто предоставил свой дом в трудный для Академии период становления.

Обратимся к жанру *поздравительной академической речи*. Отличие этого жанра от комплимента в том, что *комплимент* произносят в честь кого-то, а поздравительную речь произносят не только в честь кого-нибудь, но и по особому случаю. Общее количество поздравлений, произнесенных за XVII–XVIII вв., составляет 8 речей.

Приведем в качестве примера поздравительную речь французского дипломата и писателя Л.-Ж. Манчини-Мазарини (Louis-Jules Mancini-Mazarini, 1716-1798, кресло № 4), произнесенную 28 октября 1781 г. по случаю рождения дофина, сына короля. Речь начинается с обращения автора к королю, где используется статусный вокатив *SIRE*. Отметим необычность второго статусного вокатива *MONSEIGNEUR*, адресованного новорожденному наследнику престола [<http://www.academie-francaise.fr/compliment-fait-au-roi-sur-la-naissance-de-monseigneur-le-dauphin-et-compliment-monseigneur-le>]. В данной речи автор также использует стратегию похвалы, стратегию самоуничижения, характерных для официальных речей того времени:

- стратегия похвалы:

(76) *La fenfibilité vraie & touchante d' un grand Roi* (великий король), *l'attendriffement général & fincère d' une grande nation*.

(77) *voilà le rare & beau fpectacle* (редкий и красивый спектакль) *que la naiffance de Monfeigneur Le Dauphin donne à l' Europe*.

(78) *Son nom feul fait affez connoître de quelle joie vive & pure tous les coeurs y font pénétrés* (какая радость живая и чистая войдет во все сердца), *& avec quel enthoufiafme on y célèbre la parfaite félicité d' une Reine à qui fa bienfaifance & fes grâces donnoient déjà tant de droits à notre amour* (наша любовь);

- стратегия самоуничижения:

(79) *je rends grâces au fort qui m'a choifi pour avoir l' honneur de préfenter en cette occafion à Votre Majesté l' hommage refpectueux de l'Académie Françoisfe*. – Я благодарю судьбу, за

то, что меня выбрали, чтобы я имел честь предстать перед Вашим Величеством и высказать дань уважения Французской Академии.

В целом, такая речь отражает ценностное отношение выступающего к иерархически структурированной системе власти, положительная оценка которой является общепризнанной, где аксиологическое измерение проявляется в лексемах, обозначающих величие короля, и преданность подданных. При этом стратегия лести вводит выступающего в семантику близости к адресату. С.И. Поварнин называет этот прием «подмазыванием аргумента» и замечает: «Подмазанные» елеем лести ворота ума удивительно легко раскрываются для принятия доводов» [Поварнин 1996: 121]. Стратегия лести реализуется с помощью комплиментарных тактик, приписывающих адресату (королю и его новорожденному наследнику) положительные качества и поднимающих, возвышающих адресата не только в его собственных глазах, но и общества. При этом комплимент подается со ссылкой на всеобщность такого лестного мнения об адресате (*l'attendrissement général & sincère d'une grande nation*).

Таким образом, академический дискурс XVII–XVIII вв., в период своего становления и легитимации использует ряд эпидейктических жанров, среди которых комплимент и поздравительная речь занимают видное место.

2.5. Панегирик как хвалебный жанр академического дискурса XVII века

Одним из жанров, отражающих определенные качества академической речевой практики, является *панегирик* (*panégyrique*), который почти не используется в современной ораторской практике. *Панегирик* определяется как позитивно-оценочный речевой жанр, похвала, хвалебная речь с коннотацией неумеренности похвал [Шмелева 2003: 441].

Рассматривая жанровое пространство панегирика, итальянский исследователь Р. Николози пишет, что согласно схеме трех аристотелевских родов (*genera*), совпадает с эпидейктическим жанром (ἐπιδεικτικόν γένος –

genus demonstrativum). В отличие от судебного и совещательного видов красноречия, предметом эпидейктического жанра является заведомо конкретные обстоятельства (*res certa*), которые должны подтверждаться оценкой (похвалой или порицанием). Его так называемые речевые действия ограничиваются альтернативой: похвала (*επαῖνος – laus*) или порицание (*ψόγος – vituperatio*). Ученый обращает внимание на то, что в панегирической речи подтверждается единодушное, всеобщее мнение о рассматриваемом «деянии» (*res*). Справедливо отмечается, что панегирик, как правило, утверждает и санкционирует определенный порядок власти, которую следует прославлять и связанный с ней набор ценностей [Николози 2009: [http](http://)].

Лексема *panégyrique* восходит к греческому слову *panêgurikos*, обозначая речь, произносимую перед большим количеством слушателей (*assemblée de tout le peuple*) [Dauzat 1964: 528]. Анализ разных изданий Словаря Французской Академии показал, что еще в XVII веке *панегириком* считали речь или поэму, в которой звучит восхваление кого-либо (*le Discours, ou le Poëme fait à la louange de quelqu'un*). Однако позже в шестом издании словаря (1835 г.) данное определение расширяется прилагательным *publique* (*Discours **public** fait à la louange de quelqu'un*), показывая тем самым, что данный жанр стал использоваться в публичной речевой практике.

В отечественных словарях, например, в «Словаре литературоведческих терминов», находим следующее определение *панегирика* как жанра, который зародился еще в Древней Греции. Это – торжественная хвалебная речь, произносимая по какому-либо важному, общественно значимому поводу и прославляющая то или иное лицо или событие [Белокурова 2007: 112]. Панегирический стиль получил широкое распространение в придворной поэзии Западной Европы, а также в России XVII–XVIII вв. [Федотов 2014: 234]. Панегирик являлся одним из жанров эпидейктической речи, произносимой в торжественной обстановке по поводу какого-либо знаменательного события, речи на случай [Панов 2005: 339].

В ходе исследования было выявлено, что в XVII веке на заседаниях

Академии было произнесено всего 6 панегириков, тогда как в текстах XVIII века не выявлено, чтобы кто-то из академиков произносил данный жанр речи. Встает вопрос, кто были их авторы и почему они использовали этот жанр, редкий даже для того времени. Адресантами данного жанра являются известные литераторы, такие как П. Пелиссон (*Paul Pellisson*), П. Таллеман Младший (*Paul Tallemant le Jeune*) и Ф. Шарпантье (*François Charpentier*).

Таблица 5

Автор	Название речи	Дата	Событие
Поль Пелиссон (Pellisson Paul)	<i>Panegyrique du Louis XIV</i> (Панегирик Людовику XIV)	3 февраля 1671	
Поль Таллеман Младший (Tallemant Paul le Jeune)	<i>Panegyrique du Roi</i> (Панегирик Королю)	25 августа 1673	
Франсуа Шарпантье (François Charpentier)	<i>Panegyrique du Roi sur la Paix</i> (Панегирик Королю по случаю перемирия)	24 июля 1679	Панегирик посвящен перемирию
Поль Таллеман Младший (Tallemant Paul le Jeune)	<i>Panegyrique du Roi sur la Paix</i> (Панегирик Королю по случаю перемирия)	25 августа 1679	Панегирик посвящен перемирию
Поль Таллеман Младший (Tallemant Paul le Jeune)	<i>Panegyrique sur l'heureux Retour de la santé du Roi</i> (Панегирик, посвященный выздоровлению Короля)	27 января 1687	Панегирик посвящен здоровью короля
Поль Таллеман Младший (Tallemant Paul le Jeune)	<i>Panegyrique du Roi prononcé le jour de la distribution des Prix</i> (Панегирик Королю, произнесенный в день распределения премий)	25 августа 1689	Панегирик посвящен распределению премий

Панегирик в речах французских академиков в XVII в.

Как следует из таблицы, впервые панегирик в академической речевой практике произнес писатель П. Пелиссон 3 февраля 1671 г., посвятив его королю Людовику XIV (*Panegyrique du Roi Louis XIV*). Интересным является тот факт, что именно этот панегирик стал образцом данного жанра и переведен на многие языки, а именно итальянский, испанский, английский, латинский и арабский [Официальный сайт Французской Академии: <http://>]. Выясним особенности экстралингвистической ситуации создания и

произнесения таких речей во Французской Академии только в XVII веке.

Встает вопрос, почему именно П. Пелиссону предоставили право написать первый панегирик, который имел важное значение для академического сообщества на начальном этапе его становления и поиска поддержки власти. Для того, чтобы ответить на данный вопрос, нужно обратить внимание на то, каков был его статус как оратора на момент произнесения речи. В 1652 г. П. Пелиссон написал историю Французской Академии к ее двадцатилетнему юбилею (*L'Histoire de l'Académie Française depuis son établissement jusqu'en 1652*). Кроме того, академики предоставили ему в знак уважения исключительное право присутствовать на всех заседаниях, хотя для П. Пелиссона еще не было вакантного кресла. Его наделили всей полнотой академических прав на год, пока не открылась вакансия. И уже 17 ноября 1653 г. Пелиссон был избран членом Академии (кресло № 34).

Следующий панегирик спустя два года произнес 25 августа 1673 г. писатель и священнослужитель П. Таллеман, пожизненный секретарь Академии надписей и изящной словесности (*Académie des inscriptions et belles-lettres*), а также автор многих академических речей, панегириков, похвальных и надгробных речей. Свой панегирик он посвятил королю (*Panegyrique du Roi*) по случаю победы Франции в Тексельском морском сражении, которое произошло 21 августа 1673 г. В ходе 3-й англо-голландской войны 1672-1674 гг. около острова Тексель (Texel) между англо-французским союзным флотом и голландским флотом произошло *Тексельское морское сражение, закончившееся победой англо-французского флота* [Хронос. Франция в XVII веке: <http>]. Думается, что честь произнести панегирик по случаю значимой для страны военной победы была оказана оратору неслучайно, а в силу его большого авторитета в академической среде.

В 1679 г. было произнесено два панегирика, посвященных королю: по случаю подписания мира (*Panegyrique du Roi sur la paix*), произнесенными

Полем Таллеманом (25 августа 1679 г.) и Франсуа Шарпантье (24 июля 1679 г.). Данные панегирики обусловлены тем, что в 1679 г. произошло важное событие в истории Франции: был заключен Новый Северный мир (июнь-ноябрь). В нидерландском городе Нимвегене для завершения Голландской войны (1678-1679) были подписаны 5 февраля 1679 года два мирных договора между Францией и Священной Римской империей, а также второй договор между Швецией и Священной Римской империей, что позволило представить короля Франции как «защитника своих союзников» [Блюш 1998, <http>]. Этим миром было завершено дело, начатое в Нимвегене.

Спустя 8 лет (27 января 1687 г.), П. Таллеман произносит еще один панегирик по случаю выздоровления короля (*Panegyrique sur l'heureux Retour de la santé du Roi*). Через два года, 25 августа 1689 г. П. Таллеман произносит следующий панегирик королю по поводу вручения премий (*Panegyrique du Roi prononcé le jour de la distribution des Prix*).

Следует упомянуть, что в 1671 г. Французская Академия учредила две премии: премию за красноречие (*Prix d'Eloquence*) и премию за поэтическое произведение (*Prix de Poésie*). В 1654 г. Ж.-Л. Гез де Бальзак (Jean-Louis Guez de Balzac, кресло № 28) основал премию за красноречие с денежным пособием стоимостью 200 ливров, чтобы вручать премию раз в два года победителям конкурса среди писателей (*gens de lettres*). Премию вручили в первый раз в 1671 г. с денежным пособием 300 ливров, с учетом накопления процентов со дня, когда премия была основана. Премия состояла не только из денежного пособия, но и из золотой медали, на которой с одной стороны было изображение Святого Людовика и с другой стороны медали – девиз Академии «К бессмертию», окружен лавровым венком. Первым лауреатом данной премии в 1671 г. стала французская писательница, представительница прециозной литературы, Мадлен де Скюдери (Madeleine de Scudéry, 1607-1701) [Gassier 2012: 187]. Речь женщины-писателя и ее победа на конкурсе с речью «О хвале и Славе» (*Discours de la Louange et de la Gloire*) было невиданным делом для Франции того времени.

П. Пелиссон, следуя примеру Ж.-Л. Геза де Бальзака, совместно с академиками В. Конраром и Ж. Б. де Безоном основал премию за лучшее поэтическое произведение. Только на медали, вручаемой победителю, изображение Святого Людовика было заменено на изображение современного правителя государства – Людовика XIV. Данная премия тоже была вручена в первый раз в 1671 г. филологу, поэту и критику Бернару де ла Моннуа (Bernard de la Monnoye, 1641-1728, кресло № 30) [Gassier 2012: 187-188].

Таким образом, можно говорить, что адресанты данного жанра, являются писателями, имеющими престиж и высокий статус в академическом сообществе того времени. Фактически каждый из ораторов является, как отмечает Л.Г. Викулова, «языковой и коммуникативной личностью», владеющей тем или иным языком на высоком уровне и участвующей в процессе академической коммуникации. Литераторы отстаивали свой родной язык в доступной им форме, создавая новые по форме и по содержанию жанры [Викулова 2016: 270-271], к которым можно отнести и *панегирик*.

Отметим, что панегирические речи, произнесенные во Французской Академии в XVII в., посвящались *только* королю Людовику XIV по случаю важных, по мнению ораторов, для страны событий. На весах аксиологической оценки событий уравнивались военные победы и выздоровление короля. Отметим, что данный жанр не был частотным по понятным причинам: адресантом данного жанра был только глава государства (король). В связи с тем, что речи посвящались первому лицу государства, это предполагало высокопарный стиль речей, чтобы поднять до немыслимых масштабов фигуру короля в период усиления королевской власти.

Вслед за Б. Уленбрухом [Uhlenbruch 1979: 65], можно сказать, что формирование такой риторики происходило в сложной коммуникативной ситуации. Похвальная речь строится, как правило, на отношении Я

(говорящий) – ТЫ (адресат). Вокруг двоичности адресанта и эксплицитного адресата собирается более или менее четко очерчиваемый коллектив академического сообщества, играющий роль имплицитного коллективного адресата, перед которым исполняется прославляющий текст и который воспринимает прославляющий текст эстетически. Отправитель текста и король вступают в своеобразный диалог, в рамках которого король, внимающий похвале, остается при этом молчащим слушателем. Ритуал прославления и прославляющий текст исполняются в присутствии научного коллектива: оратор и король играют роли адресанта и адресата, придворные же – роль зрителей в узком смысле и, как участники ритуала, роль статистов.

Обратимся к структуре панегирика как риторического жанра, изначально предназначенного для публичного восприятия. При анализе панегирических речей можно выделить вступление, основную часть и заключение [Машлыкина 2016: 126].

Вступление содержит следующие черты:

- обращение к присутствующим, также отмечается причина произнесения речи;

Проанализируем панегирик, произнесенный французским аббатом и писателем П. Таллеманом (Paul Tallemant le Jeune, 1642-1712, кресло № 5) [<http://www.academie-francaise.fr/panegyrique-du-roi>].

При обращении употребляются вокативы **MONSIEUR** (при обращении к королю), **MESSIEURS** (при обращении к академическому собранию).

(80) *Il n'est pas juste, **MESSIEURS**, qu'en un jour de victoire comme celui-ci (в день победы как этот), l'Académie Française demeure dans le silence «...».* – Это несправедливо, ГОСПОДА, что в день победы, как этот, Французская Академия, пребывает в безмолвии «...»

При этом следует отметить, что в письменном тексте вокативы **MONSIEUR** / **MESSIEURS** выделяются графически – особым шрифтом. Шрифт является важным моментом в письменном тексте, строительным

материалом для оформления текста, а также самостоятельной художественной формой [Анисимова 2003: 61], особенно в академических речах. Как отмечает Е.Е. Анисимова, различные элементы графической организации текста призваны привлекать внимание адресата, тем самым показывая *его значимость*.

- подчеркивается особая честь для оратора произносить такую речь, что обозначено лексемой *l'honneur* [Машлыкина 2016: 126]:

(81) *C'est sur nous que tombe **l'honneur** éclatant d'être à l'abri du trône du plus grand des Rois.* – Для нас велика **честь** быть в убежище под тронем самого великого из королей.

В основной части речи дается характеристика адресата, в данном случае короля Людовика XIV. Важным моментом является обозначение важных вех его жизни и деятельности, перечисление только значимых для него событий. Оратор рассуждает о положительных качествах, делах и поступках с непременным подтверждением оценочных суждений фактами и примерами из его жизни, используя экспрессивные средства для усиления выразительности в тексте речи за счет употребления оценочных эпитетов мелиоративной оценки (*grand, juste, admirable, superbe, magnifique* и др.).

(82) *Tout est **grand**, tout est **auguste** dans le sujet que j'entreprends, puisque je prétends vous entretenir d'un Roi toujours **juste**, et toujours **victorieux**.* – [Людовик], всегда Великий, всегда августейший.

(83) *Réunissons, s'il se peut, tant de divers éloges; Et puisque Louis a également paru **admirable dans la guerre, et dans la paix**, rappelons à ces deux états **toutes les vertus qui brillent dans sa personne; prudent** dans les attaques, **infatigable** dans les veilles, **terrible** dans les combats, **modéré** dans la Victoire, toujours **vaillant** et toujours **vainqueur**: Tel est Louis dans la Guerre.* – Объединим, если это можно, различные похвалы; И поскольку Людовик был прекрасен в войне, и в мире, напомним, эти два состояния, все добродетели, которые сияют на его лице; **осторожен** в нападениях, **неутомим** в бдениях, **жесток** в боях, **умерен** в Победе, всегда храбрый и всегда победитель: таков Людовик в Войне.

Говорящий адресует речь академическому собранию, ведя диалог путем риторических вопросов. Как отмечает К. Хайланд, вопросы – самые очевидные и быстрые сигналы, позволяющие автора вовлечь читателя в дискуссию: «establish rapport and intimacy» [Hyland 2002: 531-532; цит. по:

Хутиз 2015: 136]. Функции вопросов многочисленны: вызвать интерес у читателя, выразить отношение или оценку, передать утверждение, наметить направления дальнейших исследований и т.д. И.П. Хутиз указывает на то, что с помощью вопросов устанавливается межличностная связь в академическом дискурсе. Приведем примеры таких вопросов:

(84) *Comment s'opposer à la rapidité de Louis dans ses conquêtes ? Comment tromper sa vigilance ? Comment résister à sa valeur ?* – Как бороться с быстротой Людовика в своих завоеваниях? Как обмануть его бдительность? Как противостоять его величию?

- Хвалебность и восторженность речи выражается в употреблении эпитетов, отражающих неумеренность похвал:

(85) cette Paix **miraculeuse** [<http://www.academie-francaise.fr/panegyrique-du-roi-sur-la-paix-0>]; - этот **чудесный** мир;

(86) Cette Assemblée **extraordinaire** [<http://www.academie-francaise.fr/panegyrique-du-roi-louis-xiv>]; - Это **необычное** собрание;

(87) une gloire **immortelle** [<http://www.academie-francaise.fr/panegyrique-du-roi>]. – **бессмертная** слава.

При анализе панегириков обращает на себя внимание употребление различных вокативов, которые даются в речи при характеристике Людовика XIV. Выделим следующие выражения, с помощью которых называли короля:

LOUIS LE GRAND – Великий Людовик

(88) *Louis LE GRAND avait longtemps écouté cette politique, privant de ses grâces ceux que l'obstination retenait, et comblant de bienfaits ceux qui curieux de leur salut embrassaient la foi Catholique* [<http://www.academie-francaise.fr/panegyrique-sur-lheureux-retour-de-la-sante-du-roi>].

(89) *Mille nobles inscriptions accompagneront ces magnifiques Monuments, et apprendront à la postérité la plus éloignée, que lors que la Fortune et la Victoire offraient à LOUIS LE GRAND toutes les couronnes de ses ennemis par une bonté et une modération sans exemple, il a donné libéralement la Paix à toute l'Europe* [<http://www.academie-francaise.fr/panegyrique-du-roi-sur-la-paix>].

Votre MAJESTÉ – Ваше Величество:

(90) *Toute la France comblée de gloire et de bonheur par vos grands Exploits et par les heureux soins de votre Gouvernement, applaudit à vos Vertus incomparables, et L'ACADÉMIE FRANÇAISE sent avec toute la reconnaissance possible, l'honneur extrême que Votre*

MAJESTÉ lui fait, en recevant de bon œil, les Festons et les Couronnes de fleurs qu'elle lui présente en ces jours de Triomphe [<http://www.academie-francaise.fr/panegyrique-du-roi-sur-la-paix>].

le plus grand Monarque – Величайший Монарх:

(91) *AUJOURD'HUI que toute la France s'abandonne à la joie, et que l'on n'entend partout que des Cantiques d'Action de grâces pour l'entière guérison du **plus grand Monarque** qui fut jamais* [<http://www.academie-francaise.fr/panegyrique-sur-lheureux-retour-de-la-sante-du-roi>].

notre Auguste Monarque – наш Августейший Монарх:

(92) *ainsi je ne crois pas m'éloigner de la matière que vous avez prescrite à mon Discours si, laissant à part un nombre infini de choses dont la mémoire sera éternelle, je vous retrace seulement en peu de mots les nouveaux biens que la France a reçues de **notre Auguste Monarque** depuis cette heureuse Paix qu'il imposa si glorieusement à ses Ennemis* [<http://www.academie-francaise.fr/panegyrique-sur-lheureux-retour-de-la-sante-du-roi>].

notre Invincible Monarque – Наш Непобедимый Монарх:

(93) *C'est par là que Luxembourg est venu couronner nos Frontières, et c'est par cette fameuse prise que **notre Invincible Monarque** semble avoir borné ses desseins de conquêtes et de guerre ; bien différent de ces Princes qui croient pouvoir entreprendre tout ce que leur puissance et leur courage les met en état d'exécuter* [<http://www.academie-francaise.fr/panegyrique-sur-lheureux-retour-de-la-sante-du-roi>].

(94) *Si **notre invincible Monarque** eût voulu profiter de la force, et du bonheur de ses Armes ; quelle vaste carrière s'offrait à son ambition !* [<http://www.academie-francaise.fr/panegyrique-du-roi-sur-la-paix>].

Речь, как правило, заканчивается пожеланиями всех благ высоко статусному адресату:

(95) *Il semble, MESSIEURS, que le ciel veuille exaucer nos vœux, et que tout se dispose à apaiser la juste colère de Louis* [<http://www.academie-francaise.fr/panegyrique-du-roi>].

(96) *Reprenez donc courage, braves Français, heureux Sujets d'un Roi si aimable et si digne de nos vœux* [<http://www.academie-francaise.fr/panegyrique-sur-lheureux-retour-de-la-sante-du-roi>].

Таким образом, можно сделать вывод, что во французской речевой академической практике, *панегирик* являлся одним из жанров, отражающих институциональность событий, в рамках которого наблюдается характерная особенность – неумеренность похвал и диалогичность. Появление такого жанра обусловлено тем, что наука и литература нуждались в покровительстве

сильных и знатных; отсюда восторженные панегирики первому лицу государства. Адресантами данного жанра выступают французские академики XVII века, имеющие высокий социальный статус и авторитет в академическом сообществе, которые были наделены академическим сообществом правом выступать от его лица. При всей своей риторичности панегирики этого периода имеют серьезное общественное значение и проникнуты стремлением убедить власть относиться с любовью к науке и просвещению.

2.6. Благодарственное слово как жанр академической речевой практики XVII в.

Еще одним жанром, который актуален для академической речевой практики XVII в., является *благодарность* (*remerciement*). По определению Н.И. Формановской [2003: 97], благодарность – наименование этикетной ситуации общения, когда за оказанную услугу выражается признательность. Отмечается, что «благодарность возникает в речи говорящего как реакция на хорошее, полезное для него действие [Казакова 2007: 71]. Французские словари трактуют данную лексему одинаково: «le fait de remercier» [Dictionnaire du français 2003: 873].

Из обозначенных дефиниций следует, что *благодарность* относится к этикетным речевым жанрам, которые Т.В. Шмелева [2003: 786] определяет как «жанр, коммуникативная цель которого осуществить самим фактом их исполнения определенное социальное действие, предусмотренное этикетом данного языкового коллектива, в нашем случае – академическим сообществом. Отметим, что жанр *благодарность* также вписывается в этикетный дискурс, о котором шла речь в параграфе 2.4.

Благодарность – это этикетное речевое или неречевое действие, коммуникативная цель которого – показать, что говорящий ценит добро, сделанное для него собеседником [У Бо 2014: 45].

Отмечается [Бердникова 2005: 9], что аналитический обзор

существующих типологий речевого жанра показал благодарности для классификации как речевого жанра, так как он служит решению нескольких коммуникативных задач одновременно: выражение эмоционального состояния и соблюдение условий социальной конвенции, а также отражения оценочную деятельность личности.

Типология высказываний с семантикой благодарности включает в себя: а) прямую / косвенную благодарность; б) ритуальную / эмоциональную, лично значимую благодарность; в) мотивированную / немотивированную благодарность; г) вербальную / невербальную благодарность; д) благодарность реальному адресату / благодарность высшим силам.

Система интенций выражения благодарности включает в себя следующие составляющие: а) интенция соблюдения этикетных норм, б) интенция выражения эмоционального состояния говорящего; в) интенция создания своего речевого имиджа; г) интенция воздействия на поведение и эмоциональное состояние адресата; д) интенция рациональной оценки ситуации; е) интенция «не быть должным». Следует отметить, что данные интенции в реальной коммуникации пересекаются, накладываются друг на друга, по-разному соотносясь с ведущими интенциями выражение эмоционального состояния субъекта благодарности и соблюдения этикетных норм [Там же: 7].

Анализ языкового материала показал, что в XVII в. было произнесено 3 благодарственных речи, тогда как в XVIII веке не выявлено, чтобы кто-то из академиков произносил данный жанр речи. Проанализировав благодарственные речи этого периода, произнесенные во Французской Академии, отметим, что данный жанр посвящался академическому сообществу и кардиналу Ришелье, основателю Академии.

Представим результаты в виде таблицы:

Таблица 6

Автор	Название речи	Дата
Поль Пеллиссон (Paul PELLISSON)	<i>Remerciement de Paul Pellisson</i> (Благодарственное слово Поля Пеллиссона)	30 декабря 1652
Жан Дужа (Jean DOUJAT)	<i>Remerciement fait à M. le Duc de Richelieu</i> (Благодарственное слово герцогу де Ришелье)	24 июня 1672
Роже де Бюсси-Рабютен (Roger de BUSSY-RABUTIN)	<i>Remerciement</i> (Благодарственное слово)	апрель 1682

Благодарственное слово в речах французских академиков в XVII в.

Впервые благодарственное слово было произнесено П. Пеллиссоном 30 декабря 1652 г. и было посвящено академическому сообществу [<http://www.academie-francaise.fr/remerciement-de-paul-pellisson>]. Право произнести такую речь обусловлено особым авторитетом этого ученого, о чем шла речь выше в параграфе 2.5.

П. Пеллиссон обращается к академическому сообществу, используя вокатив **MESSIEURS**.

Оратор подчеркивает огромную честь быть членом данного сообщества:

(97) *Je sçay combien il est glorieux d'être membre d'un si noble Corps, quelle utilité est jointe à cet honneur; de quel plaisir cette utilité est accompagnée; combien de défauts me défendoient d'aspirer à ces avantages; combien d'obstacles en la chose même vous défendoient de me l'accorder.* – Я знаю, сколь это славно быть членом столь благородного Собрания, какая польза присоединяется к подобной чести; и сколько удовольствия вмещает эта польза; сколько недостатков помешали бы мне надеяться на такое преимущество; сколько препятствий в самом существе дела помешали бы вам даровать мне согласие.

Отметим, что оратор использует стратегию похвалы, выраженную различными эпитетами, например:

(98) *le glorieux nom* – славное имя;

(99) *cette bonté Royale* – эта королевская милость;

(100) *des plus douces satisfactions* – сладкие удовольствия;

Языковые средства выражения благодарности представляют собой поле, в ядре которого находится мета-словарь (термин М.Я. Головинской) благодарности, состоящий из слов-маркеров речевого жанра: спасибо, благодарю, признательность и др. В анализируемой благодарственной речи используются следующие слова-маркеры данного речевого жанра:

(101) *grace* - благодарность

(102) *remercîment* - благодарность

В конце речи Поль Пелиссон выражает благодарность за оказанную ему честь стать академиком:

(103) *C'est ainfi que je devois vous remercier, fi vous aviez accordé cet honneur à mon merite, à mes instantes supplications, à la neceffité de remplir vôtre Compagnie, & d'obéir à vos Reglemens.* – И таким образом я должен был бы вас благодарить, если бы вы сочли возможным оказать мне эту честь и принять во внимание мои заслуги, мои непрестанные мольбы, страстное желание пополнить ряды вашего Собрания и выполнять ваш Устав.

Рассмотрим еще одну благодарственную речь, произнесенную Ж. Дужа (Jean Doujat, 1609-1688, кресло № 38) 24 июня 1672 г. в честь кардинала Ришелье, которая считается образцом данного жанра.

Ж. Дужа начинает свою речь с употребления вокатива *MONSEIGNEUR* (Монсеньор), который является одним из титулов высших католического духовенства [<http://www.academie-francaise.fr/remerciment-fait-m-le-duc-de-richelieu>]. В речи используется *стратегия похвалы*, посвященная кардиналу Ришелье, которая выражается при помощи употребления различных эпитетов:

(104) *Grand Cardinal de Richelieu fon auteur*» - Великий кардинал Ришелье, создатель Французской Академии.

(105) *nôtre tres-illustre Instituteur* – наш *прославленный* учредитель.

(106) *incomparable Cardinal* – *Несравнимый* кардинал.

В благодарственной речи кроме стратегии похвалы, автор речи использует *стратегию самоуничижения*, которая была характерна для торжественных речей XVII–XVIII вв.:

(107) *l'Académie nous a chargé, MONSEIGNEUR de venir vous rendre de très-humbles grâces de cette obligeante marque de votre estime et de vôtre affection, et en même temps vous assurer*

*de ses profonds respects, et du désir conservera éternellement de répondre en quelque façon **aux obligations immortelles** qu'elle a, et qu'elle fera toujours gloire d'avoir au glorieux nom de Richelieu.* – Академия возложила на нас приятное поручение выразить вам, Монсеньёр, **нижайшую благодарность** за столь любезный знак вашего уважения и привязанности к ней, и в то же время заверить вас в ее совершеннейшем почтении, в желании сохранить навек возможность хоть в малой мере отвечать тем бессмертным и славным обязательствам, которые она имеет и которые будет иметь во славу имени Ришелье.

В благодарственной речи Ж. Дужа используются следующие слова-маркеры данного речевого жанра:

(108) *grace* - благодарность

(109) *très-humbles grâces* – низжайшая благодарность

Рассмотрим еще одну благодарственную речь, произнесенную французским писателем Р. де Рабютенем, графом де Бюсси (Roger de Bussy-Rabutin, 1618–1693, кресло № 20) в апреле 1682 г. Речь начинается с традиционного употребления вокатива *MESSIEURS*, как было принято в официальном французском дискурсе. Р. де Рабютен был кавалерийским генерал-лейтенантом. Карьера его была разбита появлением его книги «*Histoire amoureuse des Gaules*». Он был посажен в Бастилию, потом выслан из Парижа. Через 16 лет, в 1683 г. ему дозволено было вернуться, но положение его в свете не могло быть восстановлено [Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: [http](http://www.academie-francaise.fr/remerciement)]. Можно предположить, что данную речь он посвятил королю Людовику XIV, показывая глубокое уважение и восхищение королем [<http://www.academie-francaise.fr/remerciement>].

Оратор использует стратегию похвалы:

(110) *un bel endroit* - красивое место;

(111) *ce grand Roy* - этот Великий король;

(112) *à ces beaux tours* - эти красивые башни;

(113) *à ces nobles expressions* - эти благородные выражения.

В анализируемой благодарственной речи используются следующие слова-маркеры данного речевого жанра:

(114) *grace* - благодарность

(115) *reconnoiffance* – благодарность

Таким образом, можно сделать вывод, что во французской речевой практике, *благодарственное слово* является одним из жанров торжественных речей, произносимых французскими академиками в XVII в. В данных речах ораторы используют различные стратегии, среди которых важную роль играют стратегия похвалы и самоуничижения, что было характерно для периода того времени. Сценарий благодарности был эмотивным, оценочным и ритуальным.

2.7. Мемориальная (траурная) речь как жанр речевой практики

В академической речевой практике использовался еще один вид эпидейктической речи, а именно *мемориальная (траурная) речь* (*éloge / oraison funèbre*). Т.В. Матвеева определяет траурную речь как устный жанр *социально-бытового красноречия*: прощальное слово, речь об умершем в присутствии его родных, друзей, всех пришедших попрощаться с уходящим навсегда [Матвеева 2003: 718]. Ее характеристикой является ситуативность, т.е. речь произносится в соответствующей ситуации. Французский словарь определяет *oraison funèbre* как религиозную речь, произнесенную по случаю похорон известного человека (*discours religieux prononcé à l' occasion des obsèques d' un personnage illustre*) [Le Robert quotidien 1996:1310].

Выделяют следующие жанры танатологического дискурса, к которым относятся: надгробная речь: некролог; письмо-соболезнование; надгробная речь; эпитафия [Горностаева, Кулинич 2014: 47]. Отмечается, что некролог, письмо-соболезнование и эпитафия относятся к письменным жанрам, в то время как надгробная речь характеризуется двойственным характером. «Несмотря на то, что надгробная речь изначально подразумевает устное выступление, она является продуктом письменного творчества и обладает основными характеристиками написанного текста» [Там же].

Мемориальные тексты являются особым типом воздействующих текстов, в которых описываются те же события, которым посвящены

мемориальные доски, а с другой стороны мемориальные тексты способны преодолевать сиюминутный контекст актуализируя высокие смыслы деяний на общее благо вне времени [Быкова 2012а: 170; Быкова 2012b: 5]. Траурные речи можно отнести к данному виду текста.

Во Франции в XVII в. выделяется крупная фигура общественно-политического и религиозного мыслителя, проповедника Ж.-Б. Боссюэ (Jacques Bénigne Bossuet, 1627-1704, кресло № 37), который произносил проповеди, надгробные речи, ставшие популярными в данный период. Он справедливо считается родоначальником художественной ораторской прозы во французской литературе XVII в. [Там же]. Как отмечает Е.В. Кулешова, «надгробные проповеди стали одним из важнейших способов отдания дани уважения уходящим из жизни монархам, членам их семей и сановникам». Боссюэ была оказана огромная честь читать надгробные проповеди, посвященные членам французской королевской семьи и крупным государственным деятелям [Кулешова 2012: 208]. Всего Ж.-Б. Боссюэ произнес 12 надгробных речей, но тексты двух из них были утрачены [Там же: 209]. Эти речи, сохранившиеся, главным образом в конспектах и черновых набросках, позволяют судить о большом мастерстве их автора, выражающемся в строгой логике рассуждений, в продуманной аргументации, в живом, страстном языке [История французской литературы 1946: 459-460]. Заметим, что Боссюэ читал надгробные речи в храме при большом скоплении народа, но в речевой академической практике мемориальные (траурные) читаются в здании Французской Академии (до мая 1672 г. – в доме П. Сегье, остальные – в Лувре).

В ходе исследования было выявлено, что в XVII–XVIII вв. французскими академиками именно на мемориальных заседаниях Академии было произнесено всего 6 траурных речей. Выявим, кто были их авторы и почему они использовали этот жанр, редкий даже для того времени.

Адресантами данного жанра являются известные литераторы того времени – Ш. Котен (*Charles Cotin*), Ж. Кассань (*Jacque Cassagne*), П.

Таллеман Младший (*Paul Tallemant le Jeune*), П. Кюро де Ля Шамбр (*Pierre Cureau de La Chambre*).

Таблица 7.

Автор	Название речи	Дата
Шарль Котен (Charles Cotin)	<i>Oraison funèbre pour Messire Abel Servien</i> (Траурная речь по случаю смерти Абеля Сервьена)	5 апреля 1659
Жак Кассань (Jacque Cassagne)	<i>Oraison funèbre de Messire Hardouin de</i> <i>Péréfixe de Beaumont, Archevêque de Paris</i> (Траурная речь по случаю смерти)	январь 1671
Поль Таллеман Младший (Tallemant Paul le Jeune)	<i>Éloge funèbre de Messire Pierre Séguier</i> (Траурная речь по случаю смерти Пьера Сегье)	январь 1672
Пьер Кюро де Ля Шамбр (Pierre Cureau de La Chambre)	<i>Oraison funèbre de Messire Pierre Séguier</i> (Траурная речь по случаю смерти Пьера Сегье)	30 января 1672
Пьер Кюро де Ля Шамбр (Pierre Cureau de La Chambre)	<i>Oraison funèbre de Marie-Thérèse d'Autriche</i> (Траурная речь по случаю смерти Марии- Терезы Австрийской)	24 января 1684
Поль Таллеман Младший (Tallemant Paul le Jeune)	<i>Éloge funèbre de M. Perrault</i> (Траурная речь по случаю смерти Шарля Перро)	31 января 1704

Мемореальная / траурная речь французских академиков в XVII–XVIII вв.

Французский писатель и аббат Ш. Котен (Charles Cotin, 1604-1682, кресло № 12), был первым академиком, который произнес 5 апреля 1659 г. траурную речь, по случаю смерти государственного деятеля и французского дипломата, А. Сервьена (Abel Servien, 1593-1659, кресло № 27) [<http://www.xn--acadmie-franaise-npb1a.fr/oraison-funebre-pour-messire-abel-servien>].

Отмечается, что языковые средства, при помощи которых обычно выражаются субъективно-модальные значения в мемориальных текстах следующие:

- глаголы в форме повелительного наклонения;

- глаголы в личной форме настоящего времени в функции повелительного наклонения;

- лексика, свойственная торжественному высокому стилю;

- слова-интенсификаторы с процессным значением, входящие в состав сказуемого и репрезентирующие его постоянное свойство (всегда, навсегда, никогда, навечно и др.) [Быкова 2012b: 32].

В представленной речи можно выделить следующие языковые средства:

- глаголы в форме повелительного наклонения:

(116) Difons

(117) Ne croyez pas

[<http://www.xn--acadmie-franaise-npb1a.fr/oraison-funebre-pour-messire-abel-servien>]

- глаголы в личной форме настоящего времени в функции повелительного наклонения;

(118) j'entens

(119) Vous verrez

(120) Je loue plutôt les morts que les vivans

- лексика, свойственная торжественному высокому стилю, являющаяся традиционной в данной ситуации;

(121) la perte – *потеря*

(122) la mort - *смерть*

(123) rend à la mémoire – *остается в памяти*

(124) ces *illustres défunts* - *знаменитых усопших*

(125) *la veritable louange* – *истинная похвала*

[<http://www.xn--acadmie-franaise-npb1a.fr/oraison-funebre-pour-messire-abel-servien>]

Речевая структура персонажа в массовом тексте включает в себя следующий принцип представления лица в тексте: номинация, внешний облик, социально-статусная характеристика, окружение, событие, психологический портрет, идеологический портрет [Потсар 2006: 14-15]. Специфика мемориального текста проявляется в том, что речевая структура персонажа (лицо, которому посвящается мемориальная надпись или речь, как

в данном случае) обладает приблизительно обязательными, а другие факультативными. Презентация персонажа в массовом тексте целиком и полностью зависит от того информационного контекста, информационного поля, содержание которого определяется информационной нормой, существующей в то или иное время [Быкова 2012b: 33]. Таким образом, при описании персонажа, которому посвящается мемориальная речь, можно выделить следующие аспекты:

Оратор перечисляет такие достоинства ушедшего из жизни академика, как:

(126) *passionné pour les Sciences & pour les beaux Arts* - увлечение наукой

(127) *Le sçavant Prélat* - образованный человек

(128) *sa pitié* – его благочестие

(129) *illustre personne* – прославленный человек

(130) *ce grand personnage* – этот великий деятель.

Ш. Котен указывает на тот момент, что король доверяет дипломату А. Сервьену, так как он был сюринтендантом финансов Франции, что показывает его высокий социальный статус:

(131) *Vous sçavez que Monsieur Servien est mort **Sur-intendant des Finances. Le Roy lui avoit confié** le repos des Nations <...>.*

При этом в мемориальных речах можно отметить употребление эпитетов, например:

(132) *illustre Confrere* – прославленный брат

(133) *Cette illustre Compagnie* – это прославленное сообщество

Рассмотрим надгробную речь, произнесенную П. Таллеманом, французским аббатом и писателем, директором Французской Академии и личного друга оратора, 31 января 1704 г. по случаю смерти Ш. Перро, директора Французской Академии [<http://www.academie-francaise.fr/elogie-funebre-de-m-perrault>]. Оратор, который был другом усопшего, называет писателя *illustre Confrère* (прославленный собрат). Произнося в речи *mon amy*, он отмечал, что дружил с ним с ранних лет: *l'amitié qu' il a eue pour moy des mes plus jeunes années*.

Надгробная речь характеризуется большой информативностью, так как в ней присутствует перечисление качеств личности, фактов его биографии:

(134) *Il ne me reste plus qu'à vous remettre devant les yeux en peu de mots toutes les bonnes qualitez d'un si aimable Confrere. Le nombre & la diversité de ses Poësies font connoître la vivacité de son imagination, & la facilité qu'il avoit à composer ; & rien ne marque mieux cette heureuse facilité que le Poème à M. de la Quintinie, Ouvrage digne d'estre associé aux Georgiques du Prince des Poetes Latins.*

Речь заканчивается прощанием и сожалением о потере честного человека:

(135) *Mais nous l'avons perdu, MESSIEURS, regrettons en luy le veritable modele d'un honneste homme, car la beauté de son esprit n'estoit pas encore ce qu'il avoit de plus recommandable.*

В качестве примера речей, произнесенных по случаю ухода из жизни академика, рассмотрим еще несколько торжественных речей. Например, проанализируем речь литератора и священнослужителя П. Таллемана (Paul Tallemant le Jeune) в честь ушедшего из жизни П. Сегье, канцлера Франции и покровителя Французской Академии, произнесенную в январе 1672 г. в доме Сегье перед академическим сообществом [<http://www.academie-francaise.fr/elogue-funebre-de-messire-pierre-seguier>]-.

Траурная речь начинается с обращения к академикам, употребляя вокатив **MESSIEURS**:

(136) «**MESSIEURS**,
Il semble que ce ne soit plus le temps de vous remettre devant les yeux le funeste objet de la perte que vous avez faite en la personne de Messire Pierre Séguier Chancelier de France, et votre illustre Protecteur.

Подчеркивается особая честь произнесения речи:

(137) *Et cependant, puis que vous m'avez **fait l'honneur** de me choisir pour vous parler de ce grand homme, permettez-moi de vous faire un simple tableau de sa vie.*

Оратор употребляет хвалебные слова в память ушедшего из жизни, превознося его заслуги и достоинства как личностные, так и профессиональные:

(138) *Pierre Séguier Chancelier de France et Protecteur de l'Académie Française, a fourni un si grand nombre de beaux évènements dans le cours d'une longue vie, qu'il faut nécessairement, MESSIEURS, que je laisse une partie des choses, dont les autres tirent leur principale gloire.*

При этом в мемориальных речах можно отметить употребление эпитетов, например:

(139) *votre illustre Protecteur – Ваш прославленный покровитель;*

(140) *de grands Hommes – великие люди.*

Оратор подчеркивает невосполнимость утраты и горечь потери, завершая свою речь следующим образом:

(141) *Il est temps de finir, MESSIEURS. Tant de doctes Orateurs ont parlé de la piété de sa vie et de sa mort, que j'ai cru pouvoir m'en dispenser* [<http://www.academie-francaise.fr/elogie-funebre-de-messire-pierre-seguier>].

(142) *Mesurez vos plaintes à la grandeur de celui qui peut seul les faire cesser ; et prêts d'abandonner ces lieux que cet illustre Chancelier vous a rendus si chers, songez pour les quitter encore avec plus de douleur, qu'il ne vous en laisse partir que pour vous envoyer au Louvre ; qu'il ne vous a quittés que pour vous mettre en de meilleures mains ; et qu'ainsi vous devez éternellement rendre compte au public de votre reconnaissance envers le successeur du grand Richelieu, et le prédécesseur du plus grand Roi du monde.*

Мемориальная речь – это как правило христианская проповедь, которая представляет собой устойчивый речевой жанр в рамках ораторской речи, характеризующийся собственной лингвистической и экстралингвистической спецификой. Для нее характерна диалогичность как свойство ораторской речи, выражающаяся в употреблении средств авторизации, адресации и собственно диалогизации. Мемориальные речи рассматриваются как воздействующий текст в массовой коммуникации. Таким образом, надгробные речи как жанр также были популярны в XVII в.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Академический дискурс в данном исследовании рассматривается на основе нового института – Французская Академия. Были определены такие базовые характеристики академического дискурса как цель, состав участников, хронотоп, коммуникативные стратегии и жанры.

На начальном этапе становления Французской Академии активно развивалась академическая речевая практика на основе торжественных речей, произнесенных французскими академиками XVII–XVIII вв. Выявлены следующие эпидейктические жанры: торжественная речь при вступлении во французскую академию (*discours de réception*), ответное слово (*réponse*), поздравительная речь (*compliment*), панегирик (*panégyrique*), благодарственное слово (*remerciement*), мемориальные / траурные речи (*éloge / oraison funèbre*).

Торжественная вступительная речь произносилась каждым новым кандидатом в академики. Согласно эстетическому академическому канону, в торжественной речи представлены следующие важные моменты: похвалу Людовику XIV, похвалу кардиналу Ришелье, канцлеру Пьеру Сегье, похвала предшествовавшему академику и Академии.

Ответное слово является одним из интертекстуальных жанров, имеющий двухвекторный характер, который проявляется в том, что в речах присутствуют как ретроспективный характер (отсылка к предыдущему тексту), так и перспективный характер (описание планов на будущее). Ответное слово могло быть произнесено в двух случаях: торжественную речь по поводу вступления во Французскую Академию, благодарность за что-либо.

Комплимент и поздравительная речь являются этикетными речевыми жанрами, имеющими бифункциональный характер, с одной стороны – проявление вежливости, с другой стороны – является оружием для достижения своей цели. Отметим, что во французской риторической традиции *compliment*– гибридный жанр, который в зависимости от ситуации

может рассматриваться как *комплимент* или как *поздравительная речь*.

Панегирик является одним из жанров лаудативного дискурса, акцентирующий профессиональные и личностные качества адресата. Исследование выявило, что данный жанр академического дискурса посвящался *только* королю Людовику XIV по случаю важных для страны событий, и, следовательно, не мог быть частотным.

Благодарственное слово также является одним из этикетных речевых жанров, где за оказанную услугу выражается благодарность. Как следует из проведенного анализа, данный жанр посвящался академическому сообществу и кардиналу Ришелье, основателю Академии. Важными стратегиями, используемыми ораторами являлись – стратегия похвалы и самоуничижения.

Мемориальная / траурная речь является одним из жанров танатологического дискурса. Особенностью данного жанра является ее ситуативность, так данная речь произносится в ситуации прощания с умершим. Наше исследование показало, что траурную речь произносили по случаю ухода из жизни членов королевской семьи и государственных деятелей.

Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках Французской Академии как нового института, академический дискурс составлял основу коммуникативной практики, выраженной различными жанрами эпидейктической торжественной речи. Академики вырабатывали правила речевой практики, в то время как представленные торжественные речи становились образцами, которым нужно было подражать.

ГЛАВА III. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ

3.1. У истоков Словаря Французской Академии

Обращение к лексикографическому жанру с целью упорядочения языка признают выдающимся и дальновидным решением первых европейских академических сообществ. Решая задачу нормирования языкового употребления, составители приводили в порядок лексическую систему, касаясь практически всех уровней языка: фонетики, орфографии, морфологии, стилистики, синтаксиса [Захарова 2009: 14].

Лингвистические исследования во Франции успешно развивались с начала XVI века. «Синтаксические особенности разговорного и письменного языка и слога разработаны подробно очень издавна, – писал И.И. Срезневский, – труды Этьена вышли еще в половине XVI века; труды Фабра де Вожла (*Cl. Fabre de Vaugelas*) в половине XVII века. Едва ли грамматика какого языка выработала и вырабатывает свои вопросы с таким успехом, как Французская» [Срезневский 1860: 4]. Отмечается, что за сравнительно небольшой период времени (с 1535 по 1561 гг.), Ш. Этьену удалось осуществить широкомасштабную просветительскую программу, охватывавшую такие разные области науки, как естествознание и словесность [Михайлова 2011: 45].

Закономерна постановка задачи королевской властью перед Французской Академией создать словарь, который бы соответствовал запросам времени. Языковая политика направлена на нормализацию и кодификацию языка [Скрелина, Становая 2013: 406]. В новофранцузский период особо остро встал вопрос нормирования письменно-литературного языка, т.е. возникла необходимость установить и зафиксировать такую его письменную и устную форму, которая являлась бы образцовой и общеобязательной, как отмечают Н.А. Катагощина и Н.М. Васильева [1997: 344]. Развитие грамматической науки и объединяющая роль письменно-

литературного языка привели к окончательному установлению и фиксации его произносительных, морфологических и синтаксических норм. Данная фиксация могла быть осуществлена с помощью создания различных словарей, которые считались образцом. Создание словарей, особенно таких, какими являлись первые академические словари национальных языков, имело большое общекультурное и научное значение.

Еще в 1908 г. в первом издании своей книги французский лингвист А. Доза писал: «XVII век, поклонник порядка и дисциплины, стремится к стабилизации, упорядочению и очищению языка. Он решительно освобождает язык от всего ненужного, запрещает архаизмы, специальные, провинциальные, просторечные и грубые слова, стремится придать языку интеллектуальный и рациональный характер и устанавливает нормы для обретающихся еще в хаотическом состоянии морфологии и синтаксиса» [Доза 2003: 19].

Встают вопросы, какова была ситуация в словарной сфере в этот период и закономерна ли забота государства о появлении официального словаря, выполненного по заказу власти. Историками языка отмечается, что в XVII веке активно проводилась лексикографическая работа, что доказывается многочисленными словарями, изданными в данный период.

В следующей таблице представлены некоторые одноязычные французские словари, которые были популярны в данный период. На сайте Виртуального музея словарей (Le musée virtuel des dictionnaires) в рубрике Les dictionnaires de la langue française: recherche chronologique: Liste chronologique: XVIIe siècle [https://dictionnaires.u-cergy.fr/rech_chronologique/mvd._XVII_biblio.htm] представлен список словарей, изданных в XVII веке. В таблице приведены некоторые наиболее известные словари, изданные в данный период. К XVII веку относится ряд крупных лексикографических работ, представленных в таблице. Среди них выделяются словари Ж. Нико «Thresor de la langue françoise» (1606) и П. Бореля «Tresor de recherches et antiquités françoise» (1655) и др.

Таблица 8

Дата издания	Автор/ редактор	Название	Место издания
1606	Nicot J. и др.	Thresor de la langue françoise, tant ancienne que moderne	Paris
1619	Behourt J.	Thresor de l'éloquence françoise	Rouen
1644	Montmerann A. de	Synonymes et épithètes fr.	Paris
1655	Borel P.	Tresor de recherches et antiquités françoise	Paris
1661	Labbe (le P.)	Etymologie de plusieurs mots françois	Paris
1666	Boustie Ch.	Dictionnaire étymologique ou racines des plus beaux mots	Genève
1667	Pomey (le P.)	Petit dictionnaire royal	Lyon
1680	Richelet P.	Dictionnaire françois contenant les mots et les choses	Genève
1681	Richelet P.	Dictionnaire françois contenant les mots et les choses (2 ^{ème} éd.)	Genève
1690	Furetiere A.	Dictionnaire universaire	La Haye
1694	Anon.	Dictionnaire de l'Académie française	Paris

Французские словари XVII века

Ж. Нико (Jean Nicot, 1530-1600 /1604?) – французский дипломат и ученый, был одним из составителей словаря французского языка «Thresor de la langue françoise, tant ancienne que moderne», опубликованного в 1606 г., уже после его смерти, Д. Дусером (David Douceur). Словарь содержит около 18200 статей, а среди его авторов – филолог, французский литератор А. де Рансоне (Aimar de Rançonnet, 1498-1559), французский переводчик, грамматист Ж. де Ноерс (Gilles de Noyers, 1522-1566), голландский литератор Ж. Хадрианус (Junus Hadrianus, 1511-1575) и литератор Ж. Массе (Jean Masset) и др. Двухязычный словарь стал сокровищницей по истории французского языка. В словаре представлены определения дефиниций, особенности правописания, произношения, а также этимологические,

исторические и другие комментарии [<http://dictionnaires.atilf.fr/dictionnaires/TLF-NICOT/index.htm>].

Несмотря на то, что Французская Академия раньше других начала работу над словарем, получив монополию от государства на подобного рода издание, долгожданный словарь Французской Академии вышел лишь в 1694 г. Опережали выход академического словаря два издания, опубликованные за рубежом. Так, словарь Ришле (Женева, 1680) был основан на принципе экземплификации, т.е. примерах из произведений писателей того времени, представляя собой лексикон «хорошего общества». Французский филолог и лексикограф, редактор одного из первых словарей французского языка С.-П. Ришле (César-Pierre Richelet, 1626-1698) создал словарь «Dictionnaire françois contenant les mots et les choses», который вышел нелегально в 1680 г. в Женеве [Власов 2012: 23], за 10 лет до публикации в Голландии «Всеобщего словаря» А. Фюретьера и за 14 лет до первого издания словаря Французской Академии. Во Франции словарь будет опубликован в Лионе и Руане только в 1719 г., уже после смерти Ришле (1698 г.) и после выхода в свет 1718 г. второго издания словаря французской Академии.

Словарь Фюретьера (Роттердам, 1690), более полный и богатый, чем предыдущий, вобравший в себя и архаизмы, и специальные термины, стремился к точности определений, опираясь прежде всего на этимологию [Доза 2003: 23]. Антуан Фюретьер (Antoine Furetière), один из членов Академии, воспротивившись слишком медленной работе Академии и чрезмерно строгим принципам отбора слов, выступил против «аристократического пуризма». Он составил свой план словаря и приступил к созданию «Всеобщего словаря, содержащего все слова французского языка, как старинные, так и новые» (Dictionnaire universel, contenant tous les mots francais, tant vieux que modernes).

В исследуемый период издавались и специализированные словари различной направленности по медицине, ветеринарии, морскому делу, военной тематике, живописи и т.д. Академические словари, как отмечаются

исследователями по истории языка, разрабатывались с позиций пуризма и все эти пласты лексики, относящиеся к профессиональным языкам и жаргонам, в рекомендуемые списки приличных слов (хорошего узуса), не допускались [Скрелина, Становая 2013: 445].

Таблица 9

Дата издания	Автор/ редактор	Название	Место издания
1615	Montgeon J.	Alphabet de l'art militaire	Saumur
1636	Cleirac E.	Explication des termes de marine	Paris
1650	Arnaud E.	Intoduction à la chymie (voc.)	Lyon
1668	Dufresnoy Ch.	Art de peinture (voc.)	Paris
1678	Guillet G.	Arts de l'homme d'épée (voc. Armes, équitation, marine...)	Paris
1678	Meuve de	Dictionnaire pharmaceutique	Paris
1687	Desroches	Dictionnaire des termes de marine	Paris
1694	Corneille Th.	Dictionnaire des arts et des sciences	Paris

Французские специализированные словари XVII века

Необходимость регламентации языкового употребления ощущалась и обсуждалась образованной частью французского общества с XVI века. Такая задача отвечала глубинной потребности французского общества: нация осознавала себя как единое целое в рамках единого государства, и язык должен был стать цементирующим основанием этого единства [Кривушина: <http>]. Государство ответила на этот вызов времени, поставив перед новой Академией задачу по выполнению этого титанического труда, работа над которым займет более полувека. Актуально в этом свете мнение Р.А. Будагова: «Упорядочение языка тогда мыслилось как бы через словарь, с помощью словаря. Такое понимание было обусловлено господствующей тогда концепцией, согласно которой язык – это совокупность слов и только слов» [Будагов 1956: 13; 2006: 14-15]. Создание словарей, особенно таких,

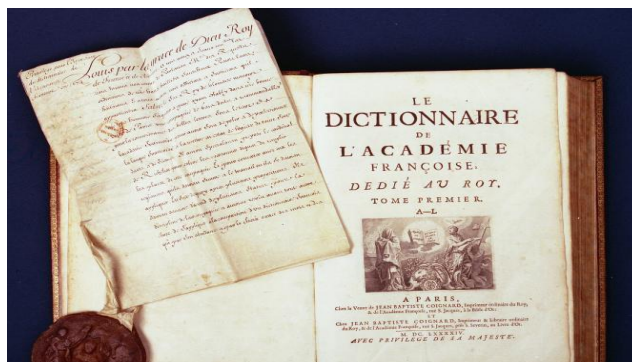
какими являлись первые академические словари национальных языков, имело большое общекультурное и научное значение.

3.2. Лексикографический дискурс:

Словарь Французской Академии

Согласно статье XXVI Устава Французской Академии, для нормирования французского языка предписывалось создание словаря (***un dictionnaire***), грамматики (***une grammaire***), риторики и поэтики (***une rhétorique et une poétique***). Словарь Французской Академии вышел в 1694 г. в двух томах. Первый том (**Приложение 5**) был озаглавлен так: *Le Dictionnaire de l'Académie françoise, dédié au Roy. Tome premier. A-L* (Словарь Французской Академии, посвященный королю. Том 1. А-Л), второй том носил заглавие: *Le Dictionnaire de l'Académie françoise, dédié au Roy. Tome deuxième. M-Z* (Словарь Французской Академии, посвященный королю. Том 2. М-Я) [Les premières éditions du Dictionnaire de l'Académie française 1888: [http](http://www.dictionnaire.academie.fr/)].

Иллюстрация 6

Словарь Французской Академии (Т. 1: A-L)

[<http://www.academie-francaise.fr/le-dictionnaire-les-neuf-prefaces/preface-de-la-premiere-edition-1694>]

Встает вопрос, кто работал над словарем на начальном этапе его создания. Академия поручила Ж. Шаплону и К. Вожла начать работу над Словарем Французской Академии, так как они были авторитетными писателями. Академик Ж. Шаплен, ученик Малерба, избранный

в 1634 году членом Французской академии (кресло № 7), пришел к идее о необходимости создать словарь французского языка и, по поручению кардинала Ришелье, составил план академического словаря, согласно которому словарь Французской Академии должен был быть составлен по образцу итальянского словаря академии делла Круска (1612 г.) как словарь языка уже покойных лучших французских писателей не только начала XVII века (Ф. Малерб, Т. де Вьо, кардинал дю Перрон, М. Ренье, О. д'Юрфе, Ж. Берто, Ф. де Саль и др.), но и писателей XVI века (от Монтеня и Ронсара вплоть до К. Маро и М. де Сен-Желе, поэтов первой половины XVI в.) [Власов 2013: 24].

Можно предположить, что К. Вожла, член-учредитель Французской академии (кресло № 32), закономерно руководил составлением академического словаря, будучи одним из законодателей французского классицизма XVII века в области литературного языка. В течение долгого времени ученый собирал «Заметки о французском языке» (*Remarques sur la langue françoise*), которые были опубликованы только в 1647 г. и легли в основу словаря. Историограф Э. Гасье пишет в своей работе «Chapelain en avait dressé le plan, Vugelas apporta les «belles et curieuses observations sur langue» qu'il avait faites depuis longtemps. L'Académie les chargea tout les deux de commencer le travail <...>» [Gassier 2012: 57].

Вожла выводит свои правила из «установившегося обычая» (usage), принятого «придворным обществом» и «наиболее известными писателями», стремясь к «очищению» и «облагорожению» французского языка. При определении bon usage Вожла отмечал случаи бесспорные – usage déclaré и спорные – usage douteux. Для решения последних он советовал обращаться не только к работам современных ему писателей, но и к теоретикам языка (des gens sçavants en la Langue). Если образцовая норма того или иного явления оставалась невыясненной, то следовало обращаться к самому языку и устанавливать правильность данного явления путем его сравнения с другими аналогичными явлениями [Сергиевский 2014: 167-168].

Устанавливая и фиксируя нормы общелитературного языка, К.Ф. Вожла относился с большой осторожностью ко всем языковым явлениям, которые казались ему случайными, и прежде чем установить норму, тщательно их проверял. Однако К.Ф. Вожла не считал свои правила неизменными, полагая, что со временем они могут быть пересмотрены и дополнены, лишь сам принцип установления этих правил, по его мнению,

Рассматривая употребление образцовой нормы в различных литературных стилях, К.Ф. Вожла пришел к выводу, что в произведениях лучших писателей, независимо от стиля произведения, обычно соблюдается *bon usage*; исключением является лишь стиль бурлеск, где возможен *mauvais usage*, но в этом стиле пишет меньшинство. В разговорной речи большинства населения распространен *mauvais usage*, и все, кто хотят правильно говорить и писать, должны следовать *bon usage*. Отвечая на упреки тех, кто считал, что *bon usage* сковывает творческую свободу писателя, К.Ф. Вожла писал, что чистота языка, т.е. правильность речи, не может ограничить свободу писателя. Если писатель талантлив, то глубокое знание родного языка не может подавить или ограничить его талант, а, наоборот, даст ему возможность еще лучше использовать свой язык [Скрелина, Становая 2013, 442-445].

Основатель Академии Ришелье назначил Вожла пенсион в 2000 ливров за работу над словарем. Ученый смог посвятить работе над первыми шестью буквами целых 15 лет. После смерти К. Вожла в 1650 г. работа над словарем была приостановлена. Кредиторы за долги ученого пытались выручить деньги за его записи к Словарю, но В. Конрару, «отцу-основателю» Академии с трудом удалось вернуть часть записей через суд [Gassier 2012: 229]. Позднее работа продолжилась, но шла очень медленно: «Nous avons vu que le travail du Dictionnaire avait été interrompu à la mort de Vaugelas; il avait pu être repris, mais il n'avancait toujours que très lentement» [Там же: 77].

Встает вопрос, почему так долго сколько лет, напомнить создавался словарь. Возможный ответ заключается в том, что сначала создание словаря

было поручено только двум академикам, Ж. Шаплюну и К. Вожла. Ж.-Б. Кольбер, который являлся министром финансов и французским государственным деятелем, заметил, что работа над Словарем шла медленно, заседания были нерегулярными. Не было определено, когда заседания должны начинаться и сколько они должны были длиться. Одни приходили раньше, другие позже. Кольбер захотел узнать причины столь долгого написания словаря, для этого пришел на заседание комиссии по словарю, на котором обсуждалось значение лексемы *ami* (друг). Он сделал вывод, что работа проводится тщательная и добросовестная, соответственно она не могла быть быстрой: «Colbert avait voulu se rendre compte par lui-même **des raisons de cette lenteur** (причины медлительности) **dans l'élaboration du Dictionnaire** (разработке словаря), et, sans avoir prévenu personne, il s'était rendu inopinément à **une séance de l'Académie** (заседания Академии), où il avait assisté à **une discussion sur le mot Ami** (на обсуждении слова «Друг»), il en avait emporté la conviction qu'un travail aussi **minutieux** (тщательная) et aussi **conscientieux** (добросовестная) ne pouvait point se faire plus rapidement» [Gassier 2012: 78].

Как отмечает И. Пуликен (Yves Pouliquen, 1931, кресло № 35), известный французский врач-офтальмолог, профессор, что «все слова словаря – а это десятки тысяч слов – мы разбираем одно за другим. Обсуждение некоторых слов мы посвящаем целиком одно заседание – полтора часа. Ведь у некоторых слов – три страницы значений [Гусев 2017: <http>].

Затем руководство работой над словарем перешло не к лингвисту, а к французскому историку Ф.-Э. де Мезере (François Eudes, sieur de Mézeray, 1610-1683, кресло № 33), известному автору трехтомной «Истории Франции», имевшей такой успех, что Академия приняла его в число своих членов. Как отмечает А. Виала [2002: <http>], Ф.-Э. де Мезере ратовал за стремление к строгости и за некоторую научность подхода. Но в 1672 г. он был подвергнут критике, и его сменила группа под началом Ш. Перро

(Charles Perrault, 1628-1703, кресло № 23), Ф.-С. Ренье-Демаре (François-Séraphin Régnier-Desmarais, 1632-1713, кресло № 30) и Ф. Шарпантье (François Charpentier, 1620-1702, кресло № 18). Все они были преданными сторонниками Кольбера, который, пытаясь вывести Академию из летаргического состояния, учредил перепись присутствующих на заседаниях и ввел жетоны, с помощью которых вознаграждались прилежные участники словарных бдений. Эти «жетонщики» еще более сузили идею словаря, сделав из него, как сказано в написанном ими Посвящении королю, сборник слов и выражений, наиболее подходящих для прославления монарха. Это уже не подражание языку двора, а имитация языка придворных льстецов [Виала 2002: [http](http://)].

В работе над Словарем также принимали участие французский поэт и драматург Пьер Корнель (Pierre Corneille, 1606-1684, кресло № 14), французский баснописец Жан де Лафонтен (Jean de La Fontaine, 1621-1695, кресло № 24), французский поэт и критик Никола Буало-Депрео (Nicolas Boileau-Despréaux, 1636-1711, кресло № 1), французский драматург Жан Расин (Jean-Baptiste Racine, 1639-1699, кресло № 13).

Работа над словарем началась 30 июня 1638 г. Отмечается, что работа над словами под буквой «А» началась 7 февраля 1639 г. и закончилась только 17 октября 1640 г. [Gassier 2012: 57]. Мы выявили, что на букву «А» в Словаре представлено 1784 слова (74 страницы), а на букву «В» – 1290 слов (61 страница) [<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k503971/f21.image>]. Сданное в набор в 1678 г., первое издание Французской Академии из двух томов вышло в свет спустя 16 лет (1694 г.) и включало в себя 18000 лексических единиц. Словарь отвечал главному принципу: компромиссу между прежней, этимологической орфографией и орфографией, основанной на современном произношении [Кривушина: [http](http://)].

Цель первого издания Академического словаря сводилась к тому, чтобы утвердить современное состояние языка, сделать его нормой для всех времен. Решая задачу нормирования языкового употребления, составители

приводили в порядок лексическую систему, касаясь практически всех уровней языка: фонетики, орфографии, морфологии, стилистики, синтаксиса. Так, словарь Французской Академии, в отличие от словарей, описывающих состояние языка на определенный момент времени, создавался для придания языку правильности и упорядоченности. Основанная с целью установления некоторых норм французского языка, придания ему современности и элегантности:

(143) *d'établir des règles certaines de la langue française, de la rendre la plus parfaite des modernes, et non seulement élégante, mais capable de traiter tous les arts et toutes les science* [http://www.academie-francaise.fr/sites/academie-francaise.fr/files/statuts_af_0.pdf]. – установить определенные правила французского языка, чтобы придать ему современность и не только элегантность, но и способность учитывать лексику веру искусства и науки.

Французская Академия создала словарь, очень быстро ставший нормативным. Л.В. Щерба [2008: 266] отмечает, что Словарь Французской Академии относится к нормативному (академическому) словарю. К данному типу словаря обращаются для самопроверки, а иногда для нахождения нужного в данном контексте слова.

Известный специалист в области общего и романского языкознания, Р.А. Будагов [2002: 30] в свое время отмечал: «Французский национальный словарь, вышедший в свет на рубеже XVIII столетия, открывал собой новую эру в развитии французской культуры, новую эпоху, когда молодая буржуазия не только стала заниматься государственными делами и интересоваться экономическими проблемами, но и судить об «идеологических ценностях», пересматривая и осмысляя их с новой точки зрения».

Французская Академия проводила языковую политику, следуя двум требованиям к литературному языку, выдвинутым Малербом (1555–1628), – ясности и правильности – пуристическими принципами. Основной характерной чертой пуризма было стремление к очищению литературного языка от иноязычных заимствований, неологизмов, а также естественного

проникновения в литературный язык ненормированных лексических и грамматических элементов [Захарова 2009: 15].

Обратимся к структуре словаря Французской Академии:

- Фронтиспис
- Титульный лист
- Послание Королю (Au Roy-epistre)
- Предисловие (Préface)
- Список членов Французской Академии, после смерти канцлера Сегье, который стал преемником господина кардинала Ришелье (Liste de l' Académie françoise, le Roy, Protecteur, après le décès de Monſieur le Chancelier Seguier, qui avoit ſuccédé à Monſieur le Cardinal de Richelieu)
- Привилегия Короля (Privilege du Roy)
- Список используемых сокращений (Explication des Abbreviations dont on ſe ſert dans ce dictionnaire)
- Словарные статьи
- Дополнения и исправления (Additions et corrections)
- Список статей в словаре Французской Академии (Table du dictionnaire de L' Académie Françoise)

В издательской практике фронтиспис определяется как «страница с изображением, образующая разворот с лицевой стороны титульного листа, и само это изображение. Изображение должно быть обобщающего характера, относиться ко всему изданию в целом» [Мильчин 1998: 417-418]. Это – изображение – текст, где текст выступает как любая семантически организованная последовательность знаков, т.е. художественный текст в широком смысле слова [Викулова 2001: 123]. Так, словарь А. Фюретьера определяет это слово как *«la face et principale entrée d'un grand bâtiment qui se présente de front aux yeux des spectateurs»* (лицевой и главный вход в большое здание, предстающий перед глазами зрителей) [Furetière, [http](http://)].

Таким образом, фронтиспис выступает своего рода иллюстративным

предисловием, вступлением в книгу и ее прочтение, в данном случае фронтиспис предшествует заголовку и основному тексту словаря. Фронтиспис Словаря Французской Академии представлен в Приложении 6. Гравер данного фронтисписа был Г. Эделинк (Gérard Edelinck; 1640—1707) – гравёр на меди фламандского происхождения, согласно энциклопедическому словарю Брокгауза и Эфрона, *один из искуснейших бюренистов, когда-либо существовавших* [<https://dlib.rsl.ru/viewer/01003924181#?page=178>]; с 1666 года работал в Париже и в 1675 году принял французское подданство. Художником фронтисписа был Жан-Батист Корнель (Jean-Batiste Corneille, 1649-1695).

Подобно другим околотекстовым элементам Словаря Французской Академии (имена сорока академиков, заголовков, титульный лист, предисловия и др.) фронтиспис выполняет особую перспективную функцию, ориентируя адресата в чтении многотомного издания.

Посвящение и следующее за ним *Послание* (épître), представляют письменный речевой акт, в основе которого лежит намерение пишущего. Прагматическая установка состоит в том, чтобы создать благожелательную атмосферу вокруг словаря, который создавался довольно длительное время. *Послание*, следуя за посвящением, раскрывает суть адресатива. В *Послании* авторы избирают тактики похвалы высокому покровителю [Викулова 2001: 62]. В словаре Французской Академии (1694 г.) *Послание* посвящено королю Людовику XIV. Категория адресованности является значимой в XVII веке и проявляется в появлении прямо в заглавии такого структурного элемента, как *Посвящение* (dédicace) [Викулова 2001: 55]. Посвящение, как правило, обращается к людям высокого социального статуса, в нашем случае, оно посвящено Королю (Людовику XIV). Ученые, изучавшие проблему посвящений и дарственных надписей, подчеркивают, что посвящение является одним из способов включения произведений в систему коммуникации. В литературной практике – это своеобразный речевой и социальный акт, предполагающий участие в письменной литературной

коммуникации того, кто посвящает произведение (*dédicateur*), и того, кому оно посвящается (*dédicataire*) [Викулова 2001: 55, Puech, Couratier 1987].

Посвящение королю расширяет внетекстовые связи между адресантом (авторами словаря) и адресатом (монархом), по заказу которого выполнен словарь. На титульном листе наблюдаем текстовое присутствие адресата послания (король / *le Roi*) в виде адресатива, выражающего социальную дистанцию, и глагола *dédier* (посвящать). Прагматическая установка состоит в том, чтобы создать в образованном обществе благожелательную атмосферу вокруг нового словаря. Отсюда авторская интенция привлечь на свою сторону влиятельных личностей, поскольку власть покровительствовала академикам, при этом интенция явная и обозначена на титуле.

Роль, отводимая адресату в данном случае, предопределена лексическим значением обращения, указывающего на его высокий социальный статус. Значимость адресата подчеркивается семиотикой печатного текста – заглавные буквы, шрифт [Викулова 2001: 67].

Послание начинается с обращением к королю, употребляя статусный вокатив: *SIRE*.

Употребление вокатива:

(144) *Vostre Majesté* (Ваше Величество) [<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k503971/f6.image>].

Послание завершается в соответствии с этикетными формами того времени, когда нормативным было самоуничижение адресанта. Формы уничижительности находят свое выражение в прилагательных пейоративной эмоционально-нормативной оценки: *humble*, *obéissante*, *obligée*, усиленные коннектором *très*. Так, возвеличивание адресата происходит за счет самоуничижения автора послания [Викулова 2001: 63].

(145) *Les tres humble, tres obeiffants, & tres fidelles fujets & serviteurs* [<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k503971/f6.image>].

Э. Гасье [2012: 78] отмечает, что *Послание (épître)* к Словарю Французской Академии (1694 г.) написал французский поэт и критик Ш.

Перро, директор Французской Академии в то время (Charles Perrault, 1628-1703, кресло № 23), хотя в самом Словаре стоит следующая подпись от коллективного лица – *Les Académiciens de l'Academie Française*. В качестве авторитетного обоснования в Словаре фигурирует список из сорока академиков, которые, можно было предположить, и были носителями нормы [Виала 2002: [http](http://)].

В Предисловии (Préface) авторы Словаря сразу устанавливают те рамки, в которых будет изменяться орфография, основываясь на желании сохранить этимологические корни слова, а также следуя новым требованиям развивающегося книгопечатания. Отмечается, что Академия будет придерживаться старой орфографии, чтобы это помогло понять происхождение слов. Будут написаны слова с непроизносимыми буквами, чтобы указать на латинское происхождение: *«L'Académie s'est attachée à l'ancienne Orthographe receuë parmi tous les gens de lettres, parce qu'elle ayde à faire connoistre l'Origine des mots. C'est pourquoy elle a creu ne devoir pas autoriser le retranchement que des Particuliers, et principalement les Imprimeurs ont fait de quelques lettres, à la place desquelles ils ont introduit certaines figures qu'ils ont inventées, parce que ce retranchement oste tous les vestiges de l'Analogie et des rapports qui sont entre les mots qui viennent du Latin ou de quelque autres Langue. Ainsi elle a écrit les mots Corps, Temps, avec un P, et les mots Teste, Honneste avec une S, pour faire voir qu'ils viennent du Latin Tempus, Corpus, Testa, Honestus»* [<http://www.academie-francaise.fr/>].

Для пользования Словарем со словопроизводным порядком (от которого Французская Академия отказалась уже во втором издании словаря) гнездовые слова были вынесены в словник с отсылкой на корневое слово, под которым они разработаны, что представляется очень неудобным.

(146) ANNOTATION } Voy NOTER
 ANNOTER }

Однако академики объясняют свое предпочтение этому принципу тем что во французском языке есть корневые, производные и составные слова.

Они полагали, что будет удобнее пользоваться словарем, если расположить лексемы по корневому признаку. Это означает, что вначале идут корневые слова, за ними производные и составные слова. Тогда будет видна история и развитие слов: *«Comme la Langue Françoise a des mots Primitifs, et des mots Derivez et Composez, on a jugé qu'il seroit agreable et instructif de disposer le Dictionnaire par Racines, c'est à dire de ranger tous les mots Derivez et Composez après les mots Primitifs dont ils descendent <...>. Dans cet arrangement de Mots, on a observé de mettre les Derivez avant les Composez, et de faire imprimer en gros Caracteres les mots Primitifs comme les Chefs de famille de tous ceux qui en dependent, ce qui fait qu'on ne tombe gueres sur un de ces mots Primitifs qu'on ne soit tenté d'en lire toute la suite, parce qu'on voit s'il faut ainsi dire l'Histoire du mot, et qu'on en remarque la Naissance et le Progrez; et c'est ce qui rend cette lecture plus agreable que celle des autres Dictionnaires qui n'ont point suivi l'ordre des Racines»* [<http://dictionnaires.atilf.fr/dictionnaires/index.htm>].

В своем Словаре академики основали несколько основных принципов семантической характеристики слова. Прежде всего, это соотношение так называемых «уклонений», или производных значений многозначного слова с основным значением, метафорические, переносные значения слова (пометка «фигурально» в Словаре), определение слов в разных контекстах, сферы функционирования слов в определенном значении.

В первом издании Словаря Французской Академии использовались словообразовательные толкования или толкования смешанного типа: словообразовательные определения в сочетании с синонимами или эквивалентами, а также синонимические определения с последующим описательным толкованием. В качестве иллюстраций в Словаре Французской Академии используются примеры употребления слова, *придуманные самими авторами*.

(147) BIBLIOTHECAIRE fub. m. Celuy qui est preposé pour avoir soin d'une bibliotheque. (Тот, кто предложил заботиться о библиотеке). *Bibliothecaire du Vatican. Bibliothecaire du Roy.*

Отдельные слова или значения даются в словаре без примеров.

(148) ENCYCLOPEDIE f.f. Enchaînement ou cercle où sont enfermées toutes les sciences.

Ярким примером, иллюстрирующим принципы составления словарной статьи, является обширное определение слова *libre* из первого издания Словаря Французской Академии:

(149) LIBRE. adj. de tout genre. Qui peut choisir ce qui luy plaist. La volonté est libre, est une faculté libre.

- On dit, qu'Un homme a son libre arbitre, pour dire, qu'Il est maistre de choisir entre le bien et le mal.
- Il sign. aussi, Independant. Il est libre et ne depend de personne. il ne veut s'attacher à aucun maistre, il veut demeurer libre.
- Il signifie encore, Qui est de condition franche, qui n'est pas serf et esclave. Il est né libre. des hommes libres.
- Il sign. aussi, Qui n'est plus captif, plus prisonnier. Il estoit prisonnier, mais à cette heure il est libre. on l'a laissé libre sur sa parole.
- Il signifie aussi, Qui n'est nullement contraint, nullement gesné; et il se dit des personnes et des dispositions corporelles. Il est libre dans sa taille. il a la taille libre et aisée. avoir une contenance libre, un air libre, et degagé. le corps libre et agile, pour dire, qu'Il fait bien ses fonctions.

В первой части словарной статьи приводятся всевозможные примеры употребления слова и его толкование в том или ином контексте. Далее авторы статьи дают определение многочисленных производных от данного слова:

- Librement. adv. Avec liberté. Agir librement. vivre librement. parler librement. escrire librement. je vous diray librement.
- Liberer. v. act. Delivrer de quelque chose qui incommodoit et estoit à charge. Il faut vous liberer de cette dette. il veut liberer sa maison de cette servitude. j'ay transigé avec luy pour me liberer des poursuites qu'il faisoit contre moy.
- Liberé, [liber]ée. part.
- Libérateur. s. m. Celuy qui a delivré une personne ou une ville de servitude, de captivité ou de quelque grand peril. Le liberateur de la patrie. voila mon liberateur. nostre Seigneur Jesus-Christ est le liberateur du genre humain.

- Liberté. s. f. Le pouvoir que l'ame a de se determiner au choix d'une chose ou d'une autre, de faire ou de ne faire pas. Dieu a donné la liberté à l'homme. la liberté de la volonté. liberté d'approuver et de contredire. les passions diminuent la liberté.
- Libertin, [libert]ine. adj. Qui prend trop de liberté et ne se rend pas assidu à son devoir. Cet escolier ne va guere en classe, il est devenu bien libertin [<http://dictionnaires.atilf.fr/dictionnaires/index.htm>].

Приведем в пример еще одну лексему *FOY* (Вера), определяемую в словаре как важную добродетель:

- La premiere des trois Vertus Theologales, celle par laquelle on croit fermement les veritez que Dieu a revelées.
- Je prend auffi pour l'Objet de la Foy, pour Les Dogmes que la Religion Chrestienne propose à croire comme revelez de Dieu & pour La Religion mesme [<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k503971/f505.image>].

Как отмечают О.А. Дубнякова и Т.А. Кашина [2015: 138], концепт *foi* (современное написание) в христианской имеет семантику особой связи человека с Богом (*le Dieu*) и переживания, этой связи, рождающейся из его личного опыта, имеющего при должном использовании разума исключительную достоверность для носителя веры.

В своей работе «Развитие французской политической терминологии в XVII веке» Р.А. Будагов [2002: 151-154] описывает эволюцию значения такого слова-термина, как *народ* (*peuple*): в первом издании Академического словаря: «Собирательный термин. Множество людей одной и той же страны, пребывающих под одними законами» (*Terme collectif. Multitude d'hommes d'un mesme païs, qui vivent sous les mesmes loix*). Это определение понятия *peuple* остается основным во всех изданиях.

Интересны лишь подробности комментария к этому определению. В первом издании отмечается, что слово *peuple* употребляется иногда для обозначения «наименее достойной части населения» (*pour la partie la moins considerable*); в этом смысле говорят «мелкий народ, подлый народ» (*le bas peuple, le petit peuple*). В этом же издании приводится выражение «глас

народа – глас божий» (*La voix du peuple est la voix de Dieu*) с пояснением, что «общее мнение основано на истине» (*pour dire, qu'Ordinairement le sentiment general est fondé sur la verité*); однако все же положительное значение этого, своеобразного vox media в первом издании еще не раскрыто, хотя и указывается, что слово приобретает самые разнообразные смысловые оттенки в зависимости от определенного контекста. В этом же издании следующий пример: «имея в виду государя и его подданных, говорят ему: «Ваш народ» (*Et en parlant à un Prince de ses sujets, on luy dit, Vos peuples, vostre peuple*). На этом пример оканчивается.

Только в пятом издании есть непосредственное продолжение этого примера: «...говорят королю «Ваш народ» не для того, чтобы подчеркнуть, что народ – это собственность короля, а для того, чтобы показать, что народ составляет предмет королевских забот (*l'objet de ses soins*)». Приводя это дополнение, пятое издание словаря (1798) подчеркивает значение данного понятия в его положительном аспекте: приводятся слова о величии и суверенности народа; но монархическая тенденция сохранена в полной мере, хотя пример — «этот король горячо любим своим народом», — приводившийся во всех четырех предыдущих изданиях, в послереволюционном издании уничтожается [Будагов 2002: 151-154].

Интересна также история слова *la patrie*. Первое издание Академического словаря определяет: «отечество — это место рождения, страна, в которой человек родился» (*Le pays, l'État où l'on est né*). Во всех изданиях Академического словаря, в том числе и послереволюционном, лексема «отечество» определяется только как место рождения, а понятие появившегося в четвертом издании (т.е. накануне революции) слова «патриот» остается неразвернутым [Там же: 147-151].

Анализируя значения слова *philosophe* Р.А. Будагов отмечает, что «Философ – тот, кто занимается науками и кто стремится постигнуть сущность вещей. Философом также называют человека умного, который ведет спокойную и уединенную жизнь, сторонясь суетных дел» (*Celui qui*

s'applique à l'étude des Sciences, & qui cherche à connoître les effets par leurs causes & par leurs principes; Un homme sage qui mène une vie tranquille & retirée, hors de l'embarras des affaires). «Так называют иногда и человека, становящегося, по причине распушенности ума, над обязанностями обычной жизни» (*Un homme, qui par libertinage d'esprit se met au dessus des devoirs, & des obligations ordinaires de la vie civile*). Основное определение проходит через все издания. Но поправки к нему опять-таки весьма любопытны и существенны. В первых изданиях говорится: «В химии употребляется философский камень, философская пыль» (*L'or des Philosophes, la poudre des Philosophes, pour dire, L'or des Chymistes, la poudre des Chymistes*), а в четвертое издание вносится поправка: «в алхимии говорится — философский камень, философская пыль» (*Les Alchimistes se donnent le nom de Philosophes par excellence. Ainsi en termes d'Alchimie, on dit, L'or des Philosophes, la poudre des Philosophes, pour dire, L'or des Alchimistes, la poudre de projection*) [Будагов 2002: 155-159].

У Р.А. Будагова [Там же: 168-172] читаем, что в первом издании Академического словаря *la société* определяется как «сношения и отношения, которые люди стремятся иметь между собой». Далее мы узнаем, что с общество» это «соединение двух или нескольких лиц во имя общих интересов или общего дела на определенных условиях» (*Compagnie, union de plusieurs personnes jointes pour quelque intérêt, ou pour quelque affaire, & à certaines conditions*). Таким образом, в первом издании словаря мы еще не имеем хоть сколько-нибудь философски-обобщенного понимания термина.

Но во втором издании понятие расширяется за счет придания ему религиозного оттенка (*institut religieux*), и лишь в четвертом издании термин подвергается переосмыслению: «общество — это совокупность людей, соединенных между собою природою и законами» (*par les lois*), а определение, имевшее место в первых трех изданиях, здесь уже отодвигается на задний план.

В четвертом издании впервые появляется слово «общественный»,

социальный (*social*), с кратким пояснением: «относящийся к обществу». Впрочем, некоторые зачатки социально-политического понимания «общества» мы находим уже в первом издании словаря, в примерах: «общественный договор, общественный акт».

Из данных примеров видно, что Словарь Французской Академии отражает изменения в значении слова, принимая во внимания социальные, политические и культурные перемены.

Первое издание Словаря Французской Академии вызвало серьезные нарекания со стороны современников. В качестве основных недостатков Словаря можно выделить следующие особенности:

1. *Медлительность работы над Словарем*, которая тормозилась не столько обсуждениями и спорами, непосредственно касающимися Словаря, сколько общественной деятельностью академиков.

Как отмечал современник и противник этого издания Фюретьер, Академия отрешилась от мысли о движении и развитии языка, стремясь лишь канонизировать определенные формы и обороты; при этом Академия напоминала собой цирюльника, который «был так медлителен в бритье бороды, что, пока он скоблил одну щеку, другая успевала покрыться щетиной» [Будагов 1932 <http://larevolution.ru/budag-polittermin.html>].

2. *Строгие принципы отбора слов*. Современники отмечали, что Словарь содержит лишь часть словарного запаса, отвечавшего крайне пуристским устремлениям составителей. Так, были запрещены архаизмы (такие как, *ardre, chaloir, cuider, gaber, glaive, ire* и др.), хотя некоторые архаизмы и сохранялись (*angoisse, actif, anxiété, condoléance, effectif*). Многие слова были признаны непристойными или вульгарными, например: *conception, enseinte, barbier, cadavre, estomac, gueule*; профессиональные, научные, технические термины, диалектизмы и т.д. Таким образом, согласно образному выражению Ф. Брюно и Ш. Брюно и, в «царстве слов установлена такая же иерархия, что и в монархии» [Brunot, Bruneau 1956: 19]. Но этот словарь был несовершенен, поскольку он не отражал всего лексического

богатства общепользовательского национального языка, он отображал только тот запас слов, который употреблялся в кругу дворянской интеллигенции Парижа. В предисловии к академическому словарю определяется тот словарный запас, которым должен владеть *l'honnête homme* [Катагощина, Васильева 1997: 350].

3. Неясные и неточные определения

Академики сразу обвинили А. Фюретьера в том, что он использовал материалы, наработанные на сеансах Французской Академии, в том, что он дискредитировал общий труд, сделав достоянием общественности некоторые секреты обсуждений академиков, показывающих некоторую неуверенность, свойственную определениям тех или иных естественнонаучных проблем. Так, например, определяя *Океан* академики основывались на том, что *c'est la terre qui qui environne la mer*, основываясь на том, что: *il n'est point de mer qui n'ait son ravage*. А обсуждая определение Затмения, он смеялся над теми, кто считал, что затмения «*sont produites par l'ombre de terre*», на что академик отвечал, что «*pour que la terre fit une ombre, il faudrait supposer une autre terre sur laquelle cette ombre fût reçue*» [Dictionnaire de l'Académie française: [http](http://)].

Другой пример сомнений в определении слов представляет собой определение понятия *Arts libéraux* (свободные искусства) – «*ceux qui peuvent être pratiqués par un homme de condition libre et ingénue, et sans machines*» - к которым, таким образом, отнесли геометрию, астрономию и арифметику, а поэзию, изобразительное искусство, скульптуру исключили из этого списка [Dictionnaire de l'Académie française: [http](http://)].

Первое издание Словаря Французской Академии вызвало серьезные нарекания в адрес Академии ещё и из-за *неудобства пользования словарем*: «долгожданное первое издание словаря Академии принесло разочарование: расположение слов по этимологическим гнездам делало пользование им неудобным; кроме того, многие слова были из него произвольно выброшены, а определения были часто неясны, туманны и даже неверны» [Доза 2003:23]

4. Другой важно проблемой при издании Словаря стал *состав словника*. Именно алфавитный перечень (реестр) словарных единиц (слов, фразеологизмов и т. п.), подлежащих толкованию или переводу, Словаря Французской академии подвергся наибольшей критике как современниками, так и исследователями французского языка. И.И. Срезневский писал, что трудность соглашения мнений, почти неизбежная всякой общей академической работе, должна была вести к тому, чтобы Словарь Французской Академии был только выбором того, что невозможно отвергнуть [Срезневский 1860:7-8].

5. *Отдельные слова или значения даются в словаре без примеров*. Значительно реже значения подтверждаются цитатами из сочинений самых известных авторов. С вопросами об экземплификации связаны многие критические замечания о Словаре Французской Академии. Так, например, в своей монографии, посвященной изучению словаря Французской Академии, Ф.-Т. Курта (Félix-Titus Courtat) приводит пример недовольства Шаплена тем, что не указано авторство примеров в Словаре, поэтому они часто вызывают недоверие. Поскольку авторами Словаря были авторитетные и статусные литераторы и ученые, то их имена зачастую становились гарантией правильности и достоверности информации. Одной из причин анонимности примеров, Ф.-Т. Курта называет скромность авторов примеров [Courtat 1995: <http://gallica.bnf.fr>].

Однако, несмотря на все недостатки, Словарь Французской Академии признан настоящей энциклопедией языка и был переиздан множество раз (1718, 1740, 1762, 1798, 1835, 1878, 1932-1935 гг., продолжается публикация девятого издания словаря).

В XVIII веке проводилась дальнейшая работа по нормированию литературного языка. Отрицательная сторона этой работы заключалась в том, что при определении языковой нормы логике давали преимущество, считая, что употребление языка, т.е. «usage», должно подчиняться разуму и традиции. Такой подход к анализу языковых явлений часто приводил к тому,

что явления пережиточные, чуждые развитию языковой системы фиксировались как незыблемые и обязательные, а явления, отражающие развитие языка, часто рассматривались как случайные [История французского языка 1963: 361-362].

В лексикографической работе Академии произошел большой сдвиг: уменьшились ограничения словарного состава письменно-литературного языка. Все настойчивее выдвигалась мысль, что писатель XVIII века не может пользоваться только теми словами, которые употребляли его учителя. Вольтер (Voltaire), Д'Аламбер (J. Le Rond d'Alambert), Мармонтель (J.-F. Marmontel) и другие члены Академии постоянно прибегали к созданию неологизмов. Ставился вопрос и об употреблении в письменно-литературном языке научных терминов, что было связано со все возрастающим интересом общества к достижениям науки и техники. Все это говорит о том, что тот запас слов, который мог удовлетворить писателей-классиков XVII века, уже был недостаточен для писателей XVIII века. Среди членов Академии были консерваторы, которые все еще стремились сохранить «благородный стиль» XVII века, но, под влиянием более прогрессивных теоретиков и писателей, они постепенно уступали свои позиции. В словарь, изданный Академией в 1762 г., было включено 5217 новых слов, по сравнению с изданием 1740 г. [Там же: 362].

Интересно упомянуть о выступлении одного из членов Академии, Монкрифа (F.-A. Moncrif), в 1742 г., который, говоря о необходимости обогащения лексики общелитературного языка, хотел примирить два принципа – разум и «usage». Монкриф считал, что «usage» устанавливается не только по произведениям лучших писателей, но и по живой разговорной литературной речи, непосредственно отражающей развитие языка; однако в разговорной речи сохраняются не все нововведения, а лишь те из них, которые находят признание в письменно-литературном языке. Таким образом, Монкриф признавал, что письменно-литературный язык не может служить незыблемой нормой, но что он является контролирующим началом:

все, что разумно, принимается, что неразумно – отбрасывается [Там же: 362-363].

Французская Академия выпускает новые издания Словаря, в которых следует жестким правилам пуризма, причем в третьем издании (1740) это проявляется в большей степени, нежели во втором (1718). Ее теория трех стилей, опирающаяся на литературные жанры, предписывает высокий стиль трагедиям, одам и балладам; средний – романам; низкий (бурлеск) – комедиям и басням [Скрелина, Становая 2013: 417]. Синонимы разделены соответственно этим предписаниям.

М.В. Сергиевский отмечает, что в словарях, риториках и стилистиках XVIII века выделяются такие градации, как например: «*face* относится к высокому стилю; *visage* – к среднему; *garbe*, *frimousse* – к низкому стилю; *physionomie* также обозначает лицо, как и *minois*, которое никогда не употребляется в плохом смысле; *glaive* и *fer* относится к высокому стилю; *épée* – к среднему; *brette*, *rapière*, *flamberge*, *braquement* употребляются лишь в шутку» [Сергиевский 2014: 196].

Французская Академия отказалась от этимологического словорасположения во втором издании своего словаря, появившемся в 1718 г., и во всех последующих [Захарова 2009: 19]. Следует сказать, что издания Словаря Французской Академии 1740 и особенно 1762 гг. существенно расширили свой словник, частично включив лексику отвергаемых ранее пластов. О французском языке этого периода А. Доза [2003: 19] говорит: «XVIII век продолжает дело своего предшественника; но неологизмы теперь снова в чести, снова проникают в язык специальные термины, и появляются заимствования в виде англицизмов». Эта ситуация нашла отражение в четвертом издании Словаря, в которое во множестве вошли термины наук, искусств, ремесел, промышленности, охвачена лексика почти всех отраслей знания и деятельности [Захарова 2009: 21].

Издание 1718 г. возвращается к алфавитному порядку расположения слов, но все другие изменения касаются только мелких частных деталей. Издания

1740 и 1762 гг., особенно последнее, намного лучше первых как в смысле полноты словаря (еще более заметной в издании 1798 г.) и определений, так и в отношении упрощения орфографии. Шестое издание (1835) выделяется введением многочисленных неологизмов, число которых еще более возрастает в седьмом издании (1878): устаревшие слова устраняются и вводятся новые орфографические изменения. В XIX веке авторитет словаря укрепляются. [Доза 2003: 23].

Постоянный секретарь Французской Академии, Морис Дрюон в примечаниях к тексту Устава пишет в 1995 г., что только Словарь (*Dictionnaire de l'Académie française*) в результате кропотливой работы, стал реальным ответом на запрос власти. Таким образом, согласимся с мнением Е.А. Захаровой [2009: 25], которая выделяет, что первое издание Словаря Французской Академии подготавливалось почти 60 лет. Французская Академия в процессе работы над словарем создала законы жанра нормативного толкового словаря. С точностью и ясностью, свойственными французам, была разработана структура словарной статьи, четкие требования к описанию словарного слова.

Таким образом, можно предположить, что работу над словарем можно отнести к лексикографическому дискурсу. Отмечается, что лексикографический дискурс – специфический дискурс, в котором в концентрированном виде сопряжены язык, когниция и социальные потребности общества в обеспечении эффективной коммуникации [Харитончик 2012: 63]. Лексикографический дискурс представляет собой такой тип коммуникативного взаимодействия, в котором в целях максимального объяснительного эффекта отображаются значения слов как «кванты знаний» о мире и который реализуется в ряде устойчивых жанровых форм (словарных статей).

Главной задачей лексикографии является определение значения лексических единиц, составляющих словарный запас языка. Лексикографическая дефиниция должна дать пользователям словарей

наиболее соответствующие времени и коммуникативным интересам общества ориентиры к пониманию репрезентируемых сущностей, отражая изменчивость окружающей действительности и динамику нашего концептуального мира, регистрируя в словарных описаниях лексических значений новые прагматически важные кванты знания, модифицируя лексикографические дефиниции и тем самым видоизменяя лексикографический дискурс [Там же].

Как отмечают ученые [Там же: 64], особенностью лексикографического дискурса является Принцип Коперации Грайса. Следуя данному принципу, лексикограф в первую очередь ориентируется на то знание мира, которым предположительно владеют пользователи словаря. Данный принцип будет воплощен в словаре Французской Академии. Ученые и писатели объединялись в научные сообщества для совместной работы по совершенствованию языка, таким образом, лексикографическое сочинение становилось плодом коллективного труда [Захарова 2009: 16].

В заключение отмечаем, что Французская Академия и в настоящее время оказывает нормирующее влияние на состояние французского языка в рамках языковой политики Франции, продолжает работу над Словарем, публикуя его теперь не только в книжном, но и электронном формате.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

Лексикографическая деятельность Французской Академии в эпоху становления нации оказала огромное влияние на нормализацию и унификацию употребления французского языка. Проведенное исследование показало, что в XVII веке велась активная работа по созданию как отраслевых, так и специализированных словарей.

Первое издание Словаря Французской академии стало одним из первых нормативных словарей и несомненно является настоящей энциклопедией французского языка. Одним из достоинств этого издания является тщательный отбор слов в рамках пуристических взглядов издателей словаря.

Однако, Словарь вызвал множество критических замечаний и споров, прежде всего из-за медлительности работ и неудобства пользования словарем по причине расположения слов по этимологическим гнездам. Несмотря на то, что над словарем работали знаменитые писатели, мыслители и ученые, при экземплификации не дается ни одного имени автора примеров, что является большим минусом, поскольку теряется доверие и уверенность в правильности примеров. Исследователями отмечается также неясность или расплывчатость определений, слишком обширные определения и неточная структура словарных статей.

Тем не менее, Словарь Французской Академии сыграл значимую роль в процессе становления французского языка как письменно-литературного. Французская Академия функционирует и в настоящее время, осуществляя языковую политику по защите и развитию французского языка. Словарь Французской Академии признан настоящей энциклопедией языка и был переиздан множество раз и продолжается публикация девятого издания словаря.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное комплексное исследование коммуникативного потенциала академического дискурса с позиций прагмалингвистики и дискурсивного анализа позволяет сделать следующие выводы.

Доказано, что в пространстве такого научного учреждения, как Французская Академия, процесс легитимации филологической науки, проходящий в несколько этапов:

- *доинституциональное существование* протонаучной речевой практики в рамках филологических кружков, салонов, публичных лекций;
- *институциональное существование* академического дискурса.

Выявлено, что в рамках Академии функционирует академический дискурс, предполагающий целенаправленную передачу знаний в конкретной сфере деятельности посредством речевых жанров. В рамках данного дискурса происходит опосредованное общение академического сообщества, властных структур и социума.

Такой дискурс осуществляется в форме различных торжественных эпидейктических жанров, функционировавших в рамках Французской Академии XVII–XVIII вв. как основы коммуникативной институциональной практики: торжественная речь при вступлении во Французскую Академию (*discours de réception*), ответное слово (*réponse*), поздравительная речь (*compliment*), панегирик (*panégyrique*), благодарственное слово (*remerciement*), мемориальные / траурные речи (*éloge / oraison funèbre*).

При анализе академического дискурса торжественных речей, произнесенных академиками, было отмечено многообразие коммуникативных стратегий, используемых в рассматриваемом дискурсе. Были выделены следующие коммуникативные стратегии, использовавшиеся для дискурсивного воздействия на адресата: информативность, похвала, самоуничижение.

Предпринятое исследование вписывается в современную парадигму научного знания, базирующегося на позициях антропоцентризма.

Историографический анализ развития лингвистической мысли как в научном сообществе в целом, так и в отдельной стране, задает новый вектор дальнейшего исследования дальнейших этапов развития языкознания в свете изучения связей научного знания с социокультурной средой. Осмысление результатов, полученных при исследовании академического дискурса на материале торжественных речей в диахронической перспективе, позволит выявить новые параметры анализа языковых коммуникативно-прагматических средств, используемых научной коммуникации.

Данная работа может стать основой для дальнейших научных исследований, касающихся легитимации и нормирования национального языка с учетом деятельности академических структур в культурно-историческом контексте, а также исследования речевых жанров, используемых в академической среде в настоящее время, изучения текстов, вербализующих научные результаты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аликаев Р.С.** Язык науки в парадигме современной лингвистики [Текст] / Р.С. Аликаев. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 318 с.
2. **Анисимова Е.Е.** Лингвистика и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) [Текст]: учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. – М.: Изд. центр «Академия», 2003. – 128 с.
3. **Аннушкина Т.В.** Поздравительная речь [Текст] / Т.В. Аннушкина // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): слов.-справ. / под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск: Изд-во Сибирского федерального ун-та, 2012. – С. 449–450.
4. **Антонова Л.Г.** Современные коммуникативные процессы [Текст]: учеб. пособие / Л.Г. Антонова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2009. – 61 с.
5. **Арутюнова Н.Д.** Дискурс [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая Рос. энцикл., 2002. – С. 186–187.
6. **Ашин Г.К.** Современные теории элиты [Текст]: Критический очерк. – М.: Междунар. отношения, 1985. – 256 с.
7. **Барт Р.** Система моды. Статьи по семиотике культуры [Текст] / Р. Барт: Перев. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. – 512 с.
8. **Барышников Н.В.** Основы профессиональной межкультурной коммуникации [Текст]: учебник / Н.В. Барышников. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2014. – 368 с.
9. **Бахтин М.М.** Проблема речевых жанров [Текст] / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – С. 237–280.
10. **Безменова Н.А.** Очерки по теории и истории риторики [Текст] / Н.А. Безменова. – М.: Наука, 1991. – 213 с.
11. **Беликов В.И.** Социоллингвистика [Текст]: учеб. для бакалавриата и магистратуры / В.И. Беликов, Л.П. Крысин; Моск. гос. ун-т им. М.В.

- Ломоносова, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – 337 с.
12. **Бердникова А.Г.** Речевой жанр благодарности [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.Г. Бердникова. – Новосибирск, 2005. – 24 с.
13. **Блюш Ф.** Людовик XIV [Электронный ресурс] / Ф. Блюш. – М.: Ладомир, 1998. – URL: <http://www.litmir.co/br/?b=270683&p=95>, свободный (дата обращения: 24.09.15).
14. **Бокадорова Н.Ю.** Французская лингвистическая традиция XVIII – начала XIX века: структура знания о языке [Текст] / Н.Ю. Бокадорова; отв. ред. Ю.С. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1987. – 152 с.
15. **Болдырева А.А.** Авторитетность в научной коммуникации [Текст] / А.А. Болдырева // Авторитетность и коммуникация: коллектив. моногр. Вып. 4: Серия «Аспекты языка и коммуникации». – Воронеж: Воронежский государственный ун-т; Издательский дом Алейниковых, 2008. – С. 88–97.
16. **Борботько Л.А.** Категории театрального дискурса как институционального образования [Текст] / Л.А. Борботько // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». – 2014. – № 3 (23). – С. 113–122. – URL: <http://elibrary.ru/download/74597909.htm>, свободный (дата обращения: 24.08.16).
17. **Борисова Е.Г.** Алгоритмы воздействия [Текст] / Е.Г. Борисова. — М.: Международный институт рекламы, ЛО «Московия», 2005. — 140 с.
18. **Будагов Р.А.** Понятие о норме литературного языка во Франции в XVI–XVII веках [Текст] / Р.А. Будагов // Вопросы языкознания. – 1956. – № 5. – С. 10–21.

19. **Будагов Р.А.** Развитие французской политической терминологии в XVIII веке [Текст] / Р.А. Будагов. – 2-е изд. – М.: Добросвет-2000, 2002. – 176 с.
20. **Будагов Р.А.** Толковые словари в национальной культуре народов [Текст] / Р.А. Будагов. – 2-е изд., доп. – М.: Добросвет-М, 2006. – 272 с.
21. **Бурмакина Н.Г.** Дискурсивно-интегративные и культурно-национальные характеристики академической коммуникации [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.Г. Бурмакина. – Красноярск, 2014. – 217 с.
22. **Быкова Е.В.** Модульный мемориальный текст как вторичный текст массовой информации [Текст] / Е.В. Быкова // Медиатекст как полиинтенциональная система / отв. ред. Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. – СПб., 2012а. – С. 170–174.
23. **Быкова Е.В.** Модульный текст в массовой коммуникации: закономерности речевой организации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / Е.В. Быкова. – М., 2012b. – 39 с.
24. **Виала А.** Академии во французской литературной жизни XVII века [Электронный ресурс] / А. Виала; пер. с франц. Г. Галкиной // НЛО. – 2002. – № 54. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/54/>, свободный. – Электрон. версия печ. публикации (дата обращения: 24.09.15).
25. **Викулова Л.Г.** Академический дискурс: диахронический вектор коммуникативной практики XVII–XVIII веков [Текст] / Л.Г. Викулова, О.И. Короленко // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / отв. ред. О.А. Сулейманова; ред. кол.: Л.Г. Викулова, О.Г. Лукошус. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – С. 133–160.
26. **Викулова Л.Г.** Внешняя легитимация науки во Франции XVII века [Текст] / Л.Г. Викулова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические

- исследования». – 2015а. – № 2 (26). – С. 106–117. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/50270059.htm>, свободный.
27. **Викулова Л.Г.** Волшебная французская сказка конца XVII- начала XVIII века: прагмалингвистический аспект [Текст]: монография / Л.Г. Викулова. – Иркутск: ИГЛУ, 2001. – 286 с.
28. **Викулова Л.Г.** Диахроническая этносемиометрия лексемы *SALON* / Л.Г. Викулова, Е.Ф. Серебренникова, С.В. Михайлова // Фундаментальное и актуальное в развития языка: категории, факторы, механизмы: XVIII Междунар. конф. Шк. – Семинара им. Л.М. Скрединой: сб. ст. / [ред. кол.: Л.Г. Викулова (отв. ред.), Е.Г. Тарева, О.В. Вострикова, И.В. Макарова]. – М.: МГПУ: Яз. народов мира, 2017. – С. 47–52.
29. **Викулова Л.Г.** Легитимация научного знания: Французская Академия [Текст] / Л.Г. Викулова // Коммуникация в поликодовом пространстве: лингво-культурологические, дидактические, ценностные аспекты: материалы междунар. науч. конф. – СПб.: Изд-во Политехн. Ун-та, 2015b. – С. 8–11.
30. **Викулова Л.Г.** Легитимация научного филологического знания (XVII век, Франция) [Текст] / Л.Г. Викулова // Человек. Язык. Время: материалы XVII конф. Школы-семинара им. Л.М. Скрединой с междунар. участием (М., 16–18 сент. 2015 г.) / [редкол.: Л.Г. Викулова (отв. ред.), А.В. Щепилова, С.В. Михайлова, И.В. Макарова]. – М.: МГПУ: Яз. народов мира: ТЕЗАУРУС, 2015с. – С. 68–75.
31. **Викулова Л.Г.** Новые формы трансфера научных знаний в коммуникативной практике XVII века: филологический кружок, салон, лекционное бюро // Наука в общественном диалоге: ценности, коммуникации, организация: материалы междунар. науч. конф. / М-во образования и науки РФ, Санкт-Петербург. политех. ун-т Петра Великого. – СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2017. – С. 47–49.

32. **Викулова Л.Г.** Французский литератор XVII века: энциклопедическая доминация, лингвистическая компетенция, коммуникативное лидерство [Текст] / Л.Г. Викулова // Древняя и Новая Романия. – 2016. – Т. 17. – № 1 (17). – С. 266–278.
33. **Власов С.В.** Отбор слов и проблема языковой нормы в различных изданиях словаря Пьера Ришле (1680-1769) и в первых изданиях словаря Французской Академии (1694-1798) [Текст] / С.В. Власов // ХLI Международная филологическая конференция. Санкт-Петербург, 26-31 марта 2012 г.: Избранные труды / отв. ред. А.С. Асиновский, С.И. Богданов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – С. 23–30.
34. **Вудс Т.** Как католическая церковь создала западную цивилизацию [Текст] / Томас Вудс; перевод с английского [В. Кошкин]. – М.; Челябинск: ИРИСЭН : Социум, 2016. – 280 с.
35. **Газизов Р.А.** Этикетный дискурс в структуре коммуникативного поведения [Текст] / Р.А. Газизов // Человек и его дискурс – 4: коллектив. моногр. / отв. ред. М.Р. Желтухина; ВГСПУ; ИЯ РАН. – М.: ИЯ РАН; ООО «ИЦ Азбуковник», 2014. – Гл. IV. – С. 313–320.
36. **Гак В.Г.** Введение во французскую филологию : учебник и практикум для академического бакалавриата / В.Г. Гак, Л.А. Мурадова. – М.: Юрайт, 2016. – 303 с.
37. **Гальперин И.Р.** Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин; отв. ред. Г.В. Степанов. – 9-е изд. – М.: URSS, 2016. – 144 с.
38. **Герасимова С.А.** Французский издательский термин предисловие в исторической проекции [Текст] / С.А. Герасимова // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: сб. ст. : Материалы XVIII Междунар. конф. Школы-Семинара им. Л.М. Скреблиной (Москва, 13-1 сент. 2017 г.). – М.: МГПУ; Языки Народов Мира, 2017. – С. 65–71.

39. **Герасимова С.А.** Учебно-дидактический текст в педагогической коммуникации: лингвопрагматический аспект [Текст] : моногр. / С.А. Герасимова. – М.: МГПУ, 2015. – 224 с.
40. **Германова Н.Н.** История нормирования английского языка: Лингвокультурные основания британской нормативной грамматики [Текст] / Н.Н. Германова. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 368 с.
41. **Голубков А.В.** Между университетом и светским салоном: специфика доинституционального существования французского академического дискурса [Текст] / А.В. Голубков // Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени / отв. ред. П.В. Соколов. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 266–288.
42. **Голубков А.В.** От *disputato* к *conversatio erudita*: стратегии аргументации во французских академиях XVII в. [Текст] / А.В. Голубков // Полемическая культура и структура научного текста в Средние века и раннее Новое время : коллектив. моногр. / отв. ред. Ю.В. Иванова; науч. ред. Ю.В. Иванова, П.В. Соколов. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – С. 436–462.
43. **Голубков А.В.** Прециозность и галантная традиция во французской салонной литературе XVII века [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.03 / А.В. Голубков. – М., 2017а. – 253 с.
44. **Голубков А.В.** Прециозность и галантная традиция во французской салонной литературе XVII века [Текст] / А.В. Голубков. – М.: ИМЛИ РАН, 2017b. – 296 с.
45. **Горностаева Н.А.** Дань памяти как речевой жанр: лингвопрагматический аспект [Текст] / Н.А. Горностаева, М.А. Кулинич // Известия Волгоградского педагогического университета. – 2014. – № 5 (90). – С. 46–51.

46. **Гулинов Д.Ю.** Дискурсивные характеристики языковой политики современной Франции : моногр. [Текст] / Д.Ю. Гулинов. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. – 220 с.
47. **Гусев Д.** Офтальмология языка: зачем нужна Французская академия [Электронный ресурс] / Д. Гусев // Голос со всего мира. – 2017. – 20.03. – Режим доступа: <http://ru.rfi.fr/frantsiya/20170320-ofthalmologiya-yazyka-zachem-nuzhna-frantsuzskaya-akademiya>, свободный
48. **Дейк Т.А. ван.** Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т.А. ван Дейк. — М.: Прогресс, 1989. — 311 с.
49. **Десяева Н.Д.** Академическое красноречие [Текст]: учеб. пособие / Н.Д. Десяева. – М.: МГПУ, 2016. – 152 с.
50. **Доза А.** История французского языка = Histoire de la langue française [Текст] / А. Доза; пер. с фр. Е.Н. Шор; под ред. и с предисл. М.С. Гурычевой. – 2-е изд., стер. – М.: ЛИБРОКОМ, 2003. – 471 с.
51. **Дубнякова О.А.** Концепт *foi* в христианской лингвокультуре [Текст] / О.А. Дубнякова, Т.А. Кашина // Человек. Язык. Время : материалы XVII конф. Школы-семинара им. Л.М. Скреблиной с междунар. участием (М., 16-18 сент. 2015 г.) / [ред. кол. : Л.Г. Викулова (отв. ред.), А.В. Щепилова, С.В. Михайлова, И.В. Макарова]. – М., 2015. – С. 134–140.
52. **Загрязкина Т.Ю.** Термины культуры в диалоге научных школ и культур [Текст] / Т.Ю. Загрязкина // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: Материалы перв. междунар. конф. (Москва 14–16 апреля 2016 г.) / под ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. – М.: МГПУ: Яз. народов мира, 2016. – С. 210–214.
53. **Захарова Е.А.** Отражение лексикографической практики Словаря Академии французской в Словаре Академии российской (1789–1794) [Текст] // Российская Академия (1783–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков / под ред. А.А. Костина, Н.Д.

- Кочетковой, И.А. Малышевой. – СПб.: Санкт-Петербургский науч. центр РАН [и др.], 2009. – С. 13–25.
54. **Зубец О.П.** Об аристократизме [Текст] / О.П. Зубец // Этическая мысль. – М.: ИФРАН, 2001. – Вып. 2. – С. 151–168.
55. **Зубкова Я.В.** Конститутивные признаки академического дискурса [Текст] / Я.В. Зубкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 5. – С. 28–32.
56. **Зыкова И.В.** Культура как информационная система: Духовное, ментальное, материальное, материально-знаковое [Текст] / И.В. Зыкова. – 2-е изд., стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 368 с.
57. **Извекова М.Г.** Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М.Г. Извекова. – Волгоград, 2006. – 21 с.
58. **Иссерс О.С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О.С. Иссерс. – 7-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 304 с.
59. **История французского языка** [Текст] : учеб. для филол. фак. гос. ун-тов, ин-то и фак. иностр. яз / [сост. : Н.А. Катагощина, М.С. Гурычева, К.А. Алендорф]. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1963. – 447 с.
60. **История французской литературы.** Т. 1. С древнейших времен до революции 1789 г. [Текст] / [гл. ред. В.М. Жирмунский] ; АН СССР, Ин-т лит. (Пук. Дом). – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1946. – 810 с.
61. **Исторический лексикон. Европа. XVII в.** [Электронный ресурс]. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 2351 с. – Режим доступа: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=38654> (29.11.2017).
62. **Казакова О.А.** Диалектная языковая личность в жанровом аспекте: монография [Текст] / О.А. Казакова. – Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2007. – 200 с.
63. **Канафина М.А.** Профессиональная речь юриста [Текст] / М.А. Канафина // Наука и современность. – 2015. – № 36. – С. 154–157.

64. **Карасик В.И.** О категориях дискурса [Текст] / Языковая личность: социалингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград; Саратов: Перемена, 1998. – С. 185–196.
65. **Карасик В.И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
66. **Карасик В.И.** Язык социального статуса [Текст] / В.И. Карасик. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.
67. **Касавин И.Т.** Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка [Текст] / И.Т. Касавин. – М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2008. – 542 с.
68. **Катагощина Н.А.** Курс истории французского языка [Текст]: учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Французский язык и литература» / Н.А. Катагощина, Н.М. Васильева. – М.: Диана, 1997. – 421 с.
69. **Кислицын С.А.** Научная элита в системе политической власти [Текст] / С.А. Кислицын. – 3-е изд., доп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2013. – 288 с.
70. **Кнехт Р.** Дж. Ришелье [Текст] / пер. с англ. и вступ. ст. А. Егорова / Р. Кнехт. – Ростов н/Д : Феникс, 1997. – 384 с.
71. **Кожетева А.С.** Лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса (на материале вербальных нот) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.С. Кожетева; науч. рук. Л.Г. Викулова. – М., 2012. – 193 л.
72. **Копелевич Ю.Х.** Возникновение научных академий. Середина XVII – середина XVIII в. [Текст] / Ю.Х. Копелевич. – Л.: Наука, 1974. – 267 с.
73. **Крапивкина О.А.** Лингвистический статус субъекта в юридическом дискурсе (на материале английского и русского языков) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О.А. Крапивкина. – Иркутск, 2011. – 20 с.
74. **Кубрякова Е.С.** О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) [Текст] / Е.С. Кубрякова // Дискурс,

- речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров. – М.: РАН ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед., 2000. – С. 7–25.
75. **Кубрякова Е.С.** Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 6–17.
76. **Кулакова Е.А.** Особенности развития грамматической мысли во Франции XVII–XVIII века [Текст] / Е.А. Кулакова // Вестник Новгородского государственного ун-та. – 2014. – № 83. – Ч. 1. – С. 89–91.
77. **Кулешова Е.В.** Становление Ж.-Б. Боссюэ (1627-1704) как общественно-политического и религиозного мыслителя / А.В. Кулешова [Текст] // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. – 2012. – № 9. – С. 202–216.
78. **Культурные трансферы: проблемы кодов** [Текст]: коллектив. моногр. / под ред. С.Г. Проскурина, А.С. Центнер, О.В. Хоцкина, М.А. Ивлева, Б.М. Кейман, А.В. Проскурина; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. – 224 с.
79. **Кушнерук С.П.** Документная лингвистика: учеб. пособие [Текст] / С.П. Кушнерук. – 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 254 с.
80. **Ларина Т.В.** Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций [Текст] / Т.В. Ларина. – М.: Рукописная память Древней Руси, 2009. – 512 с.
81. **Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов :** коллектив. моногр. / [отв. ред. Л.Г. Викулова]. – М.: Тезаурус, 2011. – 351 с.
82. **Литвиненко Т.И.** Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста: монография [Текст] / Т.И. Литвиненко. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. – 308 с.

83. **Луков В.А.** Европейская культура Нового времени (тезаурусный анализ) [Электронный ресурс]: науч. моногр. / отв. ред. В.А. Луков. – М.: МосГУ, 2006. – 102 с. – URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov_VI_A_European_Culture/#_ftnref114, свободный.
84. **Луков В.А.** Теоретическое осмысление неоромантизма: академическая речь Ростана [Текст] / В.А. Луков // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 3. – С. 111–118.
85. **Макаров М.Л.** Основы теории дискурса [Текст] / М.Л. Макаров. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 280 с.
86. **Матвеева Т.В.** Траурная речь или надгробная речь [Текст] / Т.В. Матвеева // Культура русской речи: энцикл. слов.-справ. / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2003. – С. 718.
87. **Машлыкина Н.Д.** Хвалебная речь как жанр лаудативного дискурса (на материале немецкого языка) [Текст] / Н.Д. Машлыкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 4 (58). – Ч. 2. – С. 125–127.
88. **Мильчин А.Э.** Издательский словарь-справочник [Текст] / А.Э. Мильчин. – М.: Юристъ, 1998. – 472 с.
89. **Мильчина В.** О Бюффоне и его «стиле» [Электронный ресурс] / В. Мильчина // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 13. – URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/BUFMILCH.HTM>, свободный.
90. **Мильчина В.** Ж.Л.Л. де Бюффон Речь при вступлении во Французскую Академию [Электронный ресурс] / пер. и прим. В. Мильчиной // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 13. – URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/BUFFON.HTM>, свободный.

91. **Михайлова Е.Н.** Ренессансная система знания о языке: от диалога культур к культуре диалога [Текст] / Е.Н. Михайлова // Диалог культур. Культура диалога. Человек и новые социогуманитарные ценности: коллектив. монография / отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. – М.: НЕОЛИТ, 2017. – С. 345–367.
92. **Михайлова Е.Н.** Ренессансные описания французского языка как особого рода узуальный контекст [Текст] / Е.Н. Михайлова // Романское и культурное наследие: история и современность : Материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. И.В. Скуратов. – М.: МГОУ, 2016. – С. 227–232.
93. **Михайлова Е.Н.** Французская национальная грамматическая традиция XVI века как отражение языкового самосознания эпохи Возрождения [Текст] // Вестник Нижневартбургского государственного гуманитарного университета. – 2008. – Вып. 4. – С. 17–24.
94. **Михайлова Е.Н.** *Studia litterarum* в научном наследии Шарля Этьена (1504? –1564) [Текст] / Е.Н. Михайлова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2011. – № 1. – С. 44–51.
95. **Михайлова С.В.** Литературный салон XVII века как фактор паратопии [Текст] / С.В. Михайлова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2011. – № 1 (7) 2011. – С. 108–113.
96. **Михайлова С.В.** Фемининная идентичность и способы ее объективации в художественном дискурсе XVII века [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С.В. Михайлова. – М., 2012. – 236 с.
97. **Мохова Л.К.** Грамматическая мысль в России и Франции XVII века [Текст] / Л.К. Мохова // Франция и Россия: век XVII: коллектив. моногр. / отв. ред. К.Ю. Кашлявик. – Нижний Новгород: Радонеж, 2016. – С. 134–140.

98. **Николози Р.** Петербургский панегирик XVIII века: Миф – идеология – риторика [Текст] / Р. Николози; пер. с нем. М.Н. Жаровой; под ред. К.А. Богданова. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 216 с.
99. **Овчарова К.В.** Ритуальность в дискурсе: многообразие проявлений [Текст] / К.В. Овчарова // Особенности исследования и конструирования актуальных типов дискурса и их категорий: моногр. / под ред. И.П. Хутыз. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. – Разд. 2.4. – С. 213–251.
100. **Палий Е.Н.** Салон как феномен культуры XIX века. Традиции и современность [Текст] : монография / Е.Н. Палий. – М.: НЕФТЬ и ГАЗ, 2008. – 320 с.
101. **Панов М.И.** Эпидейктическая речь [Текст] / М.И. Панов // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: слов.-справ. – М.: КРПА Олимп, 2005. – С. 339–352.
102. **Пахсарьян Н.Т.** Эволюция типа «*honnête homme*» во французской литературе XVII века [Текст] / Н.Т. Пахсарьян // Франция и Россия: век XVII : коллектив. моногр. / отв. ред. К.Ю. Кашлявик. – Н. Новгород: Радоннеж, 2016. – С. 93–101.
103. **Плотникова А.М.** Новые тенденции в русском лексикографическом дискурсе [Текст] / А.М. Плотникова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2014. – № 3 (19). – С. 22–29.
104. **Поварнин С.И.** Спор. О теории и практике спора [Текст] / С.И. Поварнин. – СПб. : Лань, 1996. – 192 с.
105. **Попова Т.И.** Некоторые особенности академического дискурса [Текст] / Т.И. Попова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 7 (102). – С. 85–91. (серии нет)

106. **Потсар А.Н.** Речевая структура персонажа в массовом тексте [Текст] : автореф. дис. ... канд. наук: 10.01.10. / А.Н. Потсар. – СПб., 2006. – 18 с.
107. **Проскурин С.Г.** Курс семиотики. Язык. Культура. Право: учеб. пособие [Текст] / С.Г. Проскурин. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2013. – 228 с.
108. **Пряжников Н.С.** Психология элитарности [Текст] / Н.С. Пряжников. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2000. – 512 с.
109. **Радченко О.А.** Й.Г. Гаман в лингвистическом дискурсе в лингвистическом дискурсе XVIII столетия [Текст] / О.А. Радченко, Л.С. Аликаева // Вопросы языкознания. – 2011. – № 1. – С. 82–101.
110. **Радченко О.А.** О нарративном направлении в современной лингвоисториографии [Текст] / О.А. Радченко // Теория и методика преподавания романо-германских языков в современном вузе. Аракинские чтения 1998 г.: сб. науч. трудов. – М.: МГПУ, 1999. – С. 53–62.
111. **Рождественский Ю.В.** Теория риторики [Текст] / Ю.В. Рождественский. – М.: Добросвет, 1996. – 600 с.
112. **Руберт И.Б.** Становление и развитие английских регулятивных текстов (Структурные, семантические, прагматические аспекты) [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. – СПб., 1996. – 42 с.
113. **Рыжова Л.П.** Французская прагматика [Текст]: монография / Л.П. Рыжова. — М.: КомКнига, 2007. — 240 с.
114. **Савельев А.Д.** Идентификация и формирование научной элиты [Текст] / А.Д. Савельев // Социологические исследования. – 1995. – № 2. – С. 118–127.
115. **Санников С.В.** Семиозис власти в семантическом типе культуры: методологические пролегомены [Текст] // Scholae. Философское

- антиковедение и классическая традиция. – 2014. – Т. 8, вып. № 2. – С. 378–398.
116. **Семенюк Н.Н.** Жанр текста как лингвистическая реальность [Текст] / Н.Н. Семенюк, Н.С. Бабенко // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 713–722.
117. **Сергиевский М.В.** История французского языка [Текст] : учеб. для ин-тов иностр. яз. и филол фак. гос. ун-тов и пед. ин-тов / М. В. Сергиевский. – Изд. стер. – М.: URSS: Изд-во ЛКИ, 2014. – 285 с.
118. **Серио П.** Как читают тексты во Франции [Текст]: вступ. статья / П. Серио; пер. с фр. И.Н. Кузнецовой // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. — М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 12–53.
119. **Сивак Е.В.** «Закрытая» академическая среда и локальные академические конвенции [Текст] / Е.В. Сивак, М.М. Юдкевич // Форсайт. – 2008. – № 4 (8). – С. 32–41.
120. **Скрелина Л.М.** История французского языка [Текст]: учеб. для бакалавров / Л.М. Скрелина, Л.А. Становая. – 3-е изд. – М.: Юрайт, 2013. – 463 с.
121. **Сластникова Т.В.** Семантика обобщения французского высказывания [Текст] / Т.В. Сластникова // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: XVIII Междунар. конф. Шк. – Семинара им. Л.М. Скрелиной: сб. ст. / [ред. кол. : Л.Г. Викулова (отв. ред.), Е.Г. Тарева, О.В. Вострикова, И.В. Макарова]. – М.: МГПУ: Яз. народов мира, 2017. – С. 238–243.
122. **Согомонян В.Э.** Что такое дискурс власти? [Текст] / В.Э. Согомонян // 21-й век. – № 21. – С. 34–51.
123. **Срезневский И.И.** О французских словарях по поводу словаря А.П. Поатвеня [Текст] / И.И. Срезневский. – СПб: тип. имп. акад. наук, 1860 – 24 с.

124. **Тарасов Б.Н.** «Мыслящий тростник»: Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей [Текст] / Б.Н. Тарасов. – 2-е изд. – М.: Языки славянск. культур, 2009. – 896 с.
125. **Тумина Л.Е.** Комплимент [Текст] / Л.Е. Тумина // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: слов.-справ. / отв. ред. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. – М.: КРПА Олимп, 2005. – С. 917–921.
126. **Тумина Л.Е.** Ответное слово [Текст] / Л.Е. Тумина // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: слов.-справ. – М.: КРПА Олимп, 2005. – С. 910–911.
127. **Турбина О.А.** Норма в ряду категорий национального языкового сознания [Текст] / О.А. Турбина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2015. – Т. 12, № 3. – С. 50–53.
128. **Турбина О.А.** Формирование французского классического предложения: системный и структурный аспекты [Текст] / О.А. Турбина. – Челябинск, 1994. – 269 с.
129. **Тусупов Е.** Речь Монтескье во Французской Академии (24 января 1728 года) [Текст] / Е. Тусупов // Правовая реформа в Казахстане: информационно-аналитический журнал. – 2001. – Режим доступа: <http://articlekz.com/article/4778>, свободный.
130. **У Бо.** Речевой жанр благодарности в русском языке [Текст]: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / У. Бо. – М., 2014. – 178 с.
131. **Федотов О.И.** Панегирик [Текст] / О.И. Федотов // Новая Российская Энциклопедия : Т. 12 (2) : Орлеанская – Пермь / гл. ред. В.И. Данилов-Данильян, А.Д. Некипелов; ред. кол. : Л.А. Аннинский [и др.]. – М.: Энциклопедия: Инфра-М, 2014. – С. 233–234.
132. **Фомина З.Е.** Геронтологические категории «youth» «молодость» и «oldage» «старость» англо-американских языковых рефлексиях в аспекте идиосинкразии [Текст] / З.Е. Фомина, Ю.С. Коновалова // Научный Вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Серия

- «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». – 2011. – Вып. 2 (16). – С. 27–43.
133. **Формановская Н.И.** Благодарность [Текст] / Н.И. Формановская // Культура русской речи: энцикл. слов.-справ. / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2003. – С. 97–99.
134. **Формановская Н.И.** Поздравление 1 [Текст] / Н.И. Формановская // Культура русской речи: энцикл. слов.-справ. / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 481–482.
135. **Формановская Н.И.** Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика [Текст] / Н.И. Формановская. – М.: Изд-во «ИКАР», 2007. – 480 с.
136. **Халипов В.Ф.** Наука о власти. Кратология [Текст]: учеб. пособие / В.Ф. Халипов. – М.: ОСЬ 89, 2002. – 448 с.
137. **Харитончик З.А.** Принцип кооперации в лексикографическом дискурсе [Текст] / З.А. Харитончик // Язык-когниция-социум : тез. докл. Междунар. науч. конф. / редкол.: З.А. Харитончик (отв. ред.) [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2012. – С. 63–64.
138. **Хронос. Франция в XVII веке** [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hrono.ru/1600fr.php>, *свободный*. (дата обращения: 18.07.16).
139. **Хутыз И.П.** Академический дискурс: культурно-специфическая система конструирования и трансляции знания: монография [Текст] / И.П. Хутыз. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – 176 с.
140. **Хутыз И.П.** Познание коммуникативных традиций культуры через академическое письмо [Текст] / И.П. Хузыз // Особенности исследования и конструирования актуальных типов дискурса и их категорий: моногр. / под ред. И.П. Хутыз. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. – Разд. 1.5. – С. 97–129.

141. **Черкасов П.П.** Кардинал Ришелье [Текст]: портр. гос. деят. / П.П. Черкасов. – М.: ОЛМА-пресс, 2002. – 411 с.
142. **Чернявская В.Е.** Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ [Текст] / В.Е. Чернявская. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 240 с.
143. **Чернявская В.Е.** Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность [Текст]: учебное пособие / В.Е. Чернявская. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 248 с.
144. **Чернявская В.Е.** Лингвистика текста. Лингвистика дискурса [Текст] : учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 208 с.
145. **Шаталова С.В.** Эпидейктические жанры речи [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С.В. Шаталова. – Ярославль, 2009. – 24 с.
146. **Шерстяных И.В.** Теория речевых жанров [Текст]: лекционно-практический курс для магистрантов / И.В. Шерстяных. – 2-е изд., стереотип. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 546 с.
147. **Шилихина К.М.** Ирония в академическом дискурсе [Текст] / К.М. Шилихина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2013. – № 1. – С. 115–118.
148. **Шмелева Т.В.** Панегирик [Текст] / Т.В. Шмелева // Культура русской речи: энцикл. слов.-справ. / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2003. – С. 441.
149. **Шмелева Т.В.** Этикетные речевые жанры [Текст] // Культура русской речи: энцикл. слов.-справ. / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2003. – С. 786–787.
150. **Щерба Л.В.** Опыт общей теории лексикографии / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность / под ред. Л.Р. Зиндера и

- М.И. Матусевич. – 4-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – С. 265–304.
151. **Щербинина Ю.В.** Педагогический дискурс [Текст] : моногр. / Ю.В. Щербинина. – М.: МПГУ, Прометей, 2010. – 300 с.
152. **Яковлева Е.С.** Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) [Текст] / Е.С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
153. **Bely L.** La France au XVIIe siècle. Puissance de l'Etat, contrôle de la société [Text] / L. Bely. – Paris : PUF, 2009. – 864 p.
154. **Benveniste E.** Problèmes de linguistique générale II [Text] / E. Benveniste. — Paris : Gallimard, 1974. – 288 p.
155. **Brunot F.** Précis de grammaire historique de la langue française [Text] / F. Brunot, Ch. Bruneau. – Paris: Masson, 1956. – 642 p.
156. **Caput J.-P.** L' Académie française [Text] / J.-P. Caput. – Paris : PUF, 1986. – 126 p.
157. **Charaudeau P.** Contrat de communication [Text] / P. Charaudeau // Dictionnaire d'Analyse du Discours. – Paris: Editions du Seuil, 2002. – P. 138–141.
158. **Corbeille J.-C.** L'aménagement linguistique du Québec [Text] / J.-C. Corbeille. – Montréal; Guérin: Collection, 1980. – 215 p.
159. **Croix A.** Histoire culturelle de la France. De la Renaissance à l'aube des Lumières [Text] / A. Croix, J. Queniat ; sous la dir. de J.-P. Rioux, J.-F. Sininelli. – Paris : Editions du Seuil, 1997. – 401 p.
160. **Choix de Discours de réception à l'Académie Française, depuis son établissement jusqu'à sa suppression :** avec une introduction par L. Boudou. T. 1. – Paris: Demonville, 1808. – 488 p. – URL: <https://play.google.com/books/reader?id=UTI-AAAAYAAJ&printsec=frontcover&output=reader&hl=ru&pg=GBS.PP1>, свободный (date of access : 24.09.15).

161. **Corroy L.** Bureau d'adresse de Théophraste Renaudot // Les recherches en information et communication et leurs perspectives. Histoire, objet, pouvoir, méthode: Actes du XIIIe Congrès national des sciences de l'information et de la communication Palais du Pharo (Marseille), du 7 au 9 octobre 2002 [Text]. – Paris: SFSIC. – P. 31–36.
162. **Courtat F.-T.** Monographie du Dictionnaire de l'Académie Française [Electronic resource] / F.-T. Courtat // Gallica. – URL: <http://gallica.bnf.fr>, свободный. – Электрон. версия печ. публикации (date of access: 24.09.15).
163. **D'Aubignac F.** Discours au Roy sur l'establissement d'une seconde académie dans la ville de Paris [Electronic resource] / par messire François Hedelin, abbé d'Aubignac // Paris: Du Brueil. – 1664 // Gallica. – URL: <http://gallica2.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k49802v>, свободный (date of access: 24.09.15).
164. **Encausse Hélène Carrère d'** Des siècles d'immortalité: L'Académie française, 1635 - ... [Text] / H.C. d'Encausse. – Paris : Fayard, 2011. – 500 p.
165. **Furetière A.** Le dictionnaire des Halles ou Extrait du «Dictionnaire de l'Académie française» [Electronic resource]. – 1995. // Gallica. – URL: <http://gallica.bnf.fr>, свободный. – Электрон. версия печ. публикации (date of access: 24.09.15).
166. **Gassier É.** Les cinq cents immortels: Histoire de l'Académie française 1634–1906 [Text] / É. Gassier. – Paris: Henri Jouve, editeur, 2012. – 376 p. – Репр. воспр. изд.: Paris, 1906.
167. **Goldwyn H.** L'éducation des femmes aux XVIIe siècle // Cahiers du XVIIe siècle. – 1991. – P. 249–262. – URL: <http://se17.bowdoin.edu/1991-volume-v-1/1991-volume-v-1>. (date of the access 01.11.2016).
168. **Grevisse M.** Le bon usage / M. Grevisse, A. Goosse. – 14e éd. – Bruxelles: De Boeck & Larcier s.a., 2007. – 1600 p.

169. **Hyland K.** Academic discourse [Text] / K. Hyland. – New York: Continuum, 2009. – 215 p.
170. **Hyland K.** What do they mean? Questions in academic writing [Text] / K. Hyland // Text. – 2002. – Vol. 22 (4). – P. 539–557.
171. **Les lieux de savoir** [Electronic resource] / dir. De Ch. Jacob : En 2 vol. – Paris : Albin Michel, 2011.
172. **Lodge R.A.** Le français: Histoire d'une dialecte devenu [Text] / R.A. Lodge; traduit de l'anglais par C. Veken. – Paris : Fayard, 1997. – 385 p.
173. **Maingueneau D.** L'analyse du discours. Introduction aux lectures de l'archive [Text] / D. Maingueneau. – Paris: Hachette, 1991. – 268 p.
174. **Maingueneau D.** Le contexte de l'oeuvre littéraire. Enonciation, écrivain, société [Text] / D. Maingueneau. – Paris: Dunod, 1993. – 196 p.
175. **Maingueneau D.** Le discours littéraire: paratopie et scène d'énonciation [Text] / D. Maingueneau. – Paris, 2004. – 262 p.
176. **Maingueneau D.** Glossaire: paratopie. – URL: <http://pagespersorange.fr/dominique.maingueneau/index.html>, свободный (date of access: 24.09.15).
177. **Maury A.** Les Académies d'autrefois. L'Ancienne Académie des Sciences [Electronic resource]. – Paris: Didier, 1864. – URL : https://play.google.com/store/books/details/Alfred_Maury_Les_acad%C3%A9mies_d_autrefois?id=2Eypm0MCsAcC, свободный (date of access: 24.09.15).
178. **Nouvelle histoire de la langue française** [Text] / sous la dir. de J. Chaurand. – Paris: Editions du Seuil, 1999. – 815 p.
179. **Papin Y.D.** Précis chronologique de civilisation française de Lascaux à Deaubour [Text] / Y.D. Papin. – Paris : ALBIN Michel, 1981. – 285 p.
180. **Pellisson P.** Histoire de l'Académie française par Pellisson et d'Olivet avec une introduction, des éclaircissements et notes [Text] / P. Pellisson. – Paris: DIDIER ET Cie, 1858. – 526 p.

181. **Pellisson-Fontanier P., Olivet P.-J. d'** Histoire de l'Académie française: depuis l'établissement de l'Académie jusqu'à 1652 [Electronic resource]. – Paris, 1743. – URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k737033/f6.image.r=pellisson%20%20histoire%20de%20l%27acad%C3%A9mie%20francoise.langEN>, свободный (date of access: 24.09.15).
182. **Les premières édition du Dictionnaire de l'Académie française** // Bibliothèque de l'école des chartes. – 1888. – T. 49. – P. 577–580. – URL: http://www.persee.fr/doc/bec_0373-6237_1888_num_49_1_462593, свободный (date of access: 21.10.17).
183. **Puech J.-B.** Dédicaces exemplaires [Text] / J.-B. Puech, J. Couratier // Poétique. 1987. - № 69. – P. 61–82.
184. **Rohou J.** Le XVIIe siècle, une révolution de la condition humaine / J. Rohou. – Paris: Editions du Seuil, 2002. – 670 p.
185. **Swales J.** Genre Analysis: English in Academic and Research Settings [Electronic resource] / J. Swales. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 260 p. – URL: <http://www.getcited.org/pub/102862255>, свободный (date of access: 17.06.2016).
186. **Tyrtée T.** Histoire des quarante fauteuils de l'Académie française depuis la fondation jusqu'à nos jours, 1635-1855: Tome 1, I. Le fauteuil de Fléchier – V. Le fauteuil d'Esménard / T. Tyrtée. – Paris, 1855. // Gallica. – URL: <http://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb372825842>, свободный (date of access: 24.09.15).
187. **Uhlenbruch B.** Simeon Polockij's Poetische Verfahren – «Rifmologion» und «Vertograd Mnogocvetnyj» [Text] / B. Uhlenbruch. – Bochum: Bochum Univers., 1979. – 310 s.
188. **Vaugelas C.F. de.** Remarques sur la langue française [Text] / C.F. de Vaugelas; Extraits avec une Notice biographique, une Notice historique et littéraire, des Commentaires de l'Académie, un Questionnaire, un Index, des Jugements et des Notes explicatives par René Lagane. – Paris: Larousse, 1969. – 170 p.

189. **Waquet F.** Qu'est-ce que la République des Lettres ? Essai de sémantique historique [Electronic resource] / F. Waquet // Bibliothèque de l'école de Chartes. – 1989. – № 147. – P. 35–76. – URL : http://www.persee.fr/doc/bec_0373-6237_1989_num_147_1_450545, свободный (date of access: 2.11.17).
190. **Wellman K.A.** Making science social. The Conferences of Théophraste Renaudot (1633-1642) [Text] / K.A. Wellman. – Norman: University of Oklahoma Press, 2003. – 461 p.
191. **Yates F.** Les académies en France au XVIe siècle [Text] / F. Yates. – Paris : PUF, 1996. – 511 p.

Словари и справочные издания

192. **Азимов Э.Г.** Новый словарь методических терминов и понятий: (теория и практика обучения яз.) [Текст] / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М.: Икар, 2009. – 447 с.
193. **Бедекер Х.-Э.** Академии / Х.-Э. Бедекер // Мир Просвещения. Исторический словарь / под ред. В. Февроне и Д. Роша / пер. с итал. Н.Ю. Плавинской; под ред. С.Я. Карпа. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – С. 266–273.
194. **Белокурова С.П.** Словарь литературоведческих терминов [Текст] / С.П. Белокурова. – СПб.: Паритет, 2007. – 316 с.
195. **Гудман Д.** Социальные связи и формы общения / Д. Гудман // Мир Просвещения. Исторический словарь / под ред. В. Февроне и Д. Роша / пер. с итал. Н.Ю. Плавинской; под ред. С.Я. Карпа. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – С. 259–265.
196. **Каринский Д.** Парламенты во Франции [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – Режим доступа: <http://alcala.ru/brokgauz-slovvari/izbrannoe/slovar-P/P2217.shtml>, свободный (дата обращения: 9.04.17).

197. **Кривушина Е.** Французская Академия [Электронный ресурс] / Е. Кривушина // Кругосвет. – Электрон. энциклопедия. – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/FRANTSUZSKAYA_AKADEMIYA.html, свободный (дата обращения: 24.09.15).
198. **Культура русской речи** [Текст]: энцикл. слов.-справ. / под общ. рук. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2003. – 840 с.
199. **Лингвистический энциклопедический словарь** [Текст] / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая Рос.энцикл., 2002. – 709 с.
200. **Мир Просвещения. Исторический словарь** / под ред. В. Февроне и Д. Роша / пер. с итал. Н.Ю. Плавинской; под ред. С.Я. Карпа. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 668 с.
201. **Музрукова Т.Г.** Краткий словарь иностранных слов [Текст]: Ок. 5000 слов / Т.Г. Музрукова, И.В. Нечаева. – М.: Рус. яз., 1995. – 394 с.
202. **Новая Российская энциклопедия**: В 12-ти т. Т. 2. : А–Баяр [Текст] / гл. ред. А.Д. Некипелов. – М.: Энциклопедия: Инфра-М, 2005. – 960 с.
203. **Ожегов С.И.** Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова ; РАН, Ин-т рус. яз. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 2003. – 943 с.
204. **СИС – Словарь иностранных слов** [Текст] / гл. ред. Ф.Н. Петрова. – 15-е изд., испр. – М.: Рус.яз., 1988. – 608 с.
205. **СТМК – Словарь терминов межкультурной коммуникации** [Текст] / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович. – М.: Флинта, 2013. – 632 с.
206. **Ушаков Д.Н.** Большой толковый словарь. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-64455.htm>, свободный.

207. **Энциклопедический словарь по эпистемологии** [Текст] / Учреждение рос. акад. наук, Ин-т философии; под ред. И.Т. Касавина. – М.: Альфа-М., 2011. – 469 с.
208. **Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/brokgause>, свободный.
209. **Эффективная коммуникация: история, теория, практика** [Текст]: слов.-справ. / отв. ред. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. – М.: КРПА Олимп, 2005. – 960 с.
210. **DAD** — Dictionnaire d'Analyse du Discours [Text] / sous la dir. de P. Charaudeau, D. Maingueneau. — Paris: Seuil, 2002. — 662 p.
211. **Dictionnaire de l'Académie Française** [Electronic resource]. – Paris, 1694. – URL : <http://dictionnaires.atilf.fr/dictionnaires/ACADEMIE/PREMIERE/premiere.fr.html>, свободный (date of access: 24.09.15).
212. **Dictionnaire du français** [Text] / sous la direction de J. Rey-Debove. – Paris: Le Robert : CLE International, 2003. – XIV, 1233 p.
213. **DH** – Dictionnaire historique de la langue française [Text]: en trois volumes / sous la direction d'Alain Rey. – Paris : le Robert, 2006. – 4304 p.
214. **Dauzat A.** Nouveau Dictionnaire Etymologique et Historique [Text] / A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterand. – Paris: Librairie Larousse, 1964. – XLIX, 805 p.
215. **Le petit Larousse illustré** [Text]. – Paris: Larousse, 2001. – 1786 p.
216. **Lexis Larousse de la langue française** [Text] / red. J.-P. Merel e.a. – Paris : Larousse / VUEF, 2002. – 2109 p.
217. **Nouveau Dictionnaire Etymologique et Historique** / A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterand. – Paris : Librairie Larousse, 1964. – XLIX, 805 p.
218. **Richelet P.** Dictionnaire de la langue françoise ancienne et moderne. Tome 1, A-H / de Pierre Richelet; augmenté de plusieurs additions d'histoire, de grammaire, de critique, de jurisprudence et d'une liste alphabétique des auteurs et des livres citez// Amsterdam. – 1732 // Gallica. –

URL: <http://gallica2.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k50933f>, свободный (date of access: 24.09.15).

219. **Le Robert Quotidien** : Dictionnaire pratique de la langue française:

50000 mots.150000 sens. 25000 citations. Plus: 6000 conseils pratiques sur le bon emploi des mots. – Paris : Dictionnaires Le Robert, 1996. – 2181,1 p.

Интернет-ресурсы

220. Официальный сайт Лувра. – URL: <http://www.louvre.fr/histoire-du-louvre/periode-3#tabs> (дата обращения: 16.09.16).

221. Официальный сайт Французской Академии. – URL: <http://www.academie-francaise.fr/>, свободный (дата обращения: 24.09.15).

222. The ARTFL Projet – URL: <http://dictionnaires.atilf.fr/dictionnaires/index.htm>, свободный (date of access: 24.09.15).

223. Centre National des ressources Textuelles et Lexicales, les dictionnaires anciens. – URL: <http://www.cnrtl.fr/dictionnaires/anciens/>, свободный (date of access: 24.09.15).

224. Le musée virtuel des dictionnaires [Electronic resource]. – URL : <https://dictionnaires.u-cergy.fr/index.html> , свободный (date of acces: 12.11.17)

225. Larousse.fr. – URL: <http://www.larousse.fr/>, свободный (date of access: 24.09.15).

Источники

226. Discours de réception de Olivier Patru (le 03 septembre 1640). – URL : <http://www.academie-francaise.fr/discours-de-reception-de-olivier-patru>, свободный (date of access: 24.08.16).

227. Discours de réception de Jean de La Bruyère et préface (le 15 juin 1693). – URL : <http://www.academie-francaise.fr/discours-de-reception-de-jean-de-la-bruyere-et-preface>, свободный (date of access: 24.08.16).

228. Discours de réception du baron de Montesquieu (le 24 janvier 1728). – URL : <http://www.academie-francaise.fr/discours-de-reception-du-baron-de-montesquieu>, свободный (date of access: 24.08.16).
229. Discours de réception du comte de Buffon (le 25 août 1753). – URL : <http://www.academie-francaise.fr/discours-de-reception-du-comte-de-buffon>, свободный (date of access: 24.08.16).
230. *Réponse au discours de réception de Jean Barbier d'Aucour* (le 29 novembre 1683). – URL : <http://www.academie-francaise.fr/reponse-au-discours-de-reception-de-jean-barbier-daucour>, свободный (date of access: 24.08.16).
231. *Réponse au discours de réception de Philippe Quinault* (le 24 mars 1670). – URL : <http://www.academie-francaise.fr/reponse-au-discours-de-reception-de-philippe-quinault>, свободный (date of access: 24.08.16).
232. *Réponse au discours de réception de Claude-Henri Watelet* (le 19 janvier 1761). – URL : <http://www.academie-francaise.fr/reponse-au-discours-de-reception-de-claude-henri-watelet>, свободный (date of access : 24.08.16).
233. *Compliment à M. de Machault, Contrôleur Général des Finances* (le 16 décembre 1745). – URL : <http://www.academie-francaise.fr/compliment-m-de-machault-controlleur-general-des-finances>, свободный (date of access: 24.08.16).
234. *Compliment à Madame la chancelière* (le 1 mai 1672). – URL : <http://www.academie-francaise.fr/compliment-madame-la-chanceliere>, свободный (date of access: 24.08.16).
235. *Compliment fait au Roi, sur la naissance de Monseigneur le Dauphin et compliment à Monseigneur le Dauphin* (le 28 octobre 1781). – URL : <http://www.academie-francaise.fr/compliment-fait-au-roi-sur-la-naissance-de-monseigneur-le-dauphin-et-compliment-monseigneur-le>, свободный (date of access: 24.08.16).

236. Charpentier François. *Panegyrique du Roi sur la Paix* (le 24 juillet 1679). – URL : <http://www.academie-francaise.fr/panegyrique-du-roi-sur-la-paix-0>, свободный (date of access: 24.08.16).
237. Pellisson Paul. *Panegyrique du Roi Louis XIV* (le 3 février 1671). – URL : <http://www.academie-francaise.fr/panegyrique-du-roi-louis-xiv>, свободный (date of access: 24.08.16).
238. Tallemant Paul le Jeune. *Panegyrique du Roi* (le 25 août 1673). – URL : <http://www.academie-francaise.fr/panegyrique-du-roi>, свободный. – (date of access: 24.08.16).
239. Tallemant Paul le Jeune. *Panegyrique du Roi sur la paix* (le 25 août 1679). – URL : <http://www.academie-francaise.fr/panegyrique-du-roi-sur-la-paix>, свободный (date of access: 24.08.16).
240. Tallemant Paul le Jeune. *Panegyrique sur l'heureux Retour de la santé du Roi* (le 27 janvier 1687). – URL : <http://www.academie-francaise.fr/panegyrique-sur-lheureux-retour-de-la-sante-du-roi>, свободный (date of access: 24.08.16).
241. Tallemant Paul le Jeune. *Panegyrique du Roi prononcé le jour de la distribution des Prix* (le 25 août 1689). – URL : <http://www.academie-francaise.fr/panegyrique-du-roi-prononce-le-jour-de-la-distribution-des-prix>, свободный (date of access: 24.08.16).
242. Roger de Bussy-Rabutin. *Remerciement* (en avril 1682). – URL : <http://www.academie-francaise.fr/remerciement>, свободный (date of access : 24.08.16).
243. Pellisson Paule. *Remerciement* (le 30 décembre 1652). – URL : <http://www.academie-francaise.fr/remerciement-de-paul-pellisson>, свободный (date of access: 24.08.16).
244. *Remerciment fait à M. le Duc de Richelieu* (le 24 juin 1672). – URL : <http://www.academie-francaise.fr/remerciment-fait-m-le-duc-de-richelieu>, свободный (date of access: 24.08.16).

245. *Oraison funèbre pour Messire Abel Servien* (le 5 avril 1659). – URL : <http://www.academie-francaise.fr/oraison-funebre-pour-messire-abel-servien>, свободный (date of access: 24.08.16).
246. *Éloge funèbre de M. Perrault* (le 31 janvier 1704). – URL : <http://www.academie-francaise.fr/elog-funebre-de-m-perrault>, свободный (date of access: 24.08.16).
247. *Éloge funèbre de Messire Pierre Séguier* (en janvier 1672). – URL: <http://www.academie-francaise.fr/elog-funebre-de-messire-pierre-seguier>, свободный (date of access : 24.08.16).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1

Список первых сорока членов Французской Академии

Fauteil (Кресло №)	Membre (Члены Академии)	Profession (Профессия)	Âge à l'entrée (Возраст, годы)	Date d'élection (Дата избрания)	Le temps de présence (Годы службы в Академии)
1	Пьер Сегье (1588-1672)	Политический деятель	47	1635	7
2	Валантен Конрар (1603-1675)	Литератор	31	1634	41
3	Жак де Серизе (1590-1653)	Литератор	44	1634	19
4	Жан Демаре де Сен-Сорлен (1595-1676)	Поэт и драматург	39	1634	42
5	Жан Ожье де Гомбо (1576-1666)	Поэт и драматург	58	1634	32
6	Франсуа Лё Метель де Буаробер (1589-1662)	Поэт и драматург	45	1634	28
7	Жан Шаплен (1595-1674)	Поэт и литературный критик	39	1634	40
8	Клод Малевиль (1597-1647)	Поэт	37	1634	13
9	Никола Фаре (1596-1646)	Литератор	38	1634	12
10	Антуан Годо (1605-1672)	Поэт и священнослужитель	29	1634	38
11	Филипп Аббер (1604-1637)	Поэт	30	1634	3
12	Герман Аббер де Серизе (1615-1654)	Священнослужитель и поэт	19	1634	20
13	Клод Гаспар Баше, сьер де Мезириак (1581-1638)	Математик, поэт и переводчик	53	1634	4
14	Франсуа Мейнар (1582-1646)	Поэт	52	1634	12

15	Гийом Ботрю (1588-1665)	Поэт	46	1634	31
16	Жан Сирмон (1589-1649)	Поэт и литератор	45	1634	15
17	Франсуа де Ковиньи (1588-1648)	Поэт	46	1634	14
18	Жан Бодуэн (1590-1650)	Литератор	44	1634	16
19	Франсуа де Арбо де Поршер (1590-1640)	Поэт	44	1634	6
20	Поль Ай Шастеле (1592-1636)	Литератор	42	1634	2
21	Марен Леруа де Гомбервиль (1600-1674)	Поэт	34	1634	40
22	Марк-Антуан Жирар де Сен- Аман, (1594-1661)	Поэт	40	1634	27
23	Гийом Кольте (1598-1659)	Поэт	36	1634	25
24	Жан де Сельон (1596-1667)	Философ	38	1634	33
25	Клод де Л'Этуаль (1602-1652)	Литератор	32	1634	18
26	Амабль де Бурзеис (1606-1672)	Священнослужитель	28	1634	38
27	Абель Сервьен (1593-1659)	Государственный деятель	41	1634	25
28	Жан-Луи Гез де Бальзак (1597-1654)	Литератор	37	1634	20
29	Пьер Барден (1590-1635)	Литератор	44	1634	1
30	Онора де Бюэй де Ракан (1589-1670)	Поэт	45	1634	36
31	Пьер де Буасса (1603-1662)	Военный	31	1634	28
32	Клод Фавр де Вожла (1585-1650)	Грамматист	49	1634	16
33	Венсан Вуатюр (1597-1648)	Литератор	37	1634	14

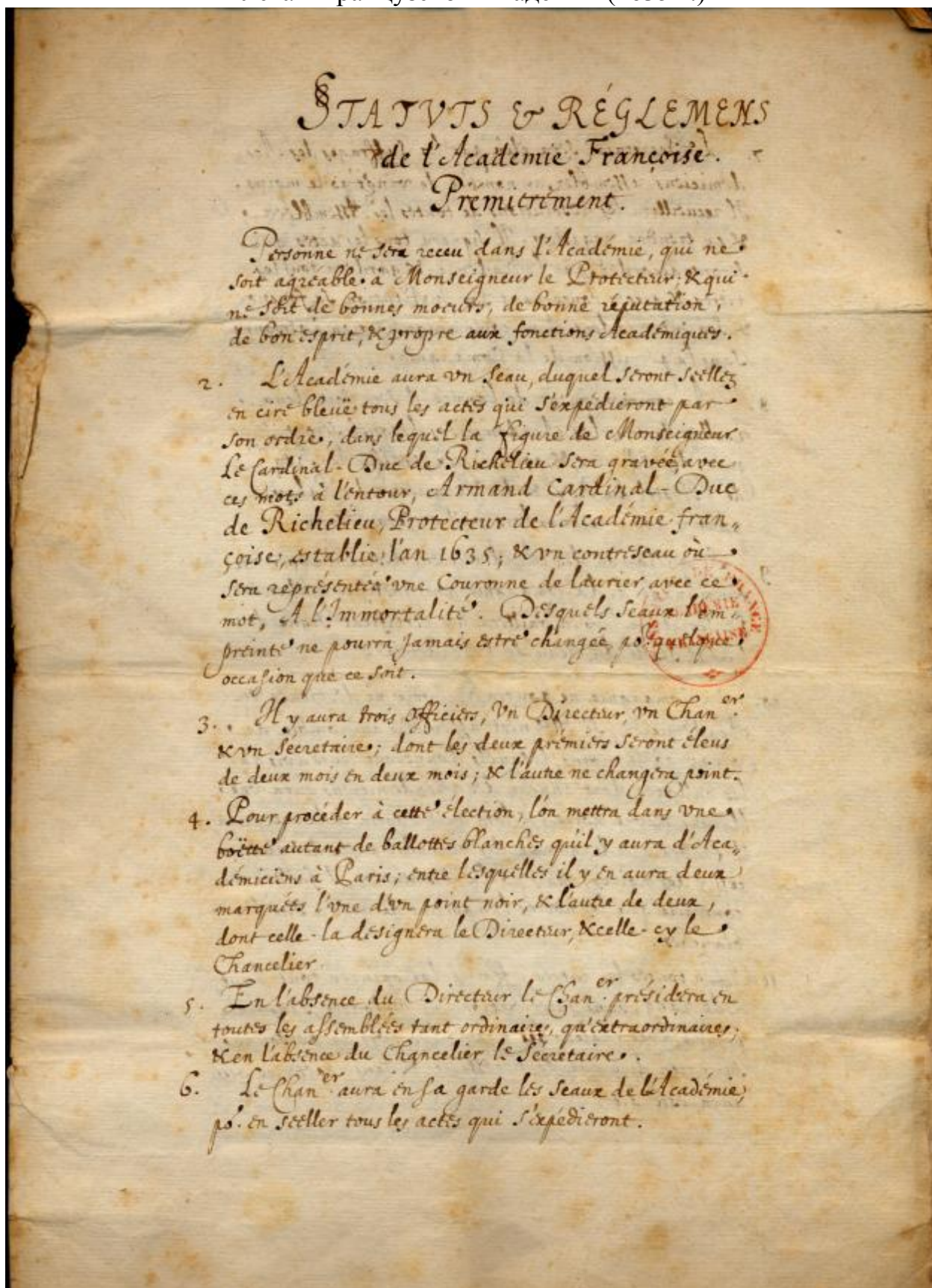
34	Онора де Поршер Ложье (1572-1653)	Поэт	62	1634	19
35	Анри Луи Абер де Монтмор (1600- 1679)	Литератор	34	1634	45
36	Марен Кюро де ла Шамбр (1594-1669)	Королевский врач и философ	40	1634	35
37	Даниэль Ай Шастеле (1596-1671)	Священнослужитель	39	1635	36
38	Огер де Молеон Гранье (1600-1652)	Литератор	35	1635	17
39	Луи Жири (1596- 1665)	Адвокат	40	1636	29
40	Даниэль де Приезак (1590-1662)	Юрист	49	1639	23

Заседание Французской Академии: процедура принятия в академики

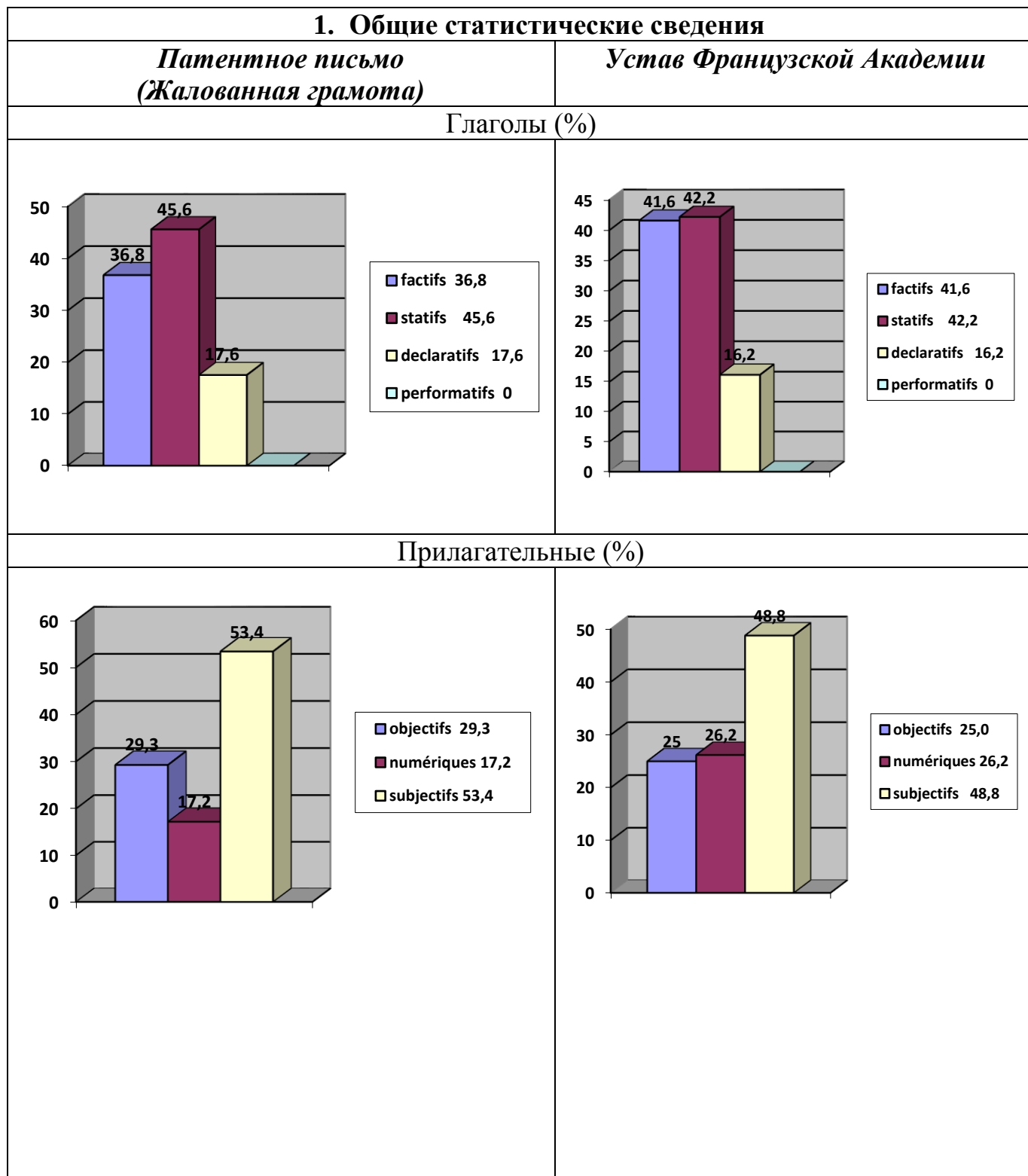
[Nouvelle histoire de la langue française / sous la dir. de J. Chaurand. – Paris: Editions du Seuil, 1999. – P. 245]

Устав Французской Академии (1635 г.)

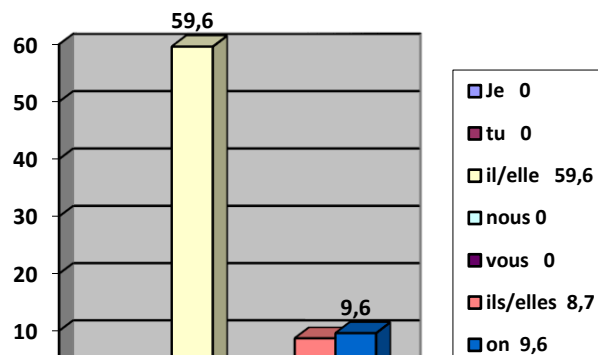
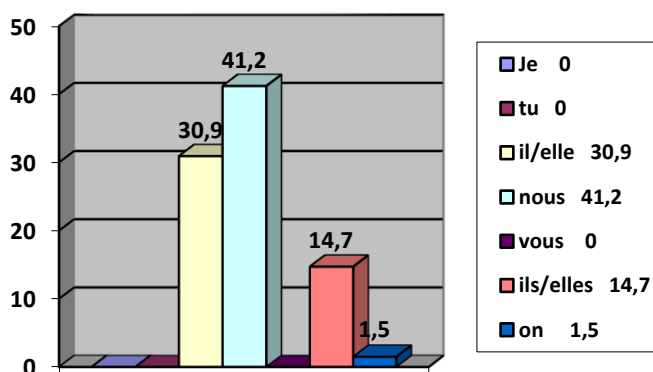

[<http://www.academie-francaise.fr/linstitution/statuts-et-reglements>]

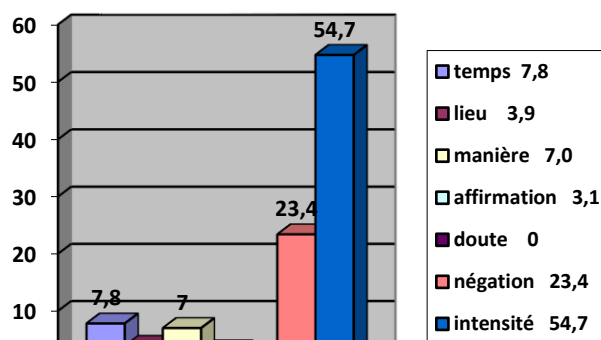
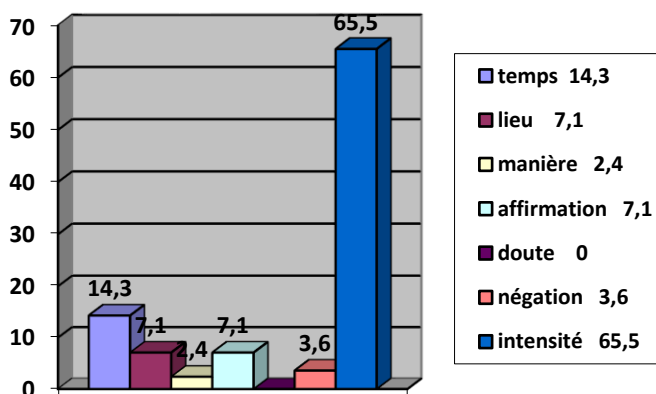
Результаты сопоставительного контент-анализа Патентного письма
(Жалованной грамоты) и Устава Французской Академии

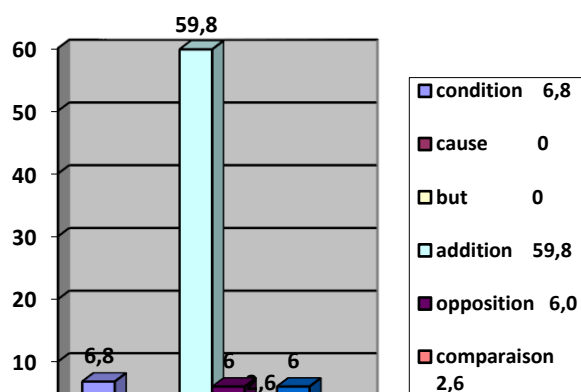
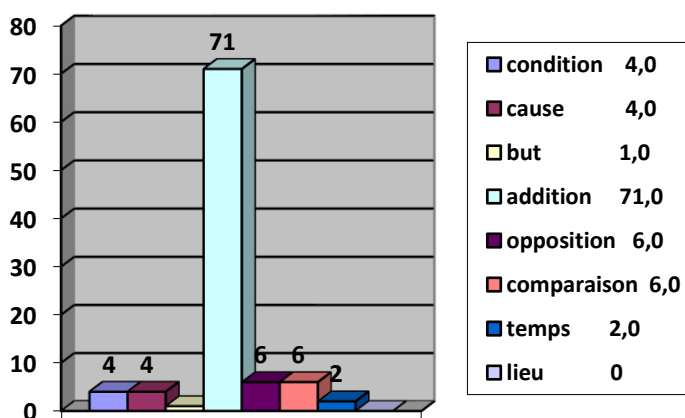
Личные местоимения (%)

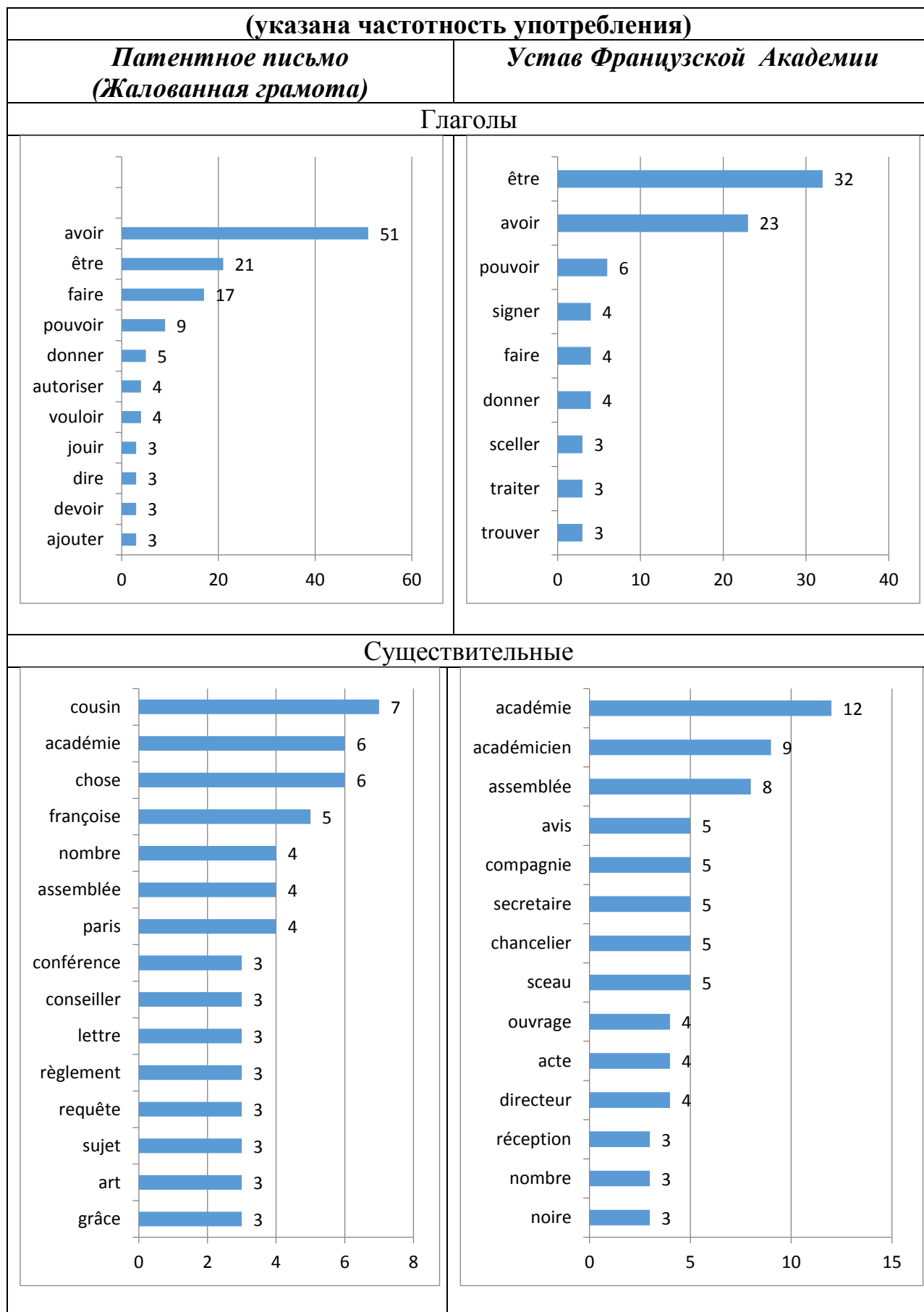
Модализация (%)

Коннекторы (%)

2. Представленность наиболее часто употребляющихся слов

Титульный лист Словаря Французской Академии (т. 1, 1694 г.)

LE
DICTIONNAIRE
DE
L'ACADEMIE
FRANÇOISE.
DEDIÉ AU ROY.
TOME PREMIER.
A—L

A PARIS,
Chez la Veuve de JEAN BAPTISTE COIGNARD, Imprimeur ordinaire du Roy,
& de l'Académie Françoisse, rue S. Jacques, à la Bible d'Or:
ET
Chez JEAN BAPTISTE COIGNARD, Imprimeur & Libraire ordinaire
du Roy, & de l'Académie Françoisse, rue S. Jacques, près S. Severin, au Livre d'Or.
M. DC. LXXXIV.
AVEC PRIVILEGE DE SA MAJESTE'.

[<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k503971/f1.item>]

Фронтиспис в Словаре Французской Академии [гравюра]

[<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k503971/f1.item>]